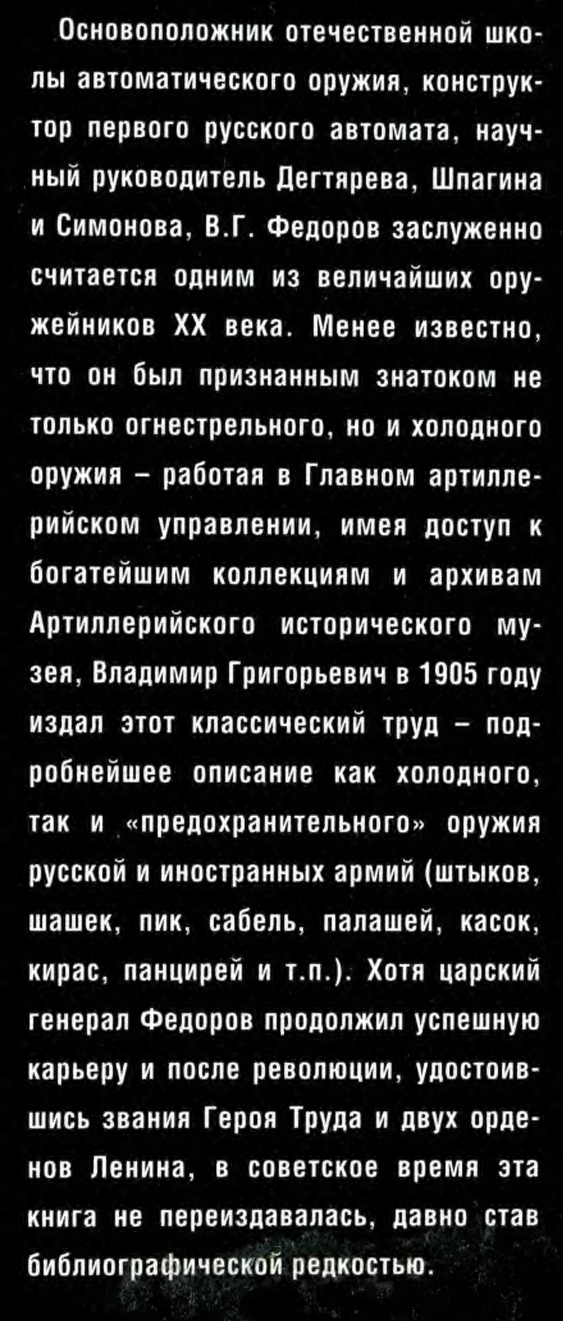

Основоположник отечественной школы автоматического оружия, конструктор первого русского автомата, научный руководитель Дегтярева, Шпагина и Симонова, В.Г. Федоров заслуженно считается одним из величайших оружейников XX века. Менее известно, что он был признанным знатоком не только огнестрельного, но и холодного оружия – работая в Главном артиллерийском управлении, имея доступ к богатейшим коллекциям и архивам Артиллерийского исторического музея, Владимир Григорьевич в 1905 году издал этот классический труд – подробнейшее описание как холодного, так и «предохранительного» оружия русской и иностранных армий (штыков, шашек, пик, сабель, палашей, касок, кирас, панцирей и т.п.). Хотя царский генерал Федоров продолжил успешную карьеру и после революции, удостоившись звания Героя Труда и двух орденов Ленина, в советское время эта книга не переиздавалась, давно став библиографической редкостью.

ISBN 978-5-699-40380-6
9 785699 403806

Владимир ФЕДОРОВ

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

ОРУЖЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

Владимир ФЕДОРОВ

ОРУЖЕЙНАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ

Владимир ФЕДОРОВ

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

МОСКВА
2010

УДК 355/359
ББК 68
Ф 33

Оформление серии *С. Курбатова*

Федоров В. Г.
Ф 33 Холодное оружие / Владимир Федоров. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 288 с. — (Оружейная коллекция).

ISBN 978-5-699-40380-6

Основоположник отечественной школы автоматического оружия, конструктор первого русского автомата, научный руководитель Дегтярева, Шпагина и Симонова, В. Г. Федоров заслуженно считается одним из величайших оружейников XX века. Менее известно, что он был признанным знатоком не только огнестрельного, но и холодного оружия — работая в Главном артиллерийском управлении, имея доступ к богатейшим коллекциям и архивам Артиллерийского исторического музея, Владимир Григорьевич в 1905 году издал этот классический труд — подробнейшее описание как холодного, так и «предохранительного» оружия русской и иностранных армий (штыков, шашек, пик, сабель, палашей, касок, кирас, панцирей и т. п.). Хотя царский генерал Федоров продолжил успешную карьеру и после революции, удостоившись звания Героя Труда и двух орденов Ленина, в советское время эта книга не переиздавалась, давно став библиографической редкостью.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-40380-6

Холодное оружие дает быстрый и решительный результат в руках того, кто не боится погибнуть...

Одностороннее увлечение чем-нибудь одним — огнестрельным или холодным оружием (штыком или пулей) всегда кончалось катастрофой, как только являлся противник, который не забывал ни огня, ни холодного оружия (Драгомиров, Сборник статей, том I).

Современная военная наука считала штыковые атаки отжившими свой век и невозможными ввиду страшной силы огня; настоящая война показала обратное. Русские и японцы неоднократно сходились грудь с грудью в бешеных штыковых схватках.

(Thilo von Trotha Neue Militariche Blätter).

Введение

Отделкой золотой блистает мой кинжал
Клинок надежный — без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного Востока.
Наездику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу.
Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

(Лермонтов. «Поэт»)

аше время бесспорно может быть названо временем великого развития технической стороны военного дела — с каждым годом все более и более усовершенствуются различные образцы огнестрельного оружия: в ручном оружии попутно с улучшением баллистических свойств, достигнутым постепенным уменьшением калибра, было последовательно введено нарезное оружие, заряжание с казны, металлические патроны, магазинные ружья; в настоящее время поднят вопрос об автоматическом оружии, вопрос об утили-

зации силы отдачи на производство заряжания; с каждым годом появляются все более и более усовершенствованные образцы пулеметов и автоматических пистолетов.

В главных государствах заканчивается перевооружение дальнобойными скорострельными орудиями, мортиры введены в полевую артиллерию, проектируются всевозможного вида и устройства снаряды, начиненные сильно взрывчатыми веществами. Железные дороги, телеграфы, телефоны, воздушные шары принимают важное участие в войне. Одним словом, с каждым годом совершенствуются и увеличиваются все средства для ведения современных кровопролитных войн.

Но среди такого прогресса всех отраслей военного дела одна его часть, а именно холодное оружие, находится в состоянии глубокого застоя, в состоянии полной неподвижности. Можно сказать даже более, что в настоящее время образцы холодного оружия много уступают тем, которыми когда-то были вооружены наши отдаленные предки.

Если различные системы огнестрельного оружия, находящиеся в музеях и арсеналах, возбуждают в настоящее время интерес лишь с исторической точки зрения, являясь просто хламом по сравнению с современными успехами техники, то прежнее холодное оружие, наоборот, представляет собою образцовые клинки, основанию устройства которых нелишнее поучиться и в настоящее время.

Восточные сабли, которыми так славился Восток, эта родина кавалерии, — родина всех естественных конниц, — привлекают и теперь внимание любителей и знатоков, понимающих толк в холод-

ном оружии и видящих в них не только памятник старины, но и отличные боевые их качества.

Причины упадка холодного оружия, конечно, ясны и очевидны для всех. С изобретением пороха и огнестрельного оружия его первенствующая роль прекратилась, и с постепенным усовершенствованием ружей и артиллерийских орудий холодное оружие все более и более отодвигалось на второй план.

В современных войнах количество раненых и убитых белым оружием по сравнению с общим количеством вышедших из строя должно быть ничтожным.

Денисон в своей истории конницы приводит следующие данные из Франко-Германской войны, доказывающие малую действительность холодного оружия: во время этой кампании со стороны немцев выбыло из строя 88 870 чел., из которых 13 556 убитыми и 75 314 ранеными; из них от неизвестных причин выбыло всего 23 710 человек, но точно установлены причины оставления строя 65 160 человек; из всего этого числа ударами и уколами сабли убито или ранено 218 человек, а остальное число от огнестрельных ран, т.е. из числа выбывших (65 160) только 0,35% выбыло от ран, нанесенных холодным оружием, все же остальные от огнестрельного оружия. Из числа 218 выбывших 6 было убито, а 212 ранено. В коннице на общую потерю в 2236 чел. холодным оружием выведено из строя 138 чел., т.е. 6% всех выбывших в боях кавалеристов. Таким образом, во всех битвах, в которых участвовала германская конница, бывшая в действующей армии всего в количестве, по Денисону, около 40 000 чел., в течение 6 месяцев

кампании, во время которой немецкая кавалерия на полях сражений неоднократно вела бой с противником, иногда против его кавалерии, как, например, в сражении при Вионвиле, она потеряла от холодного оружия только 138 чел.

Что касается до настоящей кампании, то ввиду крайнего упорства и ожесточения, с которыми ведутся бои, количество убитых и раненных холодным оружием, конечно, возрастет, но тем не менее общий процент по сравнению с выбывшими из строя от огнестрельных ран вряд ли будет значительным.

В недавно вышедшем труде Nimer et Laval — «Les armes blanches-Leur action et leurs effets vulnérants» — приведена интересная таблица о количестве таких раненых в последние войны.

Приводим здесь эти сведения.

ВОЙНЫ И ЭКСПЕДИЦИИ	Общее число раненых	Число раненных холодным оружием		Автор или источник статистических данных
		Полное	В процентах относительно общего числа раненых	
1	2	3	4	5
Крымская кампания (французы)	26 811	811	3,05	Шеню
Крымская кампания (англичане)	10 351	163	1,50	История Британии

1	2	3	4	5
Итальянская кампания (французы)	15 966	565	3,5	Шеню
Итальянская кампания (австрийцы)	18 521	543	2,9	Рихтер
Шлезвиг (1864 г.)	3232	61	1,8	Леффлер
Баварцы (1866 г.)	1698	56	3,3	Рихтер
Итальянцы (1866 г.)	2903	92	3,1	Кортес
Ганноверцы (1866 г.)	1092	15	1,37	Штромейер
Австрийцы и пруссаки (1866 г.)	8527	333	3,9	Рихтер
Датчане (1864 г.)	1203	19	1,5	Леффлер
Немцы (1864 г.)	2388	58	2,4	
Америка (Соединенные Штаты	246 712	922	0,37	Гентингтон
Немцы (1870—1871 гг.)	98 233	1245	1,3	Официальное донесение
Герцоговинцы (австрийцы)	3746	44	1,14	Мирдац
Русско-Турецкая (Плевна)	—	—	0,99	Кошер

1	2	3	4	5
Суаким (англичане)	129	36	20,0	Тюбин
Нильская экспедиция (англичане)	267	40	15,0	Муат

Из этой таблицы усматривается значительный процент лишь в двух последних графах, но эти цифры относятся к двум колониальным экспедициям англичан, где им пришлось иметь дело с неприятелем, вооруженным исключительно саблями и стрелами.

В общем же можно сказать, что процент поранений холодным оружием в течение европейских войн последнего полувека постепенно понижается, а именно с величины 3, за войны середины последнего столетия, процент этот падает до 0,99 в Русско-Турецкую войну.

Естественно, что при таких обстоятельствах роль холодного оружия на полях сражений довольно незначительна.

В былые же времена, до изобретения огнестрельного оружия, во время кровопролитных массовых рукопашных схваток холодное оружие имело первостепенное значение, а потому вполне понятно стремление насколько возможно его улучшать и усовершенствовать во всех его частностях.

Если в наше время каждая хотя даже и незначительная деталь в конструкции нашей винтовки служит предметом для разработки ее в возможно лучшем направлении, то столько же старания и предки наши влагали в устройство холодного ору-

жия, ввиду той важности, которую в те времена имело оно на полях сражений.

В пояснение высказанной мысли мы укажем здесь только на некоторые примеры: о дамасских клинках — об этом «таинственном закале — наследье бранного Востока» — известно всем; о преимуществах восточного крыжа (гарды) необходимо указать, что он удовлетворяет всем условиям, к нему предъявляемым: 1) защищает руку со всех четырех сторон (наша дужка лишь с двух); 2) не нарушает симметрии оружия (прежние гарды нарушали симметрию); 3) удобен при носке (неудобство двухсторонних гард).

Поперечное сечение некоторых восточных сабель в месте удара поражает своей формой — эта форма, приноровленная к лучшему преодолеванию различных сопротивлений; при такой форме клинок, врезаясь в тело, должен глубже рассекать его, нанося более существенные раны. Достаточно отметить, что такое же сечение имеют, по некоторым сведениям, вводимые в настоящее время французские пули (форма лодки в продольном разрезе), форма которых, основанная на вычислениях, приноровлена к лучшему преодолению сопротивления воздуха. Выгоды такой формы поперечного сечения ясны из следующего: клинок входит в рану, раздвигая в сторону разъединенные части, но вслед за этим они вновь соединяются. Если клинок имеет форму клина, т.е. наибольшую часть у обуха, то разъединенные части, стремясь вновь соединиться, надавливают на боковые поверхности клинка и уменьшают его проникание. Если же клинок устроен так, что самая наибольшая его толщина находится вблизи от лезвия и потом уменьшается по направлению к обуху и при-

том лезвие достаточно остро, чтобы надлежащим образом врезываться при ударе, то разъединенные части, которые сопротивляются этому действию, не будут производить давления и трения на боковую поверхность клинка, а только на переднюю его часть, и таким образом у подобного клинка проникание будет больше, чем у клинка, имеющего форму клина. А между тем, просматривая образцы оружия, бывшие в нашей кавалерии в начале прошлого столетия, нам пришлось видеть сабли, поперечное сечение которых представляло не только клин, но у обуха было значительное уширение металла; то же самое можно видеть и теперь в оружии германской армии.

Необходимо отметить, что восточное оружие у нас совершенно не изучено; несмотря на богатые коллекции клинков, собранных в различных музеях как у нас, так и за границей, до сих пор нет никаких теоретических расчетов и хотя бы указаний, на которых основывалась бы теория конструкции холодного оружия.

Несмотря на наше непосредственное соседство с Востоком, вопрос этот у нас также совершенно не разработан, как и за границей. Скудость печатных сочинений о холодном оружии просто изумительна.

Заграничные издания, конечно, более многочисленны, но и они главным образом содержат описательную часть, т.е. описание различных образцов без всяких теоретических указаний или сравнительной оценки достоинств или недостатков различных образцов. В самых распространенных у нас курсах артиллерии есть лишь указания, что рубящее оружие должно быть кривым, колющее же — прямым.

В архивных делах, касавшихся перевооружений нашей армии, также сохранилось слишком мало указаний на те руководящие начала, которые должны были играть роль при замене того или другого оружия.

При полном отсутствии теоретической разработки различных вопросов о конструкции холодного оружия и были возможны лишь те перевооружения или, вернее, та «игра в перевооружения», которая была у нас в прошедшее столетие (за исключением перевооружения 1881 года, в которое было вложено много новых идей). Основания большинства перевооружений были совершенно случайны; что сегодня считалось правильным, то через несколько лет оспаривалось, и, наконец, приходили к совершенно обратному заключению.

Перевооружения производились под влиянием тех или других мнений, которые случайно в то или другое время имели лица, на долю которых выпало играть роль в изменениях образца.

Характерно отметить, что в 1825 году Артиллерийский Департамент поднял вопрос о том, что эфесы палашей и легкокавалерийских сабель следовало бы утяжелить для увеличения прочности, а когда это дело не прошло, то Артиллерийское ведомство в 1827 году возбудило вопрос о том, что те же эфесы следовало бы облегчить для более удобного действия оружием. В 1881 году мы отказались от металлических ножен и перешли к кожаным, в настоящее же время вновь поднимается вопрос о переходе к металлическим. Характерно отметить, что в то время, когда Сухопутное ведомство возбуждало вопрос о переходе от металлических ножен

к кожаным, Морское ведомство обратно желало перейти от кожаных к металлическим. Сухопутное ведомство убедило Морское в преимуществе кожаных, а через несколько лет убедило самое себя, что кожаные оболочки плохи, и перешло к резиновым, а когда убедилось, что и резиновые плохи, то, по-видимому, желает теперь вновь убедиться в преимуществах металлических.

В 1868 году мы отказались в вооружении прислуги пешей артиллерии от тесаков и перешли к шашкам ввиду преимуществ последних, в настоящее же время, по-видимому, желаем перейти вновь к тесакам и отказаться от шашек ввиду преимуществ первых.

Про систему 1881 года указывали, что она совершенна потому, что она выработана на научных основаниях, а между тем сами-то научные основания и говорят, что нельзя выработать действительно совершенное оружие, которое бы могло колоть и вместе рубить.

Шашка обр. 1881 г. отличается и «ценимым боевою кавалериею отвесом», и кривизной наподобие знаменитых кавказских волчков (приказ 81 г. № 222), но, несмотря на все это, уже теперь поднят вопрос о новом изменении образца холодного оружия нашей кавалерии.

Интересно отметить, что многие драгунские полки, несмотря на научные основания шашки обр. 1881 г., ходатайствовали, да и теперь ходатайствуют о замене ее шашкой азиатского образца 1834 года.

Когда в 1881 году шашка азиатского образца была отнята от нижегородских драгун и заменена

вновь проектированной в этом году, то понадобилось много просьб и хлопот самого начальника Кавказской кавалерийской дивизии князя Амилахвари, чтобы нижегородцам возвратили бы то оружие, которое составляло их традиции и в руках с которым они прославили свой полк в многочисленных военных действиях.

Не признавая себя компетентным в вопросах о конструкции холодного оружия, так как теоретическая разработка этих вопросов ждет еще своих исследователей, мы желали бы в настоящем труде только систематически изложить все то, что нами было передумано, и все те материалы, которые нами были собраны по интересовавшему нас предмету.

Приступая к его изложению, мы прежде всего укажем на некоторое разделение холодного оружия.

Marey в своем труде «о белом оружии» приводит, что у разных народов в разные времена раны наносились с помощью удара:

1) во-первых, целой поверхностью — более или менее значительной, например, палицы, булавы, молота, дубины и т.п.;

2) во-вторых, ребром — при употреблении оружия, назначение которого рубить, например, сабель, шашек, кос, топоров;

3) в-третьих, острием — при употреблении оружия, назначение которого колоть, например, шпаг, штыков, пик, кинжалов;

4) в-четвертых, оружием, которое перед употреблением было предварительно пропитано ядовитыми веществами (фиг. 1).

В животном мире у различных животных мож-

но встретить все перечисленные выше образцы оружия, служащие им для защиты и нападения: лоб барана представляет собой оружие, которое наносит удар поверхностью, клыки кабанов, зубы плотоядных животных, оружие меч- и пилы-рыбы, яд змей — представляют собою образцы оружия других категорий.

Постепенное усовершенствование оружия привело мало-помалу к:

1) уменьшению следа раны: а) поверхность, б) линия, в) точка;

2) уменьшению усилия, необходимого для производства раны;

3) уменьшению веса оружия.

Кроме того, все образцы холодного оружия можно разделить: 1) на оружие, которым можно действовать, держа его в руке за рукоять; 2) благодаря его положению на конце ружья (различного рода штыки); 3) благодаря длинному древку, которое обхватывают около центра тяжести (пики); 4) к этому отделу необходимо отнести прежнее метательное оружие — лук и стрелы.

В настоящем труде мы остановимся на оружии: I — наступательном, бывшем на вооружении: 1) кавалерии (сабли, шашки, палаши, пики, кинжалы), 2) артиллерии (тесаки, сабли) и 3) пехоты и саперов (тесаки, штыки) и II — оборонительном — как-то: кирасы, каски, различные щиты.

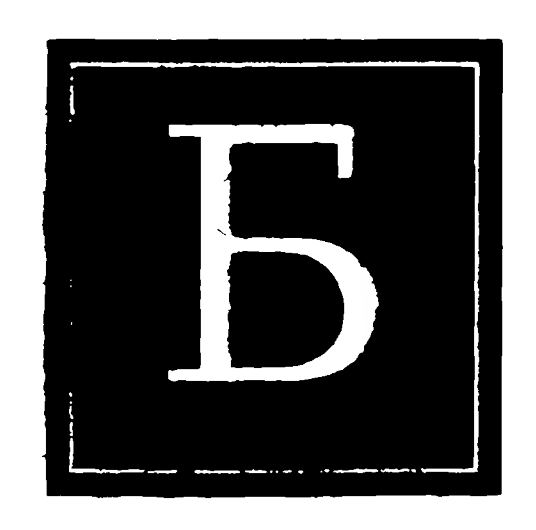

Глава 1

Основания устройства холодного оружия[1]

Боевая пригодность сабли зависит от совокупности многих, насколько нам известно, далеко еще недостаточно выясненных условий; сила удара является результатом столь многочисленных и сложных по взаимному соотношению данных, как-то: отношения кривой, образуемой линией удара, к кривизне полосы, к длине, весу и точке равновесия клинка, к положению оси рукоятки и пр., что мнения специалистов до сего времени расходятся в вопросе о том, основана ли форма образцовых восточных сабель на тонких неизвестных нам вычислениях или же на собранных веками эмпирических наблюдениях.

Э. Ленц. О холодном оружии

Белое оружие разделяется на рубящее и колющее. Назначение рубящего — производить раны острым *ребром* оружия, которое с большей скоростью опускается на поражаемое тело. Назначение колющего — производить раны *острием.*

Отличительные свойства первого — кривизна клинка, центр тяжести на значительном расстоянии от эфеса. Отличительные свойства второго — прямые клинки и центр тяжести ближе к эфесу.

Военное оружие в большинстве случаев изготовляется таким образом, что оно может и рубить, и колоть. Исключительно колющее — это лишь граненый штык и пика.

Однако при изложении настоящего труда мы будем относить к колющему оружию также и все те образцы, которые хотя и обладают некоторыми незначительными качествами для рубки, но имеют при этом более резко выраженные колющие свойства, например палаш, клинковый штык и т.п.

Напротив того, некоторые экземпляры оружия, имеющие кривизну и центр тяжести на значительном расстоянии от эфеса, например, разнообразные сабли, наша шашка обр. 1881 г., искривленные тесаки, бывшие ранее на вооружении нашей пехоты, которыми хотя и можно наносить уколы, но не с таким удобством, отнесены нами к разряду рубящего оружия[2].

Оружие рубящее

Условия, которым должен удовлетворять металл клинка, следующие:

1) Твердость, способствующая более долгому сохранению отточки лезвия.

2) Прочность, препятствующая поломке клинков.

3) Известная гибкость, дозволяющая клинку в некоторых случаях согнуться без повреждения.

Гибкость клинков, однако, не должна быть значительной, так как в противоположном случае проникание клинка в поражаемое тело вследствие этого ослабляется, уменьшаясь на ту часть усилия, которая тратится для производства сгибания клинка.

Металл, удовлетворяющий этим условиям, — сталь — закаленная и отпущенная.

У нас в Златоусте клинки изготовляются из стали, выплавленной в тиглях, высокого качества, надлежащим образом закаливаются и отпускаются.

Для пробы качества металла берутся от 2 до 5 клинков из представленной партии; из них вырезывают бруски определенных размеров; бруски испытываются на разрыв с определением предела упругости, абсолютной крепости и относительного удлинения при разрыве; кроме того, производится химический анализ стали.

Представленные клинки подвергаются следующим пробам.

Проба гибом

Проба клинков гибом производится в особо устроенных для этого станках, причем от клинков требуется удовлетворение следующим условиям, а именно: 1) чтобы клинки при сгибании в станках до стрелы погиба не менее 5 дюймов не садились; те же, которые при этой пробе сядут, возвращаются заводу для исправления; и 2) чтобы каждый клинок, подвергаясь в станке давлению груза

в 50 фунтов, не давал стрелы прогиба более 5 дюймов. Клинки, не выдержавшие под грузом в 50 фунтов, подвергаются давлению груза в 48 фун., и те, которые не выдержат давления и этого груза, бракуются.

Проба на хрупкость

Проба на хрупкость производится ударами плашмя, обухом и лезвием; удары эти производятся руками с полным возможным размахом, для чего к клинку должен быть присажен временный эфес. Удары плашмя производятся по толстой из березового дерева доске — по одному каждой стороной клинка.

Удары обухом один и лезвием два производятся по деревянному чурбану из твердой породы леса с радиусом закругления около 10 дм. От этой пробы клинок не должен ни садиться, ни получать изгиба.

Проба на твердость

Проба на твердость лезвия для определения способности рубить производится несколькими ударами боевой половиной клинка в разных местах по пластинке из кованой отожженной стали, имеющей сечение, одинаковое с сечением лезвия клинка. Проба на твердость оконечности клинка для определения способности колоть производится опусканием его в вертикальном направлении с высоты 28 дм. на лежащую на деревянной подкладке железную пластинку в 0,565 дм., которая при этом должна быть пробита.

При таких пробах лезвие и конец клинка не должны ни обламываться, ни сгибаться, в противном случае с ними поступают так же, как и с севшими клинками при пробе на хрупкость.

Длина клинка

Длина клинка вообще обусловливается требованиями удобства защиты и нападения, а также допустимым весом.

Длина клинка должна быть достаточною для того, чтобы всадник мог закрыть клинком свое тело: голову и туловище, держа эфес над головой. При нападении он должен, хотя и нагнувшись, достать лежащего на земле неприятеля. Этим обусловливается длина клинка в меньшую сторону.

Излишнее увеличение длины клинка нежелательно, так как при этом должен возрасти вес клинка, что неблагоприятным образом может сказаться на удобстве действия при нанесении сильных и правильных ударов (вес клинков колеблется от 2,5 до 3 фн.[3] При таких условиях длина клинка выходит от 30 до 35 дм.

Для простоты изготовления у нас все клинки изготовляются одной длины, причем допуск на длину назначен крайне незначительный. Вряд ли такой взгляд совершенно правилен, так как одним и тем же клинком нельзя одинаково ловко действовать и рослому, и слабому всаднику. Увеличение допуска должно удешевить (и притом нисколько не усложнить) производство. Указывают, что препятствием может быть снабжение полков клинками разной длины, но пригонка обмундирования по росту и сложению людей показывает, что и в этом отноше-

нии вряд ли могут встретиться какие-нибудь особенно значительные затруднения.

Продольное сечение клинков. Чем острее клинок в своем поперечном сечении, т.е. чем менее основание по отношению к высоте образуемого разрезом клинка треугольника, тем, естественно, и более значительна сила его проникания. Но слишком острые клинки обладают малой прочностью и легко могут повреждаться при сильных ударах в особенности о твердые тела. Выгоды сочетания прочности лезвия клинков с тем условием, чтобы они действовали как самые отточенные, и повели к изготовлению кривых сабель. Объясняется это следующим образом (фиг. 2, 3, 4).

Предположим, что клинок падает на тело перпендикулярно к нему; он действует на тело, как клин, поперечное сечение которого *a b*, если же мы ударим то же тело по направлению, не перпендикулярному к клинку, а косвенному, то поперечное сечение клинка той же вертикальной плоскостью, проведенной в момент удара через точку соприкосновения тела с клинком, будет представлять треугольник более острый с тем же основанием — обухом, но с более длинными боковыми стенками (*a' b'*). Фигура 4-я показывает поперечное сечение клинка при еще более косвенном ударе (a'' b'').

Из этого видно, что для нанесения более действительного, т.е. сильнее проникающего удара прямым клинком, необходимо производить удары в косвенном направлении (а не перпендикулярном к острому ребру лезвия клинка).

Примером подобного косвенного движения прямого лезвия может служить действие ножом,

когда им режут хлеб. Для того чтобы сообщить такое движение прямому клинку при рубке, следует, опуская руку, притягивать ее в то же время к себе; при этом — помимо выгоды большей остроты, заключающейся в более остром угле, которым наносится удар, — клинок еще последовательно перерезает волокна, подобно пиле, что еще более способствует прониканию клинка в тело.

Но такое действие без притягивания к себе руки в момент удара, на что тратится часть силы и от чего удары не могут быть столь действительны, достигается искривлением клинков.

Сильно искривленные сабли мамелюков, в которых этот наклон доходит до 45°, при нанесении раны в 3 или 5 раз острее, чем прямые клинки с подобным же сечением. Попутно при этом достигается и перерезание волокон, а также и более широкие, т.е., вернее, длинные раны.

Уместно здесь будет упомянуть о секирах и мечах, имеющих лезвия, нарезанные наподобие пилы, причем зубцам их придан уклон около 45°. Это устройство также облегчает проникание лезвия, но ослабляет прочность клинков, а потому и пригодно только для клинков, имеющих большие размеры.

На том же соображении основано устройство сабель с извилистым — наподобие пламени — лезвием; клинки эти обладают тем же преимуществом и тем же недостатком (фиг. 5)[4].

Итак, при ударе прямое лезвие действует как клин одного с ним поперечного сечения, кривые же клинки врезаются в поражаемое тело, как будто они были в несколько раз его острее, причем с

увеличением наклона увеличивается и действие лезвия.

В нашей шашке обр. 1881 г. наклон крайне незначителен, а потому и вышеуказанное преимущество кривых клинков не имеет в ней большого значения[5].

Поперечное сечение. Мы уже указали, что большая или меньшая острота лезвия имеет большое влияние на действие, производимое ударом; чем острее клинок, тем глубже проникание; но делать клинки слишком острыми нельзя из опасения значительно уменьшить их прочность; острому углу лезвия дают обыкновенно угол в 10 — 15°, при таком растворении само лезвие выходило бы слишком малопрочным, а потому его затупляют двумя фасками, составляющими между собой известный угол. Угол при лезвии режущих инструментов возрастает с увеличением твердости разрезаемых предметов: в ножах для резки мяса угол делается от 8 до 20°, для резки дерева — от 25 до 34°, для разрубания костей — от 40 до 50°, а для резки металлов он доходит до 90°.

По ныне принятой отточке наших шашек обр. 1881 г. угол этот в середине лезвия около 40° и на конце клинка 30°.

Помимо остроты лезвия на глубину проникания имеет большое значение и все поперечное сечение данного клинка.

Во введении к настоящему труду мы коснулись уже этого вопроса и указали на те данные, на которых, по-видимому, были построены некоторые известные восточные клинки.

Укажем здесь еще на следующее обстоятельство.

Как известно, форма судов, подводных лодок, рыб приноровлена к лучшему преодолеванию сопротивления при их движении. Вообще все такие тела имеют: 1) спереди острие или острое ребро для рассекания среды, в которую они должны проникать; 2) среднюю часть — утолщение и 3) заднюю оконечность, очерченные кривыми поверхностями. При этом чем более скорость проникания, тем более длина тела относительно ширины и тем ближе к переднему концу расположена наибольшая ширина тела.

В некоторых восточных образцах, как мы указали, и принята такая форма поперечного сечения, между тем в европейском оружии на это обстоятельство не обращалось никакого внимания, и образцы, принятые как у нас, так и в европейских армиях, имели форму клина, причем у некоторых у обуха даже было сделано утолщение металла (наши легкокавалерийские сабли начала прошлого столетия, некоторые современные образцы германского холодного оружия).

Значение дол. Для облегчения клинка без уменьшения его прочности делаются долы. При одинаковом же весе лезвию с долами может быть придана бо́льшая способность сопротивляться изгибу, нежели лезвию без дол, так как первому могут быть приданы большие поперечные размеры. Тот факт, что долы не ослабляют прочности клинка, доказывается на основании известных формул механики.

Наибольшее продольное напряжение в произвольном поперечном сечении изогнутого бруска равно

$$J = \frac{M}{W} = \frac{M}{\frac{J}{e}},$$

где M — момент изгибающих сил, а $W = J/e$ — модуль сечения бруска. Это показывает, что материал испытывает наибольшее напряжение в наиболее удаленных от нейтрального слоя элементах, где оно и не должно превосходить допустимых пределов, а потому размеры остальных сечений без опасения за прочность могут быть убавлены, через что брусок может быть значительно облегчен. Выгоду дол можно видеть из следующего выражения модуля фигурных сечений металлических балок. Для сечения, представленного на чертеже, будем иметь

$$J = \frac{ah^3 - a_1h_1^3}{12}; \; Q = ah - a_1h_1 \text{ и } e = \frac{h}{2},$$

поэтому

$$W = \frac{J}{e} = \frac{ah^3 - a_1h_1^3}{6h} = \frac{Q^{3/2}}{6}\sqrt{\frac{h}{a}} \cdot \frac{1 - \frac{a_1h_1^3}{ah^3}}{\left(1 - \frac{a_1h_1}{ah}\right)^{3/2}}.$$

Полагая $h_1 = 0{,}9h$ и $a_1 = 0{,}9a$, получаем для такого сечения выражения модуля в таком виде:

$$W = \frac{M}{W} = \frac{Q^{3/2}}{6} \sqrt{\frac{h}{a}} \cdot 4{,}2 = 4{,}2W_1,$$

где W_1 — выражение модуля, выведенное для квадратных сечений. Это показывает, что балки фигурных сечений представляют значительно большее сопротивление изгибу, чем сплошные при том же весе единицы длины балки. При одинаковом же сопротивлении они могут быть облегчены. Относительно дол нам кажется уместным указать здесь еще на следующее обстоятельство.На помещенных ниже рисунках приведены поперечные сечения различных образцов европейских и восточных сабель.

Рисунки 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 представляют сечение различных образцов европейских и восточных клинков.

Как видно из рисунков, в восточных клинках все углы дол закруглены, в европейских же долы, а также и обух имеют резко очерченные углы, которые при ударе и должны несколько задерживать проникание клинка в тело[6].

Живая сила оружия. При рубке на клинок можно смотреть как на метательный снаряд, которому рука сообщает необходимую скорость; в момент удара все части клинка двигаются перпендикулярно к ударяемому предмету со скоростью, постепенно уменьшающейся от конца клинка к эфесу.

Необходимо при этом указать, что рука сообщает клинку известное движение, но не действует на него давлением в момент удара, чем рубящее оружие и отличается от колющего, в котором в мо-

мент удара рука давит на клинок для более глубокого нанесения раны.

Вращательное движение клинка порождает центробежную силу, причем силе этой кисть руки оказывает противодействие, точка приложения которого находится в изгибе мизинца.

Живая сила удара клинка, как и всякого тела, измеряется формулой $MV^2/2$, где M — масса $=P/g$, P — вес и g — ускорение центра тяжести, а V — скорость клинка. Очевидно, что для увеличения живой силы необходимо увеличить и M, и V; но при увеличении массы, т.е. веса клинка, естественно, скорость при ударе должна уменьшиться, а между тем в указанную выше формулу скорость входит во второй степени, а потому для увеличения силы удара полезнее увеличивать скорость, а следовательно, уменьшать вес оружия.

Восточные народы, славившиеся искусством владеть саблей, были вооружены легковесным оружием, которое позволяло значительно увеличивать скорость нанесения ударов.

Оружие, в котором увеличение силы удара достигается главным образом увеличением массы, — секиры, средневековые мечи имели столь значительные размеры и были столь тяжелы, что пользоваться ими приходилось лишь обеими руками, причем и способ употребления их не допускал возможности быстрого нападения и защиты.

Однако и при столь значительном весе этого оружия живая сила была одинаковой с легкими саблями, так как тяжелым мечам и секирам нельзя было сообщить большой скорости при ударе[7].

В видах того же облегчения своего оружия восточные народы делали, между прочим, и более лег-

кие гарды, отличавшиеся меньшим весом по сравнению с массивными гардами европейских сабель. О легком восточном крыже мы указывали уже в нашем введении.

Делая клинок более легким для возможного увеличения его скорости в момент удара и тем увеличения живой силы, нельзя, однако, переходить некоторой границы, далее которой слишком легким клинком уже нельзя будет нанести сильных ударов и переход которой вместе с тем отзовется и на малой прочности оружия.

В вопросе об увеличении живой силы клинка имеет громадное значение и соответственное расположение *центра тяжести* всего оружия. Очевидно, что для увеличения живой силы удара та часть клинка, которою наносится удар, должна быть тяжелее всех других частей сабли, следовательно, центр тяжести должен быть ближе к концу.

Часть клинка, ближайшая к центру тяжести по обе стороны от него, играет самую большую роль при ударе, вся же остальная часть клинка от центра тяжести до рукояти, т. е. до точки приложения силы, служит только для передачи этой силы главной части клинка; она служит как бы топорищем для топора.

Нет никаких оснований в рубящем оружии делать эту часть одной ширины или толщины с главной частью клинка; для его облегчения (необходимого для увеличения скорости, т.е. силы удара), наоборот, полезно ее уменьшать.

В хороших восточных клинках эта часть имеет самое меньшее поперечное сечение (фиг. 18), в европейских же саблях на это обстоятельство не об-

ращалось никакого внимания, и в них клинок делается одинаковой ширины почти по всей длине.

Итак, для придания оружию большей силы удара необходимо главной рабочей части клинка придать больший вес, остальную же часть облегчить насколько возможно для возможной быстроты и легкости владения этим оружием.

Заканчивая заметку о центре тяжести, мы должны сказать несколько слов и о *центре удара.* Центром удара называется такое место клинка, при прохождении через которое направления удара рука не получает никакого сотрясения[8]. Во многих образцах это место обозначается каким-нибудь ясно видимым знаком для того, чтобы можно было всегда видеть, которой частью клинка следует произвести удар, так, например, в восточном клинке особой зарубкой, в нашей шашке обр. 1881 г. в этом месте кончаются долы. Если удар наносится частью клинка, расположенной между центром удара и рукояткой, то последняя производит толчок по руке снизу вверх; если же место, которым наносится удар, расположено между концом клинка и центром удара, то рукоять производит толчок сверху вниз.

Заканчивая вопрос об основаниях устройства рубящего оружия, нам необходимо сказать еще несколько слов о *пригонке рукояти.* Рукоять может быть присажена к клинку различным образом; направление ее может быть продолжением направления верхней части клинка или может составлять с этой последней некоторый угол; в шашке обр. 1881 г. рукоятка отогнута по направлению от обуха к лезвию; сделано это с целью придать нашей шашке и некоторые колющие свойства; для

этой цели в ней направление рукояти выходит в боевой конец шашки. В европейских шашках такой наклон рукояти можно встретить очень часто, встречается он и на Востоке, но реже (Ленц)[9]. В лучших же восточных клинках рукоятка служит продолжением верхней части клинка.

Преимущество и выгоды таких рукояток в весьма дельной статье, помещенной в Военном Сборнике П. Н. С., объясняются следующим образом:

«Для лучшего выяснения вопроса, — говорит автор, — мы обратимся к обыкновенным плотничьим топорам и посмотрим, почему они имеют кривые топорища, а не прямые.

Вообразим себе два топора (рис. 20) с прямыми топорищами, из которых топор *А* будет насажен, как и все топоры, т.е. у обуха; топор же *В* будет насажен, как показано на рисунке, т.е. топорище будет приделано у самого лезвия, и попробуем, которым из двух топоров легче наносить более действительные и меткие удары, — окажется, что вторым, и это вполне понятно:

Действительность и правильность рубки состоит в том, чтобы (рис. 21) центральная линия рубящего оружия *ab* совпадала с направлением удара *cd*, а не приходилась к ней под углом.

Поэтому в топоре *В* (рис. 20) вся задняя часть *с*, находясь позади, во время удара служит как бы рулем и заставляет линию *ab* совпадать с линией *cd* (рис. 21). В топоре же *А* подобное совпадение должно быть удерживаемо силой руки и таким навыком и искусством, которые едва ли достижимы в массах неспециалистов.

Вот весь смысл кривизны топорища. Рис. 22 изображает обыкновенный плотничий топор, где

та часть топорища, к которой прикладывается сила руки *aa*, имеет направление *bc*, стремящееся пройти как можно дальше от обуха и ближе к лезвию; идеальный же по меткости топор был бы тот, в котором направление это проходило бы впереди лезвия (рис. 23). Вероятно, многие очень часто засматривались на работающих плотников и удивлялись меткости и вместе с тем силе их ударов топором и, очень может быть, объясняли это себе громадным навыком и необыкновенным умением, тогда как в этом случае, по крайней мере наполовину, играет роль рациональная насадка топора. Возьмите тот же топор, насадите его на прямую палку и дайте тому же плотнику, и станет заметно, что умение этого плотника как будто бы уменьшилось.

По этим же причинам там, где приходится срубать очень толстые деревья и где нужны очень длинные и прямые топорища, там топоры насаживают под углом к топорищу (рис. 24), а не прямо, чем, хотя отчасти, достигают условий правильной рубки.

Теперь вернемся к кривому оружию.

У всех восточных сабель (рис. 25, 26, 27) рукоятка прямая, клинок же сначала имеет то же направление и только на некотором расстоянии начинает изгибаться назад; понятно, что подобное устройство удовлетворяет только что высказанным требованиям, т.е. вся изогнутая часть клинка служит рулем при размахе и заставляет клинок совпадать с направлением удара. Но нельзя сказать того же про современные европейские сабли (рис. 28), в которых изгиб клинка начинается от самой руко-

ятки и даже выдается сразу вперед к стороне лезвия.

Но самый главный недостаток в форме европейских сабель, не устраненный даже в новейших саблях, это тот, что рукоятка изогнута вперед, так что общее направление ее *ab* идет не только не впереди лезвия, а значительно позади и тем более что при ударе рука отходит к самому концу рукоятки, где изгиб ее еще круче.

Мы уже видели, что подобное устройство уничтожает возможность правильной рубки. Рисунок 29 еще нагляднее изображает разницу между нашими и восточными саблями в этом отношении.

Возьмем любую европейскую саблю (рис. 28) и заменим ее рукоять прямою рукоятью кавказской шашки *d*, а если клинок слишком изогнут, то даже отогнем эту рукоять несколько назад, к стороне обуха, как это показано на рисунке. Взяв эту новую саблю в руки, мы немедленно почувствуем нечто такое, что заставляет всякого взявшего кавказскую шашку непременно пожелать рубнуть ею по какому-нибудь предмету. Все это, конечно, доказывает лишь то, что правильная посадка рукояти придает ловкость и удобство руке. Таким образом, оказывается, что в европейских саблях совершенно не соблюдены условия, обеспечивающие правильность рубки, и можно прийти к заключению, что люди Запада, переняв с Востока кривые клинки, усмотрели в них одну внешнюю сторону, совершенно упустив самую основу, так сказать, «дух» этого оружия».

Когда вы будете рубить палашом или нашей пресловутой шашкой обр. 1881 г. с ее знаменитым

отвесом[10], ценимым боевой кавалерией (как сказано в приказе по Воен. Вед. за № 222, 1881 г.), то вы сразу почувствуете указанное выше неудобство нашей шашки, рубящие свойства которой при малой кривизне клинка значительно уменьшены еще и неправильной пригонкой рукояти, необходимой для придания этой шашке возможности колоть.

Относительно рукоятей необходимо также указать и на то, что в некоторых саблях для лучшего держания клинка в руке рукояти делаются не гладкими, деревянные ручки покрываются различными желобками, иногда кругом обматывается проволока; на удобство держания обращают мало внимания; в нашей легкокавалерийской сабле обр. 1839 г., существовавшей в нашей кавалерии до 1881 г. и теперь еще оставшейся в гвардейской легкой кавалерии, рукоять испорчена выступающими головками гаек, которые при ударе врезываются в руку. В хороших восточных клинках и на это обстоятельство обращалось серьезное внимание — в них они совершенно гладкие — из рога, слоновой кости — или покрыты замшей, что, конечно, способствует удобству владения шашкой. Во всех инструментах рукояти делают по возможности гладкими, топорище в плотничьих топорах приобретает большую цену, когда оно сделается гладким — как бы полированным от долгого употребления.

Сама рукоять обыкновенно делается из различных твердых и нетрескающихся пород дерева, иногда дерево покрывается кожей и обвивается проволокой — как в наших прежних палашах и легкокавалерийских саблях, кроме того, рукояти особенно восточного оружия делаются из слоно-

вой кости и рога. Рукоять должна быть такой формы, чтобы лежала в руке прочно, заполняя весь промежуток между ладонью и сжатыми на ручке пальцами, она делается несколько плоской с овальным поперечным сечением, где длинная ось овала совпадает с плоскостью клинка; такая форма способствует более плотному обхвату рукояти рукой. Примерами неудобных рукоятей может служить рукоять тесака обр. 1807 г., слишком тонкая, и легкокавалерийской сабли обр. 1837 г., излишне утолщенная для руки; в наших солдатских шашках обр. 1881 г. рукояти недостаточно плоски, они несколько круглы и толсты.

В том месте спинки рукояти, где помещается большой палец правой руки, для более плотного прилегания его к рукояти, что имеет значение для возможности более сильного нанесения ударов и уколов, в некоторых эфесах делают площадку; такой пример представляет швейцарская кавалерийская сабля; в наших прежних палашах и саблях в 1834 году было приказано переделать эфесы, снабдив их такими площадками на спинке рукояти для большого пальца.

Скрепление рукояти с клинком должно удовлетворять условию прочности и не расстраиваться от ударов. Различные способы скрепления можно отнести к двум: с помощью гайки и на заклепках. Первый способ принят в нашей шашке обр. 1881 года: на стебель клинка надеваются дужка и деревянная рукоять, между дужкой и уступами клинка кладется кожаный кружок; вся система стягивается внутренней гайкой, навинчиваемой на завинтованный верхний край стебля, затем надевается головка эфеса, и наружная гайка вновь завинчивает-

ся на стебель. Скрепление на заклепках принято к нашему кинжалу Терского и Кубанского войск. Оба способа при правильной и аккуратной работе одинаково удовлетворяют условию прочности.

Относительно рукоятей необходимо еще отметить, что неправильное — несоразмерное — приспособление к ним неуклюжих массивных гард резко сказывается на симметрии оружия. Симметрия же оружия имеет громадное влияние на правильность действия; для правильного удара, передающего полностью всю приобретенную им живую силу, необходимо, чтобы центр тяжести оружия был расположен в плоскости симметрии клина. Наши односторонние гарды, например, принятые ранее к нашим палашам и легкокавалерийским саблям, нарушали симметрию оружия и тем неблагоприятным образом влияли на правильность действия. Принятые в некоторых европейских образцах двухсторонние гарды, не нарушавшие симметрии оружия, неудобны в носке, так как выступавшая часть гарды нажимала на тело. Принятые теперь дужки не защищают руку со всех сторон, хотя и не нарушают симметрии оружия. Восточные крыжи удовлетворяли всем трем условиям. Необходимо при этом отметить, что у одной части восточного оружия, а именно кавказских шашек, гарды вовсе отсутствуют; в этих шашках от защиты руки отказались в пользу легкости оружия и удобства носки. Кавказские шашки не имеют никаких выступающих частей, и рукояти их на 3/4 входят в ножны, и шашка, имея повсюду округленные формы, не может ни за что задеть или зацепиться. Такое оружие принято и у наших терских и кубанских казаков.

Ножны обыкновенно делаются металлические или деревянные, покрываются кожей, резиной, восчанкой (наши шашки кавказских казаков), сафьяном (восточное оружие). Кавалерия Западной Европы предпочитает металлические ножны, в нашей же армии приняты деревянные, покрытые кожей. Как те, так и другие имеют многие преимущества и недостатки.

Металлические ножны:

1) мнутся, сгибаются, что затрудняет обнажение оружия;

2) скорее тупят клинок;

3) имеют больший вес, чем деревянные;

4) задевая о снаряжение всадника, производят шум и бряцанье;

5) стоят дороже деревянных.

Но зато они гораздо прочнее деревянных и не требуют столь частого ремонта.

Обратные свойства имеют ножны деревянные, покрытые кожей, — их главный недостаток — частые повреждения: кожа при трении о бока запотелой лошади протирается, от дождя они всасывают влагу, разбухают, затем снова усыхают, что затрудняет вынимание клинка из ножен, наконечники при этом теряются, наконец, самые деревянные ножны при малой прочности могут ломаться. По сведениям Штаба Его Императорского Высочества Генерал-инспектора кавалерии, при наших ножнах в среднем требуют основательного ремонта или замены новыми до 150 ножен в год на каждый кавалерийский полк. Ножны, покрытые резиной, оказались еще менее прочными — резина трескалась и отделялась целыми кусками.

В настоящее время возбужден вопрос о том,

чтобы покрывать ножны черною жестью; надо полагать, что такие ножны окажутся более соответствующими своему назначению как соединяющие в себе указанные выше преимущества как деревянных, так и металлических ножен.

Прибор к ножнам состоит из двух (верхнего и нижнего) наконечников и одной или двух гаек с кольцами для портупеи.

В металлических ножнах наконечники излишни, но там в некоторых образцах оружия на конце ножен делается особый выступающий ободок, называемый гребнем. Назначение ободка — предохранять ножны от перетирания при носке шашки на поясной портупее, когда оружие касается земли (наши гвардейские кирасирские палаши и легкокавалерийские сабли). При носке оружия на плечевой портупее в ныне принятых образцах от такого ободка отказались; однако необходимо отметить, что при большом сроке службы холодного оружия дно наконечника иногда может перетираться, и тогда наконечник клинка покрывается ржавчиной[11]. В новых офицерских шашках обр. 1881 г. этот недостаток устранен приданием дну наконечника особой гривки.

Колющее оружие

Назначение колющего оружия — наносить раны уколом, глубоко проникая острием в поражаемое тело.

Сюда относятся пики, граненые штыки, палаши и отчасти обоюдоострые тесаки и клинковые штыки.

Характерные особенности этого рода оружия заключаются в прямой форме клинков и в центре тяжести, поданном ближе к эфесу. Особенность в действии заключается в том, что в рубящем оружии лезвие врезывается единственно вследствие скорости, с какой оно движется, в колющем же сила удара зависит не только от скорости клинка, но и от надавливания кисти на клинок при уколе.

Таким образом, если в рубящем оружии для увеличения силы удара необходимо главным образом увеличивать скорость, а следовательно, легкость клинка, в колющем оружии легкость не имеет такого значения, так как в этом оружии уменьшение веса клинка требуется не столько для возможности быстрого нанесения ударов, сколько вообще из предпочтения более легкого оружия для кавалерии.

Поперечное сечение клинка. Для нанесения более действительной, т.е. более глубокой, раны уколом требуется, чтобы клинок при уколе не сгибался, так как тогда на проникание в тело пойдет только часть силы, сообщаемой клинку.

Для уничтожения сгибания клинка необходимо увеличивать толщину металла в поперечном сечении.

На рисунках 30, 31, 32, 33, 34 помещены поперечные сечения различных клинков.

Как видно на рисунке 30, в колющих клинках увеличивали толщину металла у обуха, а для некоторого облегчения их или делали несколько дол при широких клинках, или уменьшали самую ширину клинков; на рис. 34 помещено поперечное сечение клинков с наиболее широким обухом, рав-

ным двум другим сторонам сечения; такие клинки обладают полным отсутствием гибкости и значительной притом легкостью, но, однако, в явный ущерб способности рубить; такое сечение придается уже исключительно колющему оружию — трехгранным штыкам, которым приходится колоть по самым разнообразным направлениям.

Острие. Для нанесения более действительной, т.е. более глубокой, раны необходимо придать соответствующее очертание острию. Известно, что в различного рода стругах и рубанках железки ставят с известным наклоном к состраrиваемой плоскости, причем, кроме того, и нижний обрез самой железки имеет наклон к длинному ребру.

При таком устройстве (рис. 35) сопротивление значительно уменьшается; чем больше наклон ребра, тем лучше оно проникает, ибо наклон этот имеет такое влияние, как и кривизна клинка в саблях, о которой нами указано выше. Подобно этому устраивается и острие в палашах, причем наклон дают не только с одной, но с обеих сторон, так как очевидно, что такое острие будет еще легче преодолевать сопротивление тел (рис. 36 и 37). Полезно при этом сглаживать острые углы, как указано на рис. 38, так как они представляют задерживающее влияние при проникании. Что касается острия, изображенного на рис. 39, то такое очертание хотя и представляется выгодным в смысле проникания, но прочность таких клинков крайне незначительна.

Говоря об острие клинков, необходимо еще отметить, что для правильного или, вернее, более сильного действия оружием следует, чтобы равно-

действующая сила укола приходила через вершину заостренного угла, деля его пополам.

Если направление укола будет проходить не через середину угла, а будет составлять с ним некоторый угол, то очевидно, что при этом произойдет разложение силы и на проникание пойдет только часть всей живой силы, приданной оружию (рис. 40).

При направлении укола, проходящем через середину угла, являются две силы, стремящиеся отклонить клинок, — каждая в свою друг другу противоположную сторону. Силы эти взаимно уничтожаются, и острое ребро будет двигаться в точности по направлению удара, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону и имея вследствие этого возможность проникать несколько глубже (фиг. 41).

Таким образом, для наибольшего проникания острия необходимо, чтобы угол острых ребер был наименьший, а направление, по которому производится удар, рассекало бы этот угол пополам.

Продольное сечение клинка. Для нанесения более действительного, т.е. более глубокого, укола, если этот укол производится по прямой линии, проходящей через острие, и сам клинок должен быть также прямой, так как в этом случае вся сила полностью передается поражаемому предмету. Если бы клинок имел кривую форму, а линия направления удара проходила бы по прямой через острие, то при этом произошло бы разложение силы и при уколе острие уклонилось бы от прежнего направления, произведя менее опасную и менее глубокую рану (фиг. 42).

Для нанесения более глубокого удара, когда

укол производится по прямой линии, кроме того, необходимо, чтобы клинок не только был прямой, но чтобы он совмещался с линией укола.

Положим, что клинок отклонен на известный угол от направления, по которому он двигается при ударе, оставаясь в то же время сам себе параллельным; очевидно, что нанесенная им рана будет иметь ширину, равную расстоянию между двумя параллельными линиями, проведенными из оконечностей этого клинка, глубина же раны, естественно, не может быть значительной (фиг. 43); если же направление удара будет совмещено с направлением клинка, то в этом случае укол произведет более глубокое, а следовательно, и опасное поранение.

Итак, если удар производится по прямой линии, то при всех равных обстоятельствах наибольшее проникание клинка получится тогда, когда он прямой и совмещается с линией удара.

Все сказанное выше касалось уколов, когда они производятся по прямой линии, но, кроме того, уколы могут быть производимы по круговой линии — кирки, мотыги производят при работе такого рода движения. Сюда же относятся удары, наносимые клыками диких животных. Слон и кабан наносят раны, поднимаясь вперед и в то же время вскидывая голову кверху. Продольное сечение такого оружия для более выгодных ударов уже не может иметь прямой формы; такие клинки должны иметь форму, по возможности сходную с той линией, которая описывает острие клинка; на этих соображениях и основывается устройство загнутых кирок, мотыг, клыков слонов, кабанов и дру-

гих животных, а также кинжалов, которыми наносятся удары по кривой.

Как известно, кинжалами можно действовать двояко — держа рукоять таким образом, что клинок находится спереди большого пальца или обратно — когда клинок впереди мизинца; в первом случае удары наносятся по прямой, во втором же — по кривой. Сообразно этому меняется и форма кинжалов, которые, смотря по способу употребления, бывают прямые и искривленные (фиг. 44).

Замечательно характерно говорит по данному вопросу г. Marey в своем сочинении о белом оружии.

«В механических искусствах, — говорит он, — в природе, в оружии различных наций мы замечаем, что для возможного увеличения силы проникания острия орудию, коим наносится удар, придается прямая или криволинейная фигура, смотря по тому, приходится ли им действовать по направлению прямой или кривой линии; в этом последнем случае изгиб всегда соответствует той кривой, которую описывает оконечность острия.

Этим объясняется прямолинейная фигура пик, зондов обыкновенных гвоздей, просечек и т.п., наступательного оружия меч-рыбы и пилы-рыбы, жала пчел, древних мечей, коими действовали против панцирей, стрел, дротиков, копий и кинжалов индейцев, японцев, испанцев и других наций, действующих коротким клинком, штыком и т.п., криволинейная фигура кирок, мотыг, загнутых гвоздей для подков и т.д., клыков и когтей кровожадных животных, длинных, хрупких и ядовитых

зубов известных змей, хвостов скорпионов, клюва хищных птиц, клыков кабанов и слонов, рогов единорога, турецкого кинжала, который ударяет по направлению кривой, описываемой вращением кисти около плеча, ятагана, острие которого действует наподобие клыков слона, так как оно имеет поступательное и вместе с тем вращательное движение, и пр.

Очевидно, что при устройстве нашего оружия должны были иметься в виду те же самые основания».

Передача силы. Для того чтобы сила кисти без всякой потери передавалась бы острию, необходимо:

1) чтобы сила кисти была направлена по линии, проходящей через центр тяжести, так как в противном случае произойдет отклонение клинка в сторону и потеря части силы;

2) чтобы сила кисти была направлена по линии, соединяющей центр тяжести с острием клинка для того, чтобы таким образом давление, переданное центру тяжести, могло полностью передаваться острию, и

3) чтобы сила кисти была направлена по линии, соединяющей середину рукояти с оконечностью, чтобы давление кисти на рукоять полностью передавалось острию (фиг. 45).

Таким образом, чтобы кисть сообщила наибольшую скорость клинку, чтобы скорость передавалась наилучшим образом острию и чтобы давление кисти на оконечность клинка во время удара было по возможности наибольшим, необходимо, чтобы эти три направления совпали между собою, т.е. чтобы центр тяжести был расположен на ли-

нии, соединяющей середину оси рукояти с оконечностью клинка.

В кривых клинках эти три направления между собою имеют углы, увеличивающиеся по мере увеличения кривизны.

Хотя в нашей шашке обр. 1881 года линия рукояти и направлена в острие, но центр тяжести не лежит на этой линии, он подан вперед, а вследствие этого передача силы в нашей шашке при уколе производится неправильно; она проникает под углом и производит более широкую и менее глубокую рану.

Идеальная передача силы является в оружии, наиболее приспособленном для уколов, а именно в пике; вся сила передается полностью без малейшей потери острию.

К рассмотрению оснований устройства этого оружия мы теперь и приступим.

Пика

Длина пики. Пика делится по длине на две части: переднюю боевую — от острия копья до центра тяжести — и заднюю — от центра тяжести до конца наконечника; minimum длины передней части пики зависит от длины пехотного ружья со штыком; она определяется условием, чтобы при нанесении удара конец копья находился на большем расстоянии от груди всадника, чем конец штыка противника от его груди. Minimum задней части пики определяется длиной руки всадника — при ударе конец пики не должен выходить из подмышки, maximum длины заднего конца пики определяется

удобством ее действия, чтобы он не препятствовал свободному владению пикой, задевая за круп своей лошади или голову всадника задней шеренги. Maximum длины всей пики определяется весом, который не должен переходить известного предела, так как увеличение веса препятствует и затрудняет всадника свободно владеть пикой и слишком обременяет лошадь. Средняя длина пики — 10 футов, но у наших казаков в прежние века пики были и менее — так называемые дротики; французские жандармы наполеоновского времени имели их длиной в 18 футов.

Положение центра тяжести пики. Центр тяжести пики должен быть подан к нижнему ее концу, от этого увеличивается боевая часть пики, что позволяет уменьшить ее общую длину. Наоборот, при центре тяжести, находящемся слишком высоко по длине пики, боевая часть ее является слишком короткой, и пика — даже при значительной общей длине — много теряет в своих боевых свойствах. Таковы наши прежние кирасирские пики до 1862 года, а также старые казачьи. Кроме того, в таких пиках возка их за спиной на темляке при высоко лежащем центре тяжести является крайне неудобной; пика при каждом незначительном толчке приходит в движение, шатается, что отражается как на лошади, так и на всаднике.

Для надлежащего положения в пике центра тяжести в наконечник приливается известное количество свинца — боевая часть обыкновенно бывает длиной около 6 футов.

Сообразно средней длине пики средний вес пик — 5 — 6 фунтов.

Пика состоит из древка, копья и наконечника.

Древко пики изготовляется из твердых пород дерева, у нас — из ясени, бука, сосны, ели, во Франции — из бамбука, в Германии пики стальные.

Наиболее легкие пики из бамбука, но, ввиду малой прочности, они представляют меньшее сопротивление при ударе шашкой, кроме того, легкие пики легче парировать, отводя их в сторону. Стальные пики наиболее прочные, но зато необходимо указать на их сравнительную дороговизну, промерзание их зимой, что холодит руку всадника, несмотря на особые чехлы, покрывающие пику в том месте, где она охватывается рукой.

Кроме того, указывают на то обстоятельство, что при поломке или погибе одного копья приходится бросать всю пику, так как копье и наконечник составляют одно целое со стальным древком.

Деревянные пики наиболее дешевые и притом обладают достаточной прочностью, при поломке одной части пики — древка, копья или наконечника — другие части могут еще пойти в дело. Главный недостаток их — это то, что они усыхают, разбухают от сырости, коробятся, получают трещины.

Копье и *наконечник* изготовляются из стали, копье имеет острие и долы для облегчения копья и для лучшего разрезания (своими углами) волокон при проникании; в некоторых образцах на известной длине копья делается круговое утолщение, чтобы при ударе на скаку пика не проникала бы слишком глубоко, что может затруднить ее вынимание и тем обезоружить всадника.

Копье и наконечник обыкновенно соединяются с древком с помощью помочей, которые при этом

делаются различной длины, чтобы при изгибе усилие распределялось бы на большую длину древка. В помочах просверливаются отверстия, сквозь которые проходят шурупы, соединяющие копье или наконечник с древком.

В некоторых пиках полагается флюгер-флажок; указывают, что назначение его — пугать лошадей, но вряд ли это имеет какое-нибудь основание, так как при сомкнутой атаке на карьере вряд ли флюгер может испугать несущихся лошадей, скорее флюгер назначен для красоты оружия.

Штык

В заключение о колющем оружии мы остановимся несколько подробнее на одной из его разновидностей, наиболее распространенной, а именно на штыке.

Штык приспособляется для того, чтобы огнестрельное оружие сделать в то же время и холодным.

Штыки разделяются на 2 категории: 1) с граненым лезвием и 2) с клинковым.

Штыки с клинковыми лезвиями, или штыки-тесаки, появились на вооружении в 30 — 40-х годах прошедшего столетия, принятые первоначально к некоторым стрелковым штуцерам, назначенным стрелковым частям войск.

Замену ими граненых штыков объясняют следующим образом: при мешкотном способе заряжания простых штуцеров, заряжавшихся с дула особой просаленной пулей, которая загонялась в ствол шомполом, штуцера эти, естественно, имели стволы более короткие; для того же, чтобы это ору-

жие имело бы одну длину с пехотным, приходилось штык к штуцерам принять слишком длинным, а при трехгранной форме и при необходимой прочности и слишком тяжелым; стрельбу с таким примкнутым штыком производить было невозможно, а потому такие штыки и носились у пояса и лишь в исключительных случаях перед атакой примыкались к ружью.

Но если штык только в редких случаях примыкался к ружью и при этом солдат носил его где-нибудь при поясе, например при тесаке, то, очевидно, появилась мысль: нельзя ли вместо штыка с граненым лезвием принять штык с клинковым, заменяющий также и тесак.

У нас такие тесаки были приняты лишь к литтихским штуцерам обр. 1843 г., с которыми наши стрелковые батальоны участвовали в Севастопольской кампании. В настоящее же время у нас, а также во Франции приняты граненые штыки. В других же западноевропейских армиях почти всюду на вооружении состоят штыки-тесаки. Тесаки эти приняты ввиду того соображения, что при современной силе и интенсивности ружейного огня штык совершенно утратил свое значение, а потому ради крайне исключительных случаев его применения нет достаточных оснований носить штык постоянно примкнутым к ружью, что отражается на меткости стрельбы, а раз штык можно носить у пояса, то его и следует заменить тесаком, представляющим большие выгоды при различных условиях бивачной и походной жизни. В главе об иностранном оружии мы дадим понятие о различных образцах тесаков, здесь лишь укажем, что далее всех в этом отношении пошла Америка, кото-

рая к вновь принятому ружью обр. 1903 г. совершенно отказалась от штыка, приняв штык-шомпол, не представляющий ровно никаких боевых свойств.

Длина штыка. В некоторых старых курсах указывается, что длина штыка определяется общей длиной ружья со штыком, которая должна быть такова, чтобы кавалерист с саблей не мог нанести удара пехотинцу, отбивающемуся ружьем со штыком.

Но в настоящее время атаки конницы на пехоту, вооруженную современным скорострельным оружием, почти немыслимы, да и что значит лишний фут в общей длине ружья со штыком перед бешено несущейся лошадью. При проектировании 3-лин. винтовки общую длину со штыком установили такую, чтобы конец лезвия штыка был выше глаз нижнего чина второй шеренги[12]. Этим требованием определяется наименьшая длина штыка, что же касается наибольшей, то длина штыка не должна переходить некоторого предела, определяемого весом и прочностью. При штыке весом более фунта стрельба с примкнутым штыком делается затруднительной; с увеличением длины штыка при том же весе значительно уменьшается сопротивление изгибу — штык делается малопрочным.

Вес штыка, как мы указали выше, определяется удобством стрельбы с примкнутым штыком.

Что касается штыков с клинковым лезвием, то длина их определяется тем условием, чтобы общая длина ружья с таким штыком-тесаком была бы по возможности одинакова с ружьями со штыками с

граненым лезвием. Так была определена длина нашего литтихского штуцера.

Что касается до их веса, то вес клинковых тесаков, носимых у пояса и примыкаемых лишь в исключительных случаях перед атакой, может быть более граненых штыков, так как вся стрельба на большие и средние дистанции производится без примкнутого оружия.

Граненые штыки состоят из *трубки, шейки* и *лезвия.*

Первоначальные штыки, состоявшие просто из переднего конца пики, втыкались в дуло ружья, но так как такое оружие имело громадный недостаток, поскольку не допускало производить из него стрельбу, то это повлекло за собой изобретение *трубки* (конец XVII столетия). Хотя такой штык и не мешал выстрелу, но он мешал заряжанию, поэтому была принята шейка.

В оружии, заряжаемом с дула, шейка была довольно значительна, при переходе к заряжанию с казны шейку для увеличения ее прочности укоротили, но не отказались от нее совершенно, так как при продолжительной стрельбе с примкнутым штыком лезвие штыка, не имеющего шейки, сильно бы нагревалось и вследствие этого могло бы отжигаться и терять упругость. Шейка в разрезе получает эллиптическое сечение с большим диаметром по направлению лезвия штыка, так как в этом направлении производятся удары, а следовательно, в этом направлении и следует придать ей большую прочность.

Лезвия обыкновенно делаются трехгранные или четырехгранные, хотя встречаются и другой формы. Трехгранные штыки употреблялись при

оружии, заряжающемся с дула, для удобства заряжания, причем к стволу была обращена широкая грань, а не ребро, с переходом же к оружию, заряжающемуся с казны, это соображение потеряло всякое значение, а потому в различных армиях стали переходить к четырехгранным лезвиям, так как такая форма обеспечивала большую прочность штыка в месте соединения лезвия с шейкой, т.е. в том месте, где штыки чаще всего получали повреждения, отгибаясь в сторону. Четвертая грань, соединяясь с шейкой, несколько упрочнила лезвие в его корне.

У нас четырехгранные штыки впервые были приняты к 4,2-лин. винтовкам системы Бердана № 2.

На поверхности граней для облегчения штыка без уменьшения его прочности выделывались долы. В некоторых образцах штыков ребрам лезвия была придана форма, какая получается от пересечения двух смежных дол (фиг. 46). При такой фигуре поперечного сечения ребра получаются слишком острыми и легко могли выкрашиваться при ударах штыка о твердые предметы. В наших 4,2-лин. и 3-лин. штыках ребра притуплены площадками (фиг. 47), ширина которых изменяется по мере приближения к концу лезвия от 3 до 2 точек, причем оттачивается только конец лезвия.

На фиг. 48 и 49 помещено поперечное сечение различных образцов штыков.

Форма № 1 применяется в том случае, когда при употреблении лезвия оно часто подвергается действию значительных сгибающих сил, направленных по *аа*, и в то же время может подвергать-

ся действию лишь незначительных по направлению *bb*.

При форме № 2 лезвие меньшего веса представляет лишь немного меньшее сопротивление сгибающим силам, приложенным в направлении *аа* и *bb*. При этой форме площадь поперечного сечения лезвия, а следовательно, и величина сопротивления, встречаемого им при проникании в поражаемое тело, меньше, нежели при форме № 1. Желая увеличить сопротивление лезвия сгибающим силам, приложенным в направлении *bb*, можно употреблять одну из форм, указанных на фиг. 48 под № 3, 4, 5, 6, 7.

При равенстве площадей поперечных сечений лезвия № 3 и № 4 встречают меньшее сопротивление при проникании в волокнистые тела, нежели лезвия № 5 и № 6 (не имеющие дол по поверхности). На фиг. 49 изображены различные сечения клинковых штыков: эти сечения представляют большее сопротивление изгибающим силам в направлении их плоскости и значительно меньшее — в перпендикулярном к ним направлении.

Направление лезвия относительно штыковой трубки определяется тем условием, чтобы направление оси лезвия проходило бы через середину шейки ложи, т.е. через то место, которое охватывается кистью правой руки. Правило это основано на том, что: 1) при нанесении ударов ружье должно посылаться вперед по направлению лезвия штыка; 2) при фехтовании ружье держится и направляется главным образом правою рукой, левая же — только помогает правой.

При таком расположении лезвие и точка приложения силы находятся на одной прямой линии, что

производит большее полезное действие, т.е. получается большее проникание в поражаемый предмет.

Прикрепление штыка к стволу. Вопрос о прикреплении штыка к стволу есть один из важнейших и в то же время наиболее трудно разрешимых вопросов. Трудность задачи состоит в том, что штык должен держаться на стволе крепко, без малейшего шатания и в то же время совершенно легко и быстро сниматься, отмыкаться от ствола и примыкаться к нему.

Способы закрепления штыка могут быть отнесены к двум категориям: 1) посредством хомутика и 2) посредством пружины.

Кроме того, необходимо отметить способы прикрепления 1) к стволу и 2) к особой стойке верхнего наконечника ложи.

Примером прикрепления с помощью хомутика может служить способ, принятый в нашей 3-лин. винтовке обр. 1891 г.

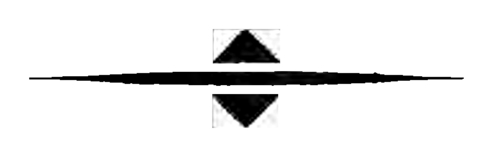
В 3-лин. винтовке для примыкания штыка пользуются основанием мушки. На трубке делается коленчатая прорезь *abef* (фиг. 50). Трубка надевается этой коленчатой прорезью на основание мушки. Посредине длины трубка охватывается хомутиком *pq*, верхнее ребро которого скошено в том месте, где оно подходит под скошенное же основание мушки, так что это ребро надавливается на последнее подобно клину, при поворачивании хомутика за ушко *q* в сторону стрелки № 1; при этом нижнее ребро хомутика упирается в утолщение — венчик *xx* трубки. Повернутый хомутик, вследствие значительного трения об основание мушки и утолщение *xx*, не может сдвинуться с места. Для того что-

бы освободить хомутик, надо вращать его за ушки в сторону стрелки № 2. В ушках хомутика сделана прорезь, служащая для того, чтобы под ней могла пройти мушка при примыкании и отмыкании штыка. Для того чтобы при поворачивании хомутика для отмыкания прорезь в ушках становилась против основания мушки, на верхнем ребре хомутика сделан уступ *р*, а на поверхности трубки расположен выступ, которым и ограничивается поворот хомутика по направлению стрелки № 2.

Клинковые штыки, принятые в иностранных армиях, а также граненый штык к французскому лебелевскому ружью прикрепляются к стволу обыкновенно с помощью пружины. Способ этот заключается в следующем.

Упор укрепляется на конце ствола или на наконечнике ложи. На рукоятке тесака делается паз, которым рукоятка надвигается на упомянутый выступ или упор. Для удержания на месте примкнутого тесака в рукоятке расположена задержка *pq* (фиг. 51), нажимаемая вниз пружиною *mn*, прижатой к поверхности рукоятки винтом *mm*. На задержке расположен вырез с наклонною гранью (взводом) *pz*. При примыкании тесака грань *pz*, нажимаемая упором ствола, приподнимает задержку, а вместе с ней и пружину *mn*; но как только упор пройдет через вырез задержки, то последняя опускается под давлением пружины *mn* и к упору приляжет грань *pp(* взвода, не позволяющая тесаку сдвинуться со ствола. Для отмыкания тесака нужно только, нажимая пальцем на выходной конец *q* задержки (фиг. 51), приподнять ее настолько, чтобы упор мог пройти под углом *р* взвода: тогда тесак свободно может быть сдвинут со ствола.

Примером прикрепления штыка-тесака не к упору ствола, а к особому упору верхнего наконечника ложи может служить германское ружье Маузера обр. 1898 г. (фиг. 52). Сделано это с той целью, чтобы штык оказывал меньшее влияние на колебание ствола при выстреле и тем меньше влиял на результаты стрельбы. В этом преимущество этого способа.

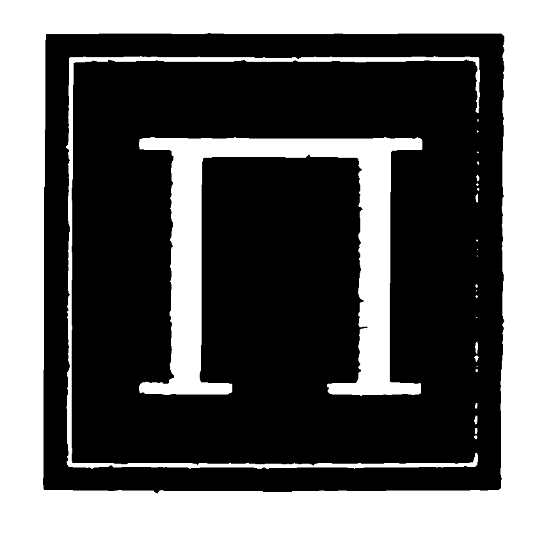

Глава II

Исторический очерк перевооружений нашей армии холодным оружием за XIX век (до 1881 г.)

...От средневековых рыцарей к нам перешли прямые палаши, а народы восточные передали нам кривые сабли...

Записка Г.А. Плаутина
о холодном оружии нашей кавалерии,
поданная им в 1859 г.

риступая к составлению главы об «Основаниях устройства холодного оружия», мы предварительно подробно ознакомились со всем ходом перевооружений нашей армии, предполагая, что в сохранившихся архивных делах должны быть изложены те соображения и основы, которыми руководствовались при проектировании того или другого образца, принятого в нашей армии.

К сожалению, несмотря на тщательное изучение архивных дел[13], нам удалось встретить слишком мало таких указаний, за исключением лишь перевооружения в 1881 г., в которое действительно было вложено много новых идей и соображений о более целесообразном устройстве холодного оружия и которое поэтому и выделено нами в отдельную статью.

В настоящей главе мы изложим исторический очерк наших перевооружений с целью указать, насколько ограничены и вместе с тем неопределенны были у нас основания большинства предпринимавшихся нами изменений в холодном оружии.

Глава эта вместе с тем может служить подспорьем при составлении описаний оружия в различных музеях, коллекциях; она даст некоторые указания и составителям историй полков и вообще всем интересующимся и любителям этого дела.

В этой главе мы подробно рассмотрим оружие:

Кавалерии

Драгун,

Кирасир,

Гусар,

Улан,

Жандармов,

Конно-егерей, коннопионер, конноартиллеристов.

Пехоты и саперов

Прислуги пешей артиллерии

Оружие кавалерии

Драгуны

Первое изменение в образце холодного оружия драгун произошло в 1802 году; в этом году драгунам был дан палаш (прежней Императора Павла I формы, причем сабля была оставлена только в полках Кавказской Инспекции)[14].

Драгунский палаш (рис. 53) — клинок прямой, без дол, обоюдоострой формы, эфес медный с гардой, с чашкой и 4 дужками: 2 полукруглых и 2 искривленных, образующих цифру 8 с кружком посередине; рукоять покрыта кожей, обтянутой проволокой, головка эфеса в виде шарика, ножна кожаная нечерненая с верхним и нижним наконечниками. Верхний наконечник имеет крючок для пристегивания палаша к поясу.

Длина всего оружия — 3 фт. 2,5 дм., длина клинка без рукояти — 2 фт. 7,5 дм., вес с ножной — 5 фт., вес клинка с рукоятью — 3,25 фн., вес ножны — 1,25 фн.[15].

У офицеров был палаш по образцу рядовых, а вне строя — офицерская кавалерийская шпага.

Офицерская кавалерийская шпага[16] (фиг. 54) — клинок прямой с одной широкой долой — с обухом по одну сторону и лезвием по другую. Эфес медный золоченый симметричный — с двумя чашками по обе стороны и одной дужкой, костылек и головка в виде шарика — медные вызолоченные, рукоять, покрытая плетеной металлической проволокой; ножна кожаная с верхним и нижним медными вызолоченными наконечниками; верхний

наконечник имеет крючок для носки шпаги. Вся длина оружия — 3 фт. 7,7 дм., длина клинка — 3 фт. 1,1 дм., длина ножны — 3 фт. 07 дм.; вес всего оружия — 3 фн., вес клинка с эфесом — 2,5 фн., вес ножны — 0,5 фн.

В 1806 г. были даны нового образца палаши[17].

Драгунский палаш обр. 1806 г. (фиг. 55) — клинок прямой, без дол, эфес медный с чашкой и 3 дужками, две из них боковые — искривленные, рукоять покрыта кожей, обтянутой проволокой, головка эфеса в виде шарика, ножна кожаная нечерненая, 2 гайки с кольцами и наконечник железные. Длина всего оружия — 3 фт. 4,2 дм., длина клинка (без рукояти) — 2 фт. 1,1 дм., вес всего оружия — 4 фн., вес клинка с эфесом — 3,25 фн., вес ножны — 3/4 фн.[18].

В 1817 году палаши были заменены саблями образца Высочайше утвержденного в этом году для легкой кавалерии.

Кавалерийская сабля обр. 1817 г.[19] (фиг. 56). Клинок значительно искривленный, с двумя долами, эфес железный с 3 дужками; 2 из них боковые искривленные, рукоять деревянная, покрытая кожей, обвита проволокой, планка, покрывающая спинку рукояти, составляет одно целое с головкой эфеса, ножна железная с двумя гайками с кольцами и гребнем на конце ножны. Размеры: клинок длиной без ручки 2 фт. 10 дм. 3 лн., клинок длиной с рукояткой 3 фт. 4 дм. 3 лн., клинок близ эфеса шириной 15 лн., *толщиной 4 лн., эфес весом 1 фн. 6 зол., ножна весом 3 фн. 8 зол.*

С 1817 года все холодное оружие для нашей армии было Высочайше повелено приготовлять на вновь основанной Златоустовской оружейной

фабрике, в которую и были высланы образцовые экземпляры всего употреблявшего у нас тогда оружия[20].

Легкокавалерийская сабля была введена и в полках Кавказской инспекции, хотя нам и не удалось разыскать приказа по этому поводу, но в делах Оружейного Отделения сохранилось следующее донесение: «Нижегородский драгунский полк доносит, что состоящих в оном 527 палашей, отмененных в полках употреблением, не может он сдать за неполучением сабель»[21].

Интересно при этом отметить, в каком состоянии находилось это оружие. Из свидетельства при сдаче видно, что «при оных палашах и саблях эфесы частью спаенные надломлены и вовсе сломаны, полосы с пленами опасные вызубрены, сточенные, проржавленные, ножны кожею перегоревшие, наконечники и гайки изломлены и со сквозными дырами и все вообще старого образца»[22].

В 1829 году был изменен образец кавалерийской сабли, но изменение коснулось только деталей и главным образом эфеса; эфес было признано необходимым делать более широким, так как образец, утвержденный в 1817 году, был тесен для свободного движения руки[23].

Образец был утвержден 15 августа 1824 г., причем Государю Императору благоугодно было приказать, чтобы был разрешен вопрос о металле эфеса, а именно — какие эфесы, медные или железные, будут дешевле при изготовлении[24].

Как видно из дел Артиллерийского Департамента, медным эфесам было отдано предпочтение, и с этих пор все образцы стали изготовляться из меди, тогда как до этого времени часть нашей легкой ка-

валерии имела еще железные эфесы. Артиллерийский Департамент отдал преимущество меди ввиду следующих соображений[25]:

1) «отковка и отделка железных эфесов сопряжены с большими затруднениями, нежели отливка и отделка медных, так что расходы на материалы при медных эфесах с избытком заменяют расходы на самую работу;

2) зеленая медь подвержена ржавчине менее железа, и самая ржавчина на первой удобнее счищается;

3) медный эфес, будучи тяжелее железного, способствует удобнейшему управлению оружием».

Если первые мотивы и были совершенно правильны, то нельзя, однако, вполне согласиться с третьим. Для оружия рубящего (как то было в данном случае) легкость всего образца имела большое значение, а потом утяжеление его и притом эфеса, что передвигало центр тяжести ближе к рукояти, — должно было уменьшать боевые свойства того оружия.

Размеры сабли *образца 1827 г.:* клинок длиной 2 фт. 8 дм. 5 лн.; шириной у ручки 1 дм. 4 лн.; в середине — 1 дм. 2,5 лн., в конце — 1 дм. 1,5 лн.; толщиной у ручки — 4 лн., в середине — 2,5 лн.; в конце — 1,75 лн., клинок весом 1 фн. 35,5 зол., вес клинка с эфесом — 2 фн. 73,5 зол., вес ножны — 3фн. 49,5 зол., длина ножны — 2 фт. 11 дм. 6 лн., вес всего оружия — 6 фн. 27 зол.[26].

Следующее изменение было в 1827 году, оно также крайне наглядным образом свидетельствует о характере наших перевооружений.

В делах Штаба Генерал-фельдцейхмейстера со-

хранился следующий рапорт, поданный Его Императорскому Высочеству Генерал-фельдцейхмейстеру Великому Князю Михаилу Павловичу.

«Директор Златоустовской фабрики[27], найдя вес в некоторых частях Высочайше утвержденных сабли и палаша и преимущественно в клинках недостаточным для надлежащей прочности оружия, а в ножнах излишним, сделал некоторую перемену в весе означенного оружия, каковое изменение Министр финансов, признавая со своей стороны необходимым, просил довести о том до Высочайшего сведения, — Вашему же Императорскому Высочеству благоугодно было поручить Директору Артиллерийского Департамента Г.Л. Игнатьеву рассмотреть вышеупомянутые палаш и саблю и сравнить оные с Высочайше опробованными образцами, хранящимися в Департаменте, который по исполнении сего донес:

1. Клинок вновь предлагаемого палаша и сабли на 1/2 дм. длиннее прежнего образца, и конец оного завострен только с одной стороны, у образцового же завострен с обеих сторон.

2. Вес клинков против прежнего увеличен у палаша на 17, а у сабли на 22,5 зол. Сие прибавление весу в клинках делает их не токмо прочнейшими, но и удобнейшими для рубки.

3. С увеличением весу клинков хотя и уменьшается тяжесть ножен — у палашного на 7, а у сабель на 2,5 зол., но прочность их через то не ослабляется.

В заключении же донесения своего Г.Л. Игнатьев присовокупил, что предположение Горного Департамента о введении палашей и сабель по сим новым образцам он признает весьма полезным,

кроме завострения конца клинка у палаша с одной стороны, и что завострение лучше оставить с обеих сторон, как сделано у образцового.

По сему донесению Ваше Императорское Высочество изволили уведомить, что оказавшиеся в палашах и саблях изменения противу прежних образцов так мало значущи, что, по мнению Вашего Высочества, не заслуживало бы даже о сем производить переписки».

Таким образом, Великий князь правильно взглянул на это дело, и образцы палаша и сабли были возвращены обратно по принадлежности.

Но на этом дело не кончилось — в начале 27-го года вновь поднялся вопрос об изменении образцов.

На этот раз было решено, что прочность совершенно достаточна, но что оружие слишком тяжело.

В августе 1827 года Артиллерийский Департамент представил начальнику Главного Штаба Генерал-фельдцейхмейстера «палаш и саблю с медными эфесами, сделанные сходно во всем по последне утвержденным образцам, но с уменьшением только противу оных тяжести у палаша в эфесе на 36 зол. и в ножнах на 1 фун. 40,5 зол., а у сабли в эфесе на 30 зол., а в ножнах на 1 фун. 25,5 зол., каковое изменение веса в эфесах и ножнах, не ослабляя нисколько их прочности, доставляет между тем легкость оружию сему»[28].

Итак, если в 24-м году считалось, что эфесы должны быть тяжелее для удобства владеть оружием, то в 27-м году Артиллерийский Департамент считает, что эфесы надо облегчить.

Все это наглядно рисует те основания устройст-

ва оружия, которыми руководствовались в то время при перевооружении.

Тем не менее означенные образцы — с некоторыми изменениями — были Высочайше утверждены, причем было повелено не только приготовлять впредь оружие по этим новым образцам, но и переделать все находящееся в складах и в арсеналах. Необходимо, однако, отметить, что прежнее оружие не было переделано ввиду встретившихся затруднений. Командующий С.-Петербургским Арсеналом донес, что ружейная мастерская вверенного ему склада «занимается ныне вся таковою переделкою доставленной из Златоустовской фабрики 3858 палашей и 13 000 сабель и по сделанному предварительному испытанию оказалось 20 палашей и 20 сабель переделано 17 человеками в 7 дней — следовательно, на переделку помянутого количества палашей и сабель потребуется 8 лет, включая и праздничные дни...»[29].

Командующий Сестрорецким оружейным заводом, где также была предположена переделка палашей и сабель, указал, кроме того, на значительный брак оружия при опиловке, в особенности ножен. Ввиду этого от переделки пришлось отказаться.

Кавалерийская сабля обр. 1827 г. (фиг. 57). Клинок значительно искривленный с одной широкой долой, эфес медный с 3 дужками — из них 2 боковые искривленные, задняя планка составляет одно целое с головкой, для защиты руки, — кроме того, присоединена боковая планка наподобие восточного крыжа, клинок с рукоятью скреплен на заклепках, концы заклепок прикрыты гайками, вы-

ступающими с боков рукояти, ножны металлические с гребнем и 2 гайками.

В 1833 году 9-м и 10-м эскадронам драгунских полков были даны пики.

Царствование Государя Императора Николая Павловича было временем наибольшего распространения этого оружия. В 1824 году из 66 кавалерийских полков 20 было пикинерных уланских. В 1827 году таких полков было уже 7[30]; в 1833 году пика была введена на вооружение первой шеренги кирасирских полков, а также 9-й и 10-й эскадронов драгунских. В настоящей части мы отметим только изменения в вооружении драгун относительно введения у них пик, что же касается описания образцов пик, то оно будет помещено в отделе об оружии улан.

В следующем, 1834 г. произошло новое изменение в эфесах сабель.

Приказом Военного Министра от 2 мая 1834 г. за № 51 были объявлены войскам изменения в эфесах, которые войска должны были произвести собственными хозяйственными средствами. Цель переделки — большее удобство действия оружием; переделка заключалась в спиливании краев прямых дужек в верхнем конце наравне с согнутыми, чтобы острые края первых не резали руки, а также в срезании плоско того места спинки рукояти, где на нее помещается большой палец правой руки, — для более удобной его опоры.

В том же 1834 году (приказ № 87) Нижегородскому драгунскому полку были даны шашки нового, азиатского образца. В делах не сохранилось указаний, кем был проектирован этот образец, но необходимо отметить, что эта шашка представляет

собою действительно прекрасное оружие, которое и могло появиться лишь там, где нашей кавалерии пришлось сталкиваться с лихими наездниками Востока, прекрасно владевшими своим оружием, понимавшими в нем толк и выработавшими его не путем теоретических размышлений о более целесообразном его устройстве, но путем опыта, путем кровопролитных схваток и столкновений, не прекращавшихся среди воинственных племен Кавказа.

Шашка азиатского образца 1834 г. (фиг. 58) была Высочайше утверждена в 1834 г., чертежи ее были составлены лишь в 1839 г., и то с немногими цифровыми данными о размерах этой шашки. Детальный чертеж был объявлен много лет спустя в 1903 г.

Клинок значительно искривленный с одной широкой долой, рукоять деревянная, без дужки, внизу скреплена железной оковкой, соединение на заклепках. Ножны деревянные, покрытые кожей — с верхним наконечником и двумя гайками с кольцами, для носки штыка при шашке приделаны к ножне еще две гайки с гнездами для штыка. Нижнего наконечника нет[31]. Длина всего оружия 3 фт. 2,5 дм., длина клинка 2 фт. 10 дм. 1 лн., — вес всего оружия 3,25 фн., без ножны — 2,5 фн.

В 1839 году были утверждены чертежи всему огнестрельному и холодному оружию, употреблявшемуся в наших войсках, и в том числе легкокавалерийской сабле, состоявшей на вооружении драгун.

Составление чертежей было вызвано теми недоразумениями, которые постоянно имели место при приеме оружия с завода, так как одними об-

разцами, очевидно, было слишком трудно руководствоваться при детальной приемке различного оружия.

Приводим здесь только размеры (1839 г.), так как в общем бывшие ранее образцы не получали никаких изменений.

Вся длина оружия — 3 фт. 4 дм. 2 лн., длина клинка — 2 фт. 10 дм. 6 лн., ширина клинка при эфесе — 1 дм. 4 лн., посередине — 2,5 лн., в конце — 1 дм., толщина — 4 лн., в середине — 2,25 лн., в конце — 2 лн., длина ножны — 2 фт. 11 дм. 8 лн., вес клина — 1 фун. 62 зл., вес клинка с эфесом — 2 фн. 78,5 зл., вес ножны — 2 фун. 15,5 зл., вес всего оружия — 4 фун. 94 зл.[32].

Размеры шашек:

РАЗМЕРЫ		**Офицерская**	**Солдатская**
Вся длина орудия		3 фт. 1 дм.	3 фт. 3 дм.
Длина клинка		2 фт. 8 дм.	2 фт. 9 дм.
Ширина клинка	При эфесе	1 дм. 2 лн.	1 дм. 3,5 лн.
	В середине	1 дм. 0,5 лн.	1 дм. 0,75 лн.
	В конце	8 лн.	8 лн.
Толщина клинка	При эфесе	3,35 лн.	4,40 лн.
	В середине	2,5 лн	2,75 лн.
	В конце	1,25 лн.	1 лн.
Длина ножны		2 фт. 9 дм.	2 фт. 10 дм.

Вес клинка с эфесом	2 фн. 13 1/2 зл.	2 фн. 28 зл.
Вес ножен	92 зл	1 фн. 42 зл.
Вес всего оружия	3 фн. 9 1/2 зл.	3 фн. 70 зл.

Сабли обр. 1839 г. прослужили у драгун недолго; в 1842 году они получили драгунские шашки в кожаных ножнах[33].

Драгунская шашка обр. 1842 г. (фиг. 59). Клинок искривленный с одной широкой долой, эфес медный с одной дужкой с костыльком и с головкой, рукоять деревянная, покрытая кожей, обвитою проволокою, ножны деревянные, покрытые кожей — с верхним наконечником, двумя гайками с кольцами и нижним наконечником.

Прибор желтой меди.

Офицерская шашка такого же образца (фиг. 60), но на ней были выгравированы украшения по дужке, головке и по костыльку.

Для приспособления к ножне солдатской шашки штыковой ножны прикрепляется еще 3-я гайка посередине между указанными выше, причем эта гайка, а также нижняя снабжаются особыми ободками по форме поперечного сечения штыковой ножны, в которые она и вставляется.

Несмотря на составление в 1839 году чертежей всему огнестрельному и белому оружию, дело приема все-таки нельзя было признать поставленным совершенно правильно. Много недоразуме-

ний, во-первых, возникало вследствие неполноты чертежей, а во-вторых, и вследствие того, что многие детальные размеры не были согласованы с утвержденными образцами. Ввиду этого пересмотр чертежей являлся необходимым. Новые чертежи были объявлены в 1846 году[34].

Изменений от прежнего образца не было.

Спустя 4 года, в 1850 году, был утвержден новый образец драгунской сабли. Таким образом, прежний образец 42-го года просуществовал всего 8 лет; какие-нибудь особенные недостатки эта шашка вряд ли обнаружила; вернее всего, как это доказывают и прежние примеры перевооружений, явился новый знаток оружия, который сообразно своим взглядам решил изменить принятый образец; при отсутствии же твердо установившихся понятий об основаниях устройства холодного оружия провести в путь проектированные изменения, конечно, не представляло особых затруднений. Перевооружение образцами 50-го года и имело именно такой характер.

В конце сороковых годов директору Тюльской фабрики во Франции Монсо было заказано изготовить некоторое количество кожаных ножен по усовершенствованному им способу.

Воспользовавшись этим случаем, Монсо сообщил свои замечания насчет высланных к нему образцов холодного оружия.

Он высказал, что драгунская сабля имеет тот недостаток, что она слишком крива, узка и коротка и оттого не удобна ни для рубки, ни для уколов.

Казачья шашка, по его мнению, была превосходнее драгунской сабли. Он сообщил, что «хоро-

шо обдуманное устройство этой сабли может служить образцом для любой кавалерии: клинок ее широкий, довольно длинный и не слишком кривой — удобен для удара, и в ловкой руке она должна быть смертоносна, только эфес ее слишком легок в сравнении с весом оконечности клинка и, сверх того, он не прикрывает ни руки, ни тела...»[35].

Оружейный комитет по рассмотрении этих замечаний, конечно, согласился с мнением Монсо, и по всеподданнейшему об этом докладу Государь Император повелел представить Ему «образец сабли с клинком казачьей шашки и с эфесом на манер драгунской сабли, приспособленным в отношении равновесия к клинку шашки».

Новый образец был утвержден 7 июня 50-го года.

Размеры[36]

длина клинка		2 ф. 10 дм. 5,5 лн.
ширина клинка	при эфесе	1 дм. 4 лн.
	посередине	1 дм. 2,25 лн.
	в конце	1 дм. 0,25 лн.
толщина клинка	при эфесе	3,25 лн.
	в конце	2,15 лн.
длина ножен		3 ф. 0,5 лн.
вес клинка с эфесом		2 ф. 48 з.
вес ножен с прибором		1 ф. 58 з.

Следующее изменение в вооружении драгун произошло в 1881 г., которое выделено у нас в отдельный очерк.

Кирасиры

В 1802 году согласно новой табели, Высочайше утвержденной в этом году, кирасирам был положен палаш — с медным или железным эфесом по цвету прибора[37].

Кирасирский палаш (фиг. 62) — клинок прямой — без дол, эфес медный или железный с чашкой и гардой — наподобие описанной ранее у драгунских палашей или с изображением двуглавого орла (гвардия), головка эфеса в виде головы льва, ножны кожаные — нечерненые с верхней гайкой, с крючком для пристегивания палаша и длинным (более половины длины ножны) прорезным наконечником. Вес всего оружия 5 фн., вес клинка с эфесом — 3,25 фн., вес ножны — 1,25 фн., длина клинка с рукоятью 3 ф. 2,5 дм., длина без рукоятки — 2 ф. 7,5 дм.[38].

У офицеров были палаши по образцу рядовых, с высеребренными или вызолоченными эфесами, а вне строя — кавалерийская шпага, описанная уже ранее в отделе о вооружении драгун.

В 1810 году кирасирам были даны новые палаши[39].

Кирасирский палаш обр. 1810 г. (фиг. 63) — клинок прямой с двумя долами, эфес медный с чашкой и 3 дужками, из них 2 боковые — искривленные, рукоять деревянная, покрытая кожей, обвита проволокой, ножны металлические с двумя гайками — с кольцами и с гребнем на оконечности ножен. Вес всего оружия 6,25 фн., вес клинка с рукоятью — 3,5 фн., вес ножны — 2,75 фн., длина клинка с рукоятью — 3 ф. 4,2 дм., длина без рукояти — 3 ф. 0,7 дм.[40].

В 1817 году образец кирасирского палаша подвергся новым детальным изменениям в размерах.

Кирасирский палаш обр. 1817 г.

Клинок длиной без рукояти — 3 ф. 1 дм. 9 лн., с рукоятью — 3 ф. 8 дм. 7 лн.; клинок весом 1 фн. 63 зол., эфес весом 1 ф. 16 з., ножна весом 3 ф. 8 зол.; клинок близ эфеса — шириной 1 дм. 1 лн., толщиной 4 лн.[41].

С 1819 года стали готовить палаши с некоторым изменением присадки рукояти; рукоять сделали несколько загнутой — по направлению к передней дужке — для большего удобства держания палаша[42].

Следующее изменение произошло в 1824 г. Сам тип оружия остался без изменения, объявлены были лишь новые размеры.

Клинок длиной без рукояти — 3 ф. 2 дм. 5 лн., шириной близ эфеса 1 дм. 4 лн., при конце — 9 лн., толщиной близ эфеса — 2,5 лн., в середине — 2 лн., в конце — 1,25 лн.

Клинок весом 1 ф. 67 зол., эфес с головкой и гайкой — 1 ф. 46,5 зол., рукоять — 14,5 зол., вес клинка с эфесом — 3 ф. 32 зол., ножна длиной 3 ф. 3 дм. 5 лн., ножна весом — 3 ф. 28 зол., вес всего оружия — 6 ф. 60 зол.[43].

В 1827 году образец палаша был вновь изменен; мотивы изменения те же, что и в легкокавалерийской сабле обр. 1827 г., а именно желание облегчить вес — как это указано в отделе о вооружении драгун[44].

В 1831 году, в эпоху распространения пики, этой «царицы холодного оружия», первым шеренгам кирасирских полков были даны пики образца,

бывшего на вооружении улан (см. выше — вооружение улан)[45].

Вооружение кирасир пиками было начато с полков, действовавших против польских мятежников, и было вызвано известием, что большая часть польской кавалерии вооружалась пиками. Ввиду того, что готовить пики на наших заводах было уже поздно, решено было выдать их из арсеналов.

Какие пики были выданы в полки, можно видеть из следующих документов:

18 июля 1836 г. — Виленский и Гродненский Временный Губернатор писал в Артиллерийский Департамент, что «назначенные в отпуск из Виленского Арсенала для вооружения передней шеренги в каждый полк французских разных сортов с древками и подтеками — выданы»[46].

Из Киевского Арсенала отпущены были следующие пики: «Из 7991 пики по случаю требования для действующей кавалерии по рассортирке оказалось — могущих исправиться с цельною бронзою, но у многих лезвие узко, сточенные, вызубренные и выщербленные и требующих очистки от ржавчины, выправки бронз и опиловки помятых, потертых и выщербленных — 3546, 2-го сорта с такими же недостатками и потребностию исправления, но со сломленными бронзами, требующими переливки и пайки 1600...»

После войны часть пик была сдана, причем при освидетельствовании комиссией они оказались никуда не годными:

«При кривых вообще пиках — помочи помяты, концы копий забиты и погнуты, а некоторые имеются и ломаные, отчего к употреблению и на службу негодны, комиссия полагает обратить в лом же-

леза, а древки на дрова мерою, в протчем представляет на усмотрение высшего начальства»[47].

В 1834 году приказом по Военному Ведомству за № 51 были объявлены изменения в эфесах — цель их большее удобство действия оружием; изменения заключались в спиливании краев прямых дужек в верхнем конце — наравне с согнутыми, чтобы острые края первых не резали руки, а также в срезании плоско того места спинки рукояти, где на нее ложится большой палец.

В 1839 году были составлены новые чертежи (см. выше) всему холодному оружию, в том числе и кирасирскому палашу.

Размеры кирасирского палаша обр. 39 г. (фиг. 64)[48].

Вся длина оружия — 3 ф. 8 дм. 9 лн.; длина клинка — 3 ф. 2 дм. 5 лн.

Ширина клинка при эфесе — 1 дм. 4 лн., посередине — 1 дм. 3/4 лн., в конце — 8 лн.; толщина клинка в эфесе — 4 лн., по середине — 2 1/4 лн., в конце — 2 лн., длина ножны — 3 ф. 3 дм. 5 лн., вес клинка — 1 ф. 72 1/2 зол., клинка с эфесом и рукоятью — 3 ф. 11 зол., ножны — 1 ф. 89 1/2 зол., всего оружия — 5 ф. 4 1/2 зол.

В 1843 году были даны нового образца пики (см. ниже — вооружение улан).

В 1846 году в год составления новых чертежей холодному оружию (см. драгуны), были составлены новые чертежи и кирасирскому палашу — без изменений от прежнего образца[49].

Этот образец и был на вооружении до 1882 г., т.е. до переформирования кирасир в драгунские полки, оставаясь в настоящее время только в гвар-

дейских частях и то в мирное время — при городской и парадной форме.

В 62-м году был утвержден новый образец пики (см. ниже), который и был на вооружении также до 82-го г. Этот образец существует и ныне — у гвардейской кирасирской дивизии при парадной форме.

Гусары

Согласно табели, утвержденной в 1802 г., гусарам полагалась легкокавалерийская сабля.

Легкокавалерийская сабля обр. 1802 (фиг. 65) — клинок значительно искривленный с одной узкой и другой более широкой долами, эфес железный или медный с одной дужкой, согнутой внизу под прямым углом, рукоять деревянная, обвита проволокой сверх кожаной оболочки.

Кроме того, для защиты руки приданы с обеих сторон по железным или медным крыльям наподобие восточного крыжа. Головка с планкой, покрывающей спинку рукояти, того же металла, как и весь прибор. Ножна кожаная с верхним наконечником с кольцом. Нижний наконечник длинный (более половины длины ножны) прорезной, имеет в верхней части второе кольцо. Вес клинка — 2,75 фн., вес ножны — 2 фн., всего оружия — 4,75 фн., длина всего оружия — 1 ар. 6 в., длина клинка без рукояти — 1 ар. 3 в.[50].

В 1809 году образец сабли был изменен, а именно: вместо прежней дужки для лучшей защиты руки была присажена гарда с 3 дужками, из них две боковые искривленные; ножны были оставлены прежние прорезные (фиг. 66)[51].

В 1817 году были даны нового образца сабли: легкокавалерийская сабля обр. 1817 г., такая же, как у других, описана выше.

Следующие изменения в вооружении гусарских полков были те же, что и у драгун — до 1842 года (до утверждения особого образца драгунской шашки), а именно:

В 1824 — даны сабли нового образца.

В 1827 — следующий новый образец сабли.

В 1834 — новые эфесы.

В 1839 — утверждены чертежи холодного оружия.

В 1846 — утверждены новые чертежи, в том числе и легкокавалерийской сабли. Эту саблю гусары сохранили до 1882 года — до расформирования гусарских полков.

В 1855 году первой шеренге гусарских полков были даны пики.

Образец пики изменялся в 1862 г. (см. выше).

Уланы

В 1802 году согласно вновь конфирмованной табели уланам была дана легкокавалерийская сабля, такая же, как гусарам, и уланская пика; образец сабли уже описан выше.

Уланская пика. Полных данных об устройстве этой пики не сохранилось. У Гогеля в его «Наставлении об изготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого оружия» приведены лишь размеры копья и помочей.

Данные эти согласны и с указаниями, данными Златоустовской оружейной фабрике для изготовления копий. Принимая во внимание, что даже в

сороковых годах прошедшего столетия не было еще установлено однообразия в этом роде оружия и различные полки имели различные образцы пик, можно предположить, что не в лучшем положении находилось это дело и в начале столетия. Если и был утвержден образец копья, то длина и размеры древка были предоставлены усмотрению войсковых частей. Пика состояла из копья, древка и наконечника (или подтека). Копье присаживалось к древку с помощью трубки и длинных помочей с шурупами. Подток присаживался также шурупами[52].

Размеры:

длина копья — 1 фт. 5 лн.,

длина помочей — 2 фт. 11 дм. 3 лн.,

диаметр трубки копья — 1 дм. 5 лн.[53].

(Помещенный нами рисунок 67-й образца копья заимствован из описания Тульского оружейного завода Иосифа Гамеля, изд. 1826 г.).

В 1812 году образец сабли был изменен, а именно: к эфесу была придана другая гарда с 3 дужками, из них 2 искривленные боковые, лучше защищающие руку; ножны же оставлены прежние прорезные, как у гусар[54].

Следующие изменения в вооружении были такие же, как и у гусар.

В 1817 г. — новый образец сабли.

В 1824 г. — новое изменение слабли.

В 1827 г. — следующий образец сабли.

В 1834 г. — новые эфесы.

В 1839 г. — чертежи сабли[55] и уланской пики.

Устройство пики видно из чертежа (фиг. 68). Лезвие копья было четырехгранное, в коническую его шейку входил конец древка; к нему копье при-

креплялось длинными помочами с шурупами. Наконечник тупой; заострение считалось опасным, чтобы при держании пики наперевес не ранить задних всадников, но зато с таким наконечником было затруднительно втыкать пику в землю на биваке в походе, при спешивании.

В 1843 году был Высочайше утвержден новый образец пики для легкой и тяжелой кавалерии.

Несмотря на то что чертежи пики были утверждены в 1839 году, многие полки имели это оружие еще прежних годов изготовления, и только некоторые переделали у себя пики по новому образцу. Последствием этого было крайнее разнообразие пик не только между отдельными войсковыми частями, но и в одних и тех же полках — они нередко были разной длины и разных образцов.

При осмотре резервной кавалерии в 1840 году Государь Император Николай Павлович обратил внимание на это обстоятельство и приказал выяснить причины замеченного им разнообразия в вооружении, а также выработать новый образец пик, который и должен был быть введен в кавалерии.

По собранным сведениям оказалось, что «разность в пиках по большей части происходила от невысылки в полки ни чертежей, ни образцов»[56].

Инспектор резервной кавалерии между прочим донес, что «в уланских полках 4-й и 5-й легких кавалерийских дивизий, как оказалось по справке в делах дивизионных дежурств, пики заведены с давнего времени, а чертежей, а также образцов высылаемо ниоткуда не было.

В 4-й дивизии пики 4-х аршин, исключая некоторой части, которые короче одним или двумя

вершками: в 5-й дивизии только часть пик 4-х аршин, а прочие менее.

В полках второй кирасирской дивизии пики длиной 4 аршина и 2/3 вершка — устройство этой длины пик введено в сих полках вследствие разрешения Департамента военных поселений 1833 г., основанного на отзыве командира образцового кавалерийского полка...»[57].

Отсюда видно, что образцы пик, состоявшие тогда в полках нашей кавалерии, не отличались однообразием.

Одновременно был возбужден вопрос о перемене образца.

В 1840 году Инспектор резервной кавалерии Генерал от кавалерии Никитин подал докладную записку, в которой он указывал на недостатки употреблявшихся тогда пик[58].

Первое, на что указывал Никитин, это неправильный перевес; прежние пики имели центр тяжести, поданный ближе к переднему концу; таким образом боевая часть пики оказывалась короче задней. Генерал Никитин предлагал перенести центр тяжести назад таким образом, чтобы передний конец был длиннее заднего на 9 вершков. Кроме того, он обращал внимание на тупой наконечник, который препятствовал втыканию пики в землю на биваках, вследствие чего приходилось оборачивать пики копьем вниз и марать флюгер. Генерал Никитин предлагал делать наконечник более острым — коническим. Такое изменение, кроме того, давало возможность и отменить один темп при команде *коли направо назад*, так как солдат, защищаясь спереди острым концом, мог нанести

при отступлении удар нападающему сзади — задним концом пики.

Для предлагаемой переделки было необходимо укоротить железные планки, прикреплявшие копье к древку, употребив их на надставку нижних наконечников, в которые, кроме того, необходимо было прилить столько свинца, чтобы центр тяжести пики был в требуемом для перевеса месте.

В том же 1840 году последовали новые предложения пик князя Г.А. Васильчикова и генерала от кавалерии Рожнецкого; эти образцы были, однако, признаны неудобными для введения в войска и уступающими образцам, предложенным ген. Никитиным[59].

Последние 15 декабря 1842 г. были Высочайше одобрены, а изготовленные по этим образцам и представленные в январе следующего года Государю Императору Командиром отдельного гвардейского корпуса Великим Князем Михаилом Павловичем экземпляры пик были Высочайше утверждены, причем указания для переделки и чертежи новых пик были объявлены в Прик. по Военному Ведомству 1843 г. за № 16 (фиг. 69).

РАЗМЕРЫ ПИК	Для тяжелой	Для легкой
	кавалерии	
Длина всей пики	10 фт. 5 дм. или 4,5 аршина	9 фт. 4 дм. или 4 арш.
Длина лезвия с трубкой	11 дм. 5,5 лн.	12 дм. 5,5 лн.
Длина одного лезвия	8 дм. 3,5 лн.	8 дм. 3,5 лн.

Длина помочей	12 дм. 2 ,5 лн.	12 дм. 2,5 лн.
Длина наконечника с помочами	11 дм. 5,93 лн.	11 дм. 5,93 лн.
Длина наконечника	7 дм. 2,18 лн.	7 дм. 2,18 лн.
Диаметр древка	1 дм. 5,31 лн.	1 дм. 4,21 лн.
Перевес пики	6 фт. 1 дм. 5 лн.	5 фт. 5 дм. 1,87 лн.

В 1855 году пики, как это указано нами выше, были даны гусарам. Генерал Кульгачев, бывший в Венгерской кампании, свидетельствует, что причиной введения в гусарские полки пик послужил опыт кампании 1849 года, в которой венгерская кавалерия, по словам генерала Кульгачева, не раз бравшая верх над нашими гусарами, всегда сдавала при появлении улан и казаков[60].

Вместе с тем в том же 1855 году был вновь поднят вопрос о новом образце пики; насколько, видимо, не были разработаны основания конструкции пик, а также не были выяснены требования, которые должны были быть предъявлены к этого рода оружию, наглядно показывает нам переписка об образце пики 1855 г.

Этот образец был выработан образцовым кавалерийским полком[61]; он отличался от прежних пик 1) укорочением железных помочей; 2) уменьшением количества свинца в тупом конце и 3) прикреплением круглой пластинки на нижнем конце копья для того, чтобы пика при нанесении удара задерживалась бы этим кольцом от излишнего

чрезмерного проникания, что затрудняло освобождение пики; кроме того, новый образец отличался еще и другими мелкими деталями.

Этот образец, представленный Государю Императору, был Высочайше им утвержден, причем Его Величество Высочайше повелеть соизволил «иметь оный в виду на будущее время, не приступая теперь к переделке пик по этому образцу»[62].

Однако эти пики никогда не были введены на вооружение. В том же году Инспектор резервной кавалерии генерал Никитин подал докладную записку, в которой указывал, что «по произведенному испытанию в полках в пике, представленной командиром образцового полка, найдена удобною только скоба, в которую продевается темляк, закругленная в верхних концах, дабы при фланнировке не портила руки, остальные же изменения оказались неудобными по следующим причинам:

1) укорочение железных усов (помочей) подвергает древко ударам холодного оружия, так как в оном будет менее защищенных железом мест;

2) с отнятием свинца с тупого конца, хотя она и делается несколько легче, но удар, наносимый ею, несравненно слабее, ибо пика с наконечником, налитым свинцом, имеет вернейший перевес и действует дальше. К тому же с облегчением нижнего конца труднее держать пику на рыси в бушмате. Поэтому в бозе почивший Государь Николай Павлович лично удостоверился в необходимости придать тупому концу пики более тяжести посредством наливания свинцом, и

3) хотя изменение в пиках может быть исполнено в полках казенными мастеровыми, не требуя от казны никакой издержки, но тем не менее оно без

всякой существенной пользы будет сопряжено с напрасными трудами и расходами для полков, а на древках весьма заметны будут гнезда убавленных железных усов...»

Вследствие этих обстоятельств, генерал от кавалерии граф Никитин предлагал оставить кавалерийские пики в настоящем их виде.

Дело об изменении образца пики на этом, однако, не кончилось — неудобства бывших на вооружении пик были слишком значительны, чрезмерная длина, а вследствие этого и тяжесть их затрудняла правильно и ловко действовать ими. Как видно из доклада Артиллерийского Департамента о новых образцах пики, «прежние пики по своей тяжести, чрезмерной длине давно уже признаны несоответствующими силе кавалериста и неудобными к бою».

С 1855 года начинается целый ряд различных предложений относительно пик; из них необходимо отметить пики: полк. Ганцера, пика по образцу австрийской с прибором косаря[63]. Последние были заказаны в количестве нескольких десятков экземпляров и испытывались в войсках.

Кроме того, были предложены:

1) Г.-а. графом Ридигером — пика с утолщенным задним концом;

2) Г.-а. Бетанкуром — пика с приспособленной к ней косой;

3) Генералом от кавалерии бароном Офенбергом — пика, похожая на старинное рыцарское копье[64].

Все эти образцы, кроме предложенных г.-а. Ридигером, были найдены не соответствующими своему назначению, что же касается пик г. Ридиге-

ра, то их решено было испытать в кавалерийских полках.

Г. Ридигером было предложено 3 образца пик:

1) одни длиной, одинаковой с прежними кирасирскими, но с утолщенным концом древка;

2) длиной прежних уланских, также с утолщенным концом древка;

3) длиной прежних кирасирских, но с наконечником, налитым свинцом.

Кроме того, г. Ридигер приспособил к копью пики — кружок для препятствия глубокому проникавию пики.

По этим образцам было изготовлено некоторое количества пик, которые затем и были испытаны в различных кавалерийских дивизиях.

Результаты войсковых испытаний указали на преимущество 3-го образца пик, предложенных г. Ридигером. В этом образце свинец, налитый в наконечнике, переносил центр тяжести пики ближе к тупому концу, вследствие чего боевая передняя часть пики выходила длиннее, чем в других образцах, где у наконечников были несколько утолщены древки, что хотя и давало некоторый перевес тупому концу, но слишком незначительный по сравнению с 3-м образцом.

По той же причине возка пик в бушмате — за плечом — была удобнее для 3-го образца, так как в других пиках они, имея центр тяжести довольно высоко, могли выскакивать при сильных аллюрах из бушмата.

Результаты испытаний и самые образцы пик были переданы в комиссию для улучшений по части военной; комиссия эта признала необходимым произвести новые испытания по сравнению с пи-

ками французской и английской в Гвардейской фехтовально-вольтижерской команде[65].

К этому же времени относится и записка, поданная известным знатоком холодного оружия г.-а. Плаутиным по вопросу о недостатках наших пик и о тех основаниях, на которых следовало бы изготовлять это оружие. Г. Плаутин указывал на необходимость значительно облегчить пику как относительно копья, так и самого древка, а также укорочением помочей, с другой же стороны удлинить боевую часть пики соответственным расположением центра тяжести ближе к тупому концу[66].

Вследствие этого были проектированы новые образцы пик, которые затем и были испытаны в кавалерийских частях. Обе образцовые пики имели размеры одинаковые (в длину 3 арш. 14 вер. с копьем) и различались лишь весом, зависящим от налитого в задний наконечник свинца и так рассчитанным, чтобы в кавалерийской пике центр тяжести (с флюгером) находился посередине, а в кирасирской — на 2 ар. 8 в. от острой оконечности копья. Они были значительно легче всех образцов как вновь предлагавшихся, так и бывших ранее на вооружении нашей кавалерии; при меньшей же общей длине пик длина боевой части была значительно больше против прежних образцов; устройство копья было надежнее, а задний наконечник давал возможность на биваках втыкать пику в землю. Бушмат к новым пикам был сделан с раструбом в верхней части, чтобы всаднику было удобнее вставлять пику на всяком аллюре[67].

Эти образцы были Высочайше утверждены в 1862 г., причем было указано, «чтобы прежние пики заменялись новыми со всевозможною посте-

пенностью без значительного единовременного расхода со стороны казны».

Чертежи новых пик были объявлены в приказе по Военному Ведомству 1862 г. № 83, в 1866 г. приказом по В. В. за № 338 были исправлены некоторые неточности прежде объявленных чертежей, а в 1868 году — приказом за № 190 были объявлены инструкция для приема и описания новых пик.

Пика обр. 1862 года.

Копье состояло из лезвия, шейки, трубки и помочей. Лезвие изготовлялось из литой стали средней твердости; в помочах копья просверливались отверстия для шурупов и скоб. Внутри шейки была пустота, куда вставлялся верхний конец древка; форма копья видна на чертеже (фиг. 70). Наконечник изготовлялся из железа, внутри него оставлялась пустота, в которую наливалось некоторое количество свинца и куда входил нижний конец древка; на помочах наконечника были просверлены отверстия для шурупов. Шурупы приготовлялись из железа, их полагалось по 10 на каждую пику.

Размеры:
длина лезвия — 7,85 дм.,
ширина шейки — 2,75 дм.,
вся длина с помочами — 24,65 дм.,
толщина лезвия в расстоянии 1,25 дм. от острого конца — 0,40 дм.,
толщина лезвия в основании — 0,70 дм.,
толщина шейки — 0,55 дм.,
диаметр трубки — 1,18 дм.,
наконечник
длина трубки без помочей — 7 дм.,

длина трубки с длинной помочью — 12,4 дм.,
длина трубки с короткой помочью — 11 дм.,
вся длина пики — 3 арш. 14 верш.,
расположение центра тяжести в пике легкой кавалерии посередине, а тяжелой — на 2 ф. 8 верш. от острия лезвия.

Жандармы

были вооружены как драгуны.

Конноегеря

(с 1812 г.; 1833-й — год расформирования)
были вооружены как гусары.

Коннопионеры

как драгуны.

Конная артиллерия

Согласно табели, Высочайше утвержденной в 1803 году, конно-артиллеристы были вооружены палашами.

Палаш конной артиллерии (фиг. 71). Клинок прямой, обоюдоострый, без дол, эфес медный с 2 чашками — симметричный с одной дужкой и костыльком, головка в виде шарика, рукоять сплошь покрыта медной проволокой. Ножна кожаная нечерненая с малым нижним наконечником, верхний наконечник с крючком для присте-

гивания палаша. Вся длина оружия — 3 ф. 4,2 дм., клинка без рукояти — 2 ф. 10 дм. 1 лн., ножны — 2 ф. 11 дм., вес всего оружия — 3,25 фн., клинка с эфесом — 2,75 фн., ножны — 1/2 фн.[68].

В 1814 году эти палаши были заменены легкокавалерийскими саблями[69], и все дальнейшие изменения до 1842 года происходили как в легкой кавалерии.

В 1842 году, когда был утвержден новый образец драгунской шашки в кожаной ножне, было признано необходимым испытать эти шашки и в конной артиллерии.

Испытания производились в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде над двумя образцами оружия: новыми драгунскими шашками и французскими, принятыми в конной артиллерии[70], по сравнению с прежними легкокавалерийскими саблями.

Испытания эти указали на большее удобство эфесов новых драгунских шашек, так как прежние гарды — при действиях при орудиях — при частом соскакивании, а также от ударов о луку седла нередко гнулись, ломались и притом задевали за различные предметы снаряжения. Относительно ножен, однако, было донесено, что «кожа на ножнах от частого слезания с лошадей, снятия и надевания на передки весьма скоро истирается и приходит в негодность, самые же ножны, не предохраняя сабель, ломаются, а сии последние сгибаются и надламываются, медные наконечники сваливаются, после дождей кожа не скоро просыхает»[71].

Несмотря на такие недостатки, оказавшиеся при испытании, тем не менее нижние чины кон-

ной артиллерии были вооружены драгунскими шашками (Приказ генерал-фельдцейхмейстера 14 января 1846 г.), но при этом «Государь Император приказал придумать средство, чтобы ножны не ломались при частом слезании прислуги с лошадей и от неизбежных ударов сабель о колеса и станины при снятии и надевании лафетов на передки».

Ввиду этого были испытаны различные предложения, заключавшиеся в особых чехлах, которыми хотели покрывать ножну, но, ввиду некоторых недостатков этих приспособлений, от них пришлось отказаться[72].

Драгунские шашки обр. 1842 г. были на вооружении конной артиллерии до 1881 года, когда конно-артиллеристам были даны новые шашки образца, Высочайше утвержденного в этом году.

Казаки

В начале прошлого столетия различные казачьи войска не имели определенного вооружения; оно отличалось у них большим разнообразием; большинство было вооружено, как легкая регулярная кавалерия (легкокавалерийские сабли), и, кроме того, имело казачью пику.

Казачья пика (фиг. 72). Об образце пики полных сведений не сохранилось, да их и не могло быть ввиду крайнего разнообразия в вооружении казаков. В истории Тульского завода Гамеля, издан. 1826 г., помещен рисунок казачьей пики (фиг. 72) начала прошлого столетия. Кроме того, у Гогеля в его «Наставлении об изготовлении и сбережении огнестрельному и белому оружию» приведены данные о копье казачьей пики: длина копья 9 —

дм. 4 лин., диаметр трубки копья 1 дм. 5 лн., вес копья — 65,5 зол. Пика не имела ни наконечника, ни помочей и состояла из древка с насаженным на нее копьем. Длина и диаметр древка, а следовательно, и вес, а также положение центра тяжести были неопределенны.

В 1839 году, в видах введения более однообразного вооружения казачьих войск, были утверждены чертежи новой казачьей шашки и казачьей пики.

Казачья шашка обр. 1839 г.[73] (фиг. 73). Клинок значительно искривленный с одной широкой долой, рукоять деревянная с желобками для возможности более твердого держания шашки в руке, эфес без дужки, головка эфеса составляла одно целое с задней планкой, покрывающей спинку рукояти, кроме того, рукоять была еще скреплена нижней оковкой. Ножна кожаная с верхним и нижним наконечниками и двумя широкими гайками с кольцами.

Длина клинка — 2 ф. 10 дм. 4 лн., ширина при рукоятке — 1 дм. 4 лн., в середине — 1 дм. 2,25 лн., в конце — 1 дм. 1 лн., толщина при рукоятке — 4 лн., при конце — 2 лн., стрелка дуги, изображающая выгиб клинка, — 2 дм. 1 лн., длина ножны — 2 ф. 11 дм., вес клинка с рукояткой — 2 фн. 58 зол., вес ножны с прибором — 92 зол.

Казачья пика обр. 1839 г. (фиг. 74) состояла из древка и копья, наконечника (подтока) не было, помочей также не было, копье состояло из четырехгранного лезвия с долами и конусообразной шейкой, соединенной с утолщением древка шурупами. Посередине древка имелась скоба для на-

ручного ремня; другой ремень прикреплялся к нижнему концу пики для надевания на ногу.

Длина лезвия — 5 дм. 5 лн., длина всего копья — 9 дм. 2,5 лн., длина древка — 10 ф. 4 дм. 5,5 лн., толщина древка — 1 дм. 4 лн., длина всей пики с древком и наконечником — 11 ф. 1 дм. 8 лн., вес копья — 54 зол., вес всей пики — 5 фн. 57 зол.[74].

В 1846 году были утверждены новые детальные чертежи казачьей шашки, по которым они и изготовлялись до введения шашек обр. 1881 г. Образец казачьей пики был изменен в 1901 году.

Хотя в 1839 году и был утвержден чертеж казачьей пики, но однако различные казачьи войска имели у себя на вооружении совершенно различные образцы этого оружия. В Донском войске большинство полков имело пику длиной около 4,5 арш. и более и диаметре древка около $1^7/_{16}$ дм. (фиг. 75). При такой неопределенности размеров вес пик был крайне разнообразен, копья были непрочные с тонкой шейкой — железные, часто сгибались и ломались при ударах и уколах в чучело. Скрепление с древком нередко расшатывалось при усыхании и разбухании дерева; многие пики вовсе не имели наконечника, налитого свинцом, что имело влияние на слишком малую длину боевой части пики, так как центр тяжести ее приближался вследствие этого к переднему концу: казачьи пики длиной 4,5 арш. нередко имели боевую часть всего в 2 арш. Между тем в пиках иностранных государств, а также в пике русской регулярной кавалерии все эти недостатки были давно уже устранены, и при сравнительно меньшей длине они имели значительно большую боевую часть.

О состоянии пик в казачьих частях дает некото-

рое представление следующий отзыв, данный в 1877 году Г. Скобелевым. «У Астраханской сотни, — писал он, — имеются пики, они никуда не годятся, древки кривые из хрупкого дерева, копья из мягкого железа, которыми не проткнешь полушубка или теплого халата...»[75].

В своем докладе о новом образце (1901 г.) пики Главное Управление казачьих войск высказало, что «вопрос об усовершенствовании пики исходит из того, что при настоящем состоянии в казачьих частях ружья и шашки предосудительно иметь такую пику, какая существует ныне. Ни древко, ни копье настоящей пики не удовлетворяют своему назначению и не дают верного представления о том традиционном казачьем оружии, являющем собой заметную страницу в нашей военной истории...».

Недостатки казачьей пики, делая ее оружием стеснительным в строю и ненадежным для боя, отразились и на самом взгляде казаков на пику. Строевые начальники казачьих частей неоднократно заявляли, что в таком виде, как изготовляется пика местными мастерами, она не может признаваться вполне надежным боевым оружием; они указывали, что все эти недостатки служат причиной потери веры в пику и что казаки видят в ней лишь одну обременительную принадлежность.

Ввиду этого, уже с 70-х годов прошлого столетия неоднократно поднимался вопрос о проектировании нового образца пики, но все эти попытки производились разными лицами в разное время, касались отдельных частей пики и не имели общего направления и системы. В 1888 году ген. Хрещатицким был предложен новый образец копья и на-

конечника, который был испытан сравнительно с копьем пики регулярной кавалерии — пробиванием железных листов и дюймовых сосновых досок. Ввиду благоприятных результатов испытания, образцы, предложенные г. Хрещатицким, были Высочайше утверждены 8 января 1891 г.[76], причем в следующем году было установлено производство металлических частей пики на Златоустовской оружейной фабрике.

Изготовленные на этой фабрике 500 пик были переданы в 1896 году на испытание в гвардейские казачьи части; туда же были переданы и древки, приготовленные из бамбука. Результаты эти подтвердили преимущество копья г. Хрещатицкого, но при этом указали на полную непригодность его наконечника вследствие излишней заостренности его конца, опасной в строю для нижних чинов 2-й шеренги. Бамбуковые древки также не были найдены вполне удовлетворяющими своему назначению, ввиду малого их сопротивления перерубу и трудности прикрепления копья и наконечника к тонким стенкам. Ввиду этого, в 1897 году по приказанию Военного Министра была образована особая комиссия из представителей Главных Управлений: Артиллерийского, Интендантского и Казачьих войск.

Комиссией этой и был выработан образец казачьей пики, который по испытании в полках 1-й казачьей дивизии и по Высочайшем его утверждении в 1901 г. вводится в настоящее время на вооружение казачьих войск.

Копье в этом образце было принято предложенное г. Л. Хрещатицким, которое, «как заключающее в себе свойства колющего и режущего ору-

жия, при ударе с наименьшем усилием проникало в предметы гораздо глубже и, расширяя рану, давало возможность выхватить пику без особого затруднения». Наконечник был принят одинаковый с пикой, бывшей на вооружении нашей регулярной кавалерии, обр. 1862 г., бушмат же был заменен ножником. Приливом свинца центр тяжести был отнесен от острия копья на 2 арш. 3 верш.

Пика обр. 1901 г. (фиг. 76) (Приказ по В. В. 1901 г. № 366 и 1903 г. № 274). Казачья пика состоит из следующих частей: 1) древка, 2) копья с нагнетательным кольцом, 3) наконечника с двумя кольцевыми антабками, 4) шурупов, 5) темляка с костыльком, 6) ножника и 7) балберки.

Древко сосновое, ясеневое или буковое, длиной без копья и наконечника 4 арш., сосновое — в $1^{17}/_{16}$ дм., буковое и ясеневое — в $1\ ^{15}/_{16}$ дм. в диаметре.

Копье состоит из лезвия с 2 долами, трубки и 3 помочей с отверстиями для трех длиною в 7/8 дм. железных шурупов, которыми копье прикрепляется к древку, и стального нагнетательного кольца. Вес копья с кольцом и шурупами — от 60 до 85 зл.

Наконечник железный, вороненый, состоит из конической трубки с двумя помочами неравной длины, с отверстиями для трех длиною в 7/8 дм. железных шурупов и двух кольцевых антабок. Вес наконечника с антабками и шурупами без доливки внутренней пустоты свинцом — от 1,25 до 1,25 фн. Две стальные вороненые кольцевые антабки для продевания в них концов ременного ножника прикрепляются каждая 3 шурупами к древку.

Темляк состоит из черного с лицевой стороны юфтового, шириной в 1 верш. ремня, образующе-

го петлю в отделке длиной от 8 до 10 верш., двух ременных гаек шириной в 1/4 верш. и костылька из березового сухого дерева цилиндрической формы с закругленными краями длиною в 1,25 верш., толщиною в 1/2 верш. Темляк прикрепляется к пике на высоте плеча всадника примерно на расстоянии 2 арш. 1 верш. от нижнего конца наконечника.

Ножник состоит из черненого сыромятного ремня шириной в 1/8 верш., прикрепляемого к кольцевым антабкам наконечника и образующего дугообразную петлю длиной в 8 верш.

Балберка из березового сухого дерева эллипсоидальной формы длиною в 1,25 верш., толщиною в 7/8 верш. привешивается к древку посредством плетеного ремешка черненой сыромятной кожи длиною в отделке 1,25 верш. на расстоянии от 1/4 до 1/2 верш. выше центра тяжести пики так, чтобы копье подвешенной за балберку пики находилось на аршин выше наконечника. Расстояние между балберкой и копьем пики (боевой ее конец) равняется 2 арш. 7 верш., а при доливке в наконечник одного фунта свинца увеличивается до 2 арш. 12 верш. Длина пики — 4 арш. 5 верш., вес ее без доливки наконечника — около 6 фн. Древко пики окрашивается масляной краской в гвардейских казачьих частях по цвету прикладного сукна, а в прочих частях — в черный цвет.

Относительно казачьего вооружения необходимо еще отметить об образцах шашки и кинжала Кавказского казачьего войска, Высочайше утвержденных в 1904 г.[77].

В действовавшем до настоящего времени описании формы обмундирования и снаряжения чинов Кубанского и Терского казачьих войск (При-

каз по В. В. 1871 г. № 380) относительно холодного оружия этих войск было высказано, что «кинжал должен быть азиатский с произвольною оправою, привешиваемый к поясу, а шашка азиатского образца с произвольною отделкою».

При таком неясном определении образца холодного оружия, не дававшем точного понятия ни об устройстве и размерах самой существенной части клинка, ручки его и способа скрепления последней с клинком, ни о форме ножен и их принадлежностей для носки этого оружия, являлось существенное неудобство, заключавшееся в том, что всякое оружие, принесенное на службу офицером или казаком, могло быть за неимением образца забраковано их начальством, вводя их тем в напрасные денежные затраты.

В видах устранения подобных неудобств, а также удешевления стоимости оружия в Кавказском казачьем войске было принято за правило заказывать за счет войсковых капиталов Кубанского и Терского казачьих войск шашечные и кинжальные клинки большими партиями на Златоустовском оружейном заводе для продажи их казакам; при этом для руководства при изготовлении клинков войсковой штаб каждого из этих войск высылал от себя этому заводу образцы шашки и кинжала, которые войско признавало наиболее целесообразными и для них желательными.

Такая мера хотя и освобождала казаков от напрасных трат на заведение клинков, тем не менее вовсе не решала вопроса об образце холодного оружия для Кавказских казачьих войск, остававшегося вполне произвольным за неимением Высочайше утвержденного образца.

Ввиду этого Военный Совет при рассмотрении в 1893 году вопроса об изготовлении ножен и ручек к шашкам и кинжалам неприкосновенного запаса для Кубанского войска признал необходимым выработать и утвердить установленным порядком один и тот же для обоих Кавказских казачьих войск образец шашки и кинжала и объявить в приказе по Военному Ведомству их чертежи и описание. При этом Военный Совет обратил внимание на Высочайше утвержденные образцы шашек системы 1881 года «не в виде обязательства принять именно их для Кавказских войск, а в виде ссылки на существующий уже для всех казачьих войск образец, построенный на основании научных данных, которым можно руководствоваться при выработке для Кавказских войск собственного образца шашки».

Несмотря на такие указания, Кавказским казачьим войском были выработаны образцы шашек, значительно отличавшиеся от системы 1881 г. как по кривизне клинка, так главным образом и по присадке рукояти. Рукоять представляла из себя продолжение верхней части клинка (без перелома), чем и доставлялась этому образцу большая способность к правильной рубке.

Шашка Кавказского казачьего войска обр. 1904 г. (фиг. 77). (Приказ по В. В. № 133 — 1904 г.).

Шашка состоит из следующих частей: *А* — клинка, *Б* — рукояти и *В* — ножен.

Клинок состоит из боевого, длиной около 1/4 аршина, конца, начинающегося от острия и продолжающегося до начала дол; средней части, имеющей по сторонам две пары дол, и хвоста для присадки к нему рукояти.

Клинок из литой стали — длина клинка (без хвоста) не менее 1 арш. 1 вер. — ширина соответственна длине и в центре удара не менее 3/4 вер., на хвосте три отверстия для заклепок, при помощи которых клинок скрепляется с рукоятью.

Рукоятка состоит из двух щечек, трех заклепок и шести металлических шайб. Щечки рукояти — из буйволового рога, цельные; передняя часть равна широкой части клинка, слегка срезана к хвосту; средняя часть плотно обжимает хвост и задняя образует сердцеобразную головку. Три заклепки из железной проволоки для скрепления рукояти с клинком пропускаются сквозь обе щечки роговой рукояти и хвост клинка; шесть шайб — отливные, мельхиоровые, вставляются в вышарошенные гнезда роговой щечки.

Ножны из двух половинок легкой породы дерева; внутри имеют гнездо для помещения клинка и рукояти вплоть до головки; снаружи обтягиваются в верхней части кожей, покрытой лаком; в нижней части, начиная от нижней гайки, — восчанкой (парусина, пропитанная воском и ярью).

Латунный набор из белого металла состоит из верхнего и нижнего наконечников и верхней и нижней гаек. Верхний и нижний наконечники прикрепляются двумя заклепками каждый, верхняя гайка с припаянной к ней скобой для верхнего пасового ремня портупеи прикрепляется непосредственно под верхней уширенной частью ножен двумя заклепками. Нижняя гайка с припаянной к ней скобой для продевания нижнего пасового ремня портупеи прикрепляется посередине ножен двумя заклепками.

Кинжал Кавказского казачьего войска обр. 1904 г.[78] *(фиг. 78) состоит из клинка, рукояти и ножен.*

Клинок состоит из боевого конца копьевидного очертания с обоюдоострыми краями, средней части обоюдоострой, имеющей с каждой стороны по две пары дол, начинающихся на расстоянии 1,25 вер. от верхнего конца и идущих вдоль всей средней части, и хвоста для присадки рукояти. Клинок из литой стали — длина клинка 7,75 вер.; на хвосте клинка имеются 3 отверстия для скрепления его с рукояткой.

Рукоятка состоит из двух щечек буйволового рога, мельхиорового наконечника овальной формы с язычком и выступающим ободком, закрывающим устье ножен; трех металлических пуговиц с чернью с припаянными посередине железными заклепками, проходящими об щечки рукояти, бляшки мельхиоровой круглой с концентрическим кружком и отверстием для железной заклепки, и трех мельхиоровых отливных шайб с отверстием для заклепок.

Ножны из двух половинок легкой породы дерева; внутри имеют гнездо для помещения клинка, а снаружи обтянуты кожей, покрытой лаком.

На ножнах прикрепляется латунный набор белого металла, состоящий из верхнего и нижнего наконечников. Верхний наконечник прикрепляется к верхней части ножен заклепкой, имеет припаянную скобу, конец которой образует кольцо для помещения ременной петли. Нижний наконечник прикрепляется к нижней части ножен заклепкой и оканчивается круглой пуговкой.

Пехота

В 1802 году была конфирмована новая табель пехотным полкам, согласно которой рядовым полагалась шпага с тесачным клинком.

Тесак обр. 1802 г. (фиг. 81). Клинок слегка искривленный — без дол, эфес медный, с дужкой, головка в виде шарика. Ножна кожаная, нечерненая, с двумя — верхним и нижним — наконечниками. Верхний наконечник с крючком для носки тесака.

Согласно той же табели фельдфебелям и унтерофицерам полагались алебарды, а офицерам — пехотные шпаги.

Различные виды алебард указаны на фиг. 82, 83 и 84. Они были различной длины, в большинстве же случаев около 3 аршин.

Пехотная офицерская шпага (фиг. 54). Клинок прямой с обухом на одну сторону и лезвием на другую — с одной широкой долой. Эфес медный, вызолоченный, симметричный, с двумя чашками и одной дужкой. Рукоять покрыта плетеной металлической проволокой. Ножна кожаная, с верхним и нижним медными вызолоченными наконечниками. Верхний наконечник с крючком для носки шпаги[79].

Вес всего оружия — 3 фн., вес клинка с эфесом — 2 $^1/_3$ фн., вес ножен — 1/2 фн., длина всего оружия — 3 ф. 7,7 д., длина клинка — 2 ф. 11 д., длина ножны — 3 ф. 0,7 д.

Алебарды постепенно были отняты с 1805 — 1810 гг. — сначала у унтер-офицеров, а затем и у фельдфебелей.

В 1807 году шпаги с тесачными клинками были заменены тесаками с большими чашками у эфеса, как у шпаг офицерских[80] (в этом и состояло главное отличие от обр. 1802 г.).

Тесак обр. 1807 г. — клинок слегка искривленный, без дол, рукоять медная, очень узкая, с продольными, несколько наклонными желобками. Головка эфеса медная в виде шарика. Дужка одна, соединяется внизу с двумя чашками по обе стороны рукояти. Ножна кожаная, нечерненая, с нижним и верхним медными наконечниками. Верхний наконечник с крючком для носки тесака[81].

Вес всего тесака — 2 3/4 фн., клинка — 2,5 фн., ножны — 1/4 фн., длина клинка с рукоятью — 1 ар. 3 дм., без рукояти — 24 дм.

9 октября 1814 г.[82] Государем Императором было повелено, чтобы эфесы и весь прочий прибор на тесаках для гвардейских полков был из красной меди, в армии же — из желтой. Это приказание сохраняется и до сих пор, хотя образцы тесаков с того времени менялись неоднократно.

В 1816 году было повелено чернить ножны как на тесаках, так и на офицерских шпагах[83].

Следующее изменение тесака было в 1817 году, т.е. в год общей перемены всех образцов холодного оружия.

Тесак обр. 1817 г. (фиг. 85). Клинок слегка искривленный, с одной долой, рукоять медная с поперечными желобками по поверхности для более твердого держания тесака в руке. Дужка одна, головка и составляющая с ней одно целое задняя планка, покрывающая спинку рукояти, медные. Ножна кожаная с нижним и верхним наконечни-

ком. Верхний наконечник имеет крючок[84]. Клинок — длина без рукояти 2 ф. 3 дм. 2,25 лн., с рукоятью — 2 ф. 8 дм. 7,25 лн., ширина близ эфеса — 1 дм. 4 лн., толщина — 3,5 лн., вес клинка — 1 фн. 14 зол., вес эфеса — 1 фн. 4 зол., ножны — 75 зол.[85].

В 1826 году был Высочайше утвержден новый образец офицерской пехотной сабли, которые офицеры должны были носить вместо шпаг[86].

Офицерская пехотная сабля обр. 1826 г. (фиг. 86). Клинок слегка искривленный, с одной широкой и другой узкой (около обуха) долами. Рукоять деревянная, покрытая кожей, обвита проволокой.

Эфес с одной большой дужкой и двумя маленькими искривленными, идущими от большой дужки к чашке эфеса. Головка, дужка и край чашки украшены резьбой.

Ножна кожаная, лакированная, с нижним и верхним медными вызолоченными наконечниками. Верхний наконечник имеет крючок.

Длина всего оружия — 3 ф. 2 дм., длина клинка с рукоятью — 3 ф. 1 дм. Вес всего оружия — 3 фн., вес клинка с эфесом — 2,5 фунта.

При утверждении новых чертежей всему холодному оружию, между прочим, был утвержден в 1839 г. и чертеж пехотному тесаку (фиг. 87). Длина всего тесака — 32 дм. 3 лн., ширина клинка при эфесе — 1 дм. 4 лн., в середине — 1 дм. 2,25 лн., в конце — 1 дм. 1/2 лн., длина клинка — 27 дм. 2,5 лн., толщина клинка при эфесе — 3 лн., в середине — 2,75 лн., в конце — 1,5 лн., длина ножен — 29 дм., вес клинка — 1 ф. 14 зол., вес клинка с эфе-

сом — 2 ф. 12,5 зол., вес ножен — 74,5 зол., вес всего оружия — 2 ф. 87 зол.[87].

В 1848 году был Высочайше утвержден тесак обоюдоострый для пехотных войск по образцу, уже введенному в артиллерию и саперные войска, но без пилы на обухе.

Тесак обр. 1848 г. (фиг. 88). Клинок обоюдоострый широкий без дол. Рукоять медная с поперечными желобками и перекрестьем. Ножна кожаная с медным наконечником: верхним с пуговицей для пристегивания тесака к поясу и нижним. Длина клинка с рукоятью — 35 дм., длина клинка — 19,08 дм., длина ножен — 19,65 дм., ширина при эфесе — 1,725 дм., в середине — 1,575 дм., в конце — 1,550 дм., вес клинка с эфесом — 2 фн. 58 зл., толщина клинка у эфеса — 3 лн., вес ножен — 52 зл[88].

В том же 1848 году (8 августа) офицерам кавказских войск вместо пехотных сабель были даны шашки азиатского образца — по образцу, принятому для Нижегородского драгунского полка (фиг. 89).

В 1863 году для офицеров пехоты пехотные сабли были заменены[89] офицерскими драгунскими шашками (см. выше), которые и были у них до 1881 года: в этом году последовала коренная перемена всего холодного как солдатского, так и офицерского оружия.

В 1880 году были отняты от нижних чинов тесаки обр. 1848 г.

Эта мера была принята ввиду следующих соображений.

По случаю приведения в 1879 году пехотных

полков в четырехбатальонный состав и сформирования новых резервных полков, а также для пополнения убыли, происшедшей в последнюю кампанию, Артиллерийскому Ведомству предстояла надобность изготовить вновь до 200 000 тесаков, что представляло единовременный расход в 900 000 рублей.

Предварительно заготовления этих тесаков Главное Артиллерийское Управление просило Комитет по устройству и образованию войск рассмотреть вопрос, насколько тесаки могут быть полезны как оружие, пригодное для боевого употребления, и не будет ли признано возможным вовсе изъять их из вооружения войск. Комитет со своей стороны высказался за совершенное изъятие тесаков ввиду бесполезности их как для хозяйственных надобностей, так и для боя, так как в первом случае тесаки с удобством заменялись увеличенным количеством малых топоров, а во втором — применением штыка.

Кроме сбережения для казны значительной единовременной затраты на изготовление вновь 200 000 тесаков и затем постоянных расходов на поддержание их в исправности, Комитет видел в этой мере еще и облегчение ноши на 3 фунта для тех нижних чинов, которым оружие это было присвоено.

Приказом по Военному Ведомству 1880 г. за № 70 было объявлено Высочайшее повеление, на основании которого тесаки были оставлены исключительно только в гвардейской пехоте на мирное время, с тем чтобы они носились лишь в тех случаях, когда нижние чины выходят без ружья.

Во всех же прочих войсках тесаки были отменены совершенно и оставлены лишь у музыкантов, барабанщиков как вне строя, так и в строю.

Штыки и клинковые тесаки, примыкаемые к ружьям

В течение прошлого столетия до 1870 года к нашим разного устройства и назначения ружьям (кроме стрелковых штуцеров обр. 1843 г.) — как кремневым, так и ударным, как заряжаемым с дула, так и с казны — были приняты трехгранные штыки, различавшиеся между собою лишь размерами.

Ввиду этого, из трехгранных штыков мы дадим описание одному образцу, чертеж которого был Высочайше утвержден в 1839 году (фиг. 90).

Штык изготовлялся из стали и состоял из лезвия, шейки и трубки. Лезвие трехгранное — одна грань, обращенная к стволу, плоская, другие же для облегчения штыка имели долы. Лезвие соединялось с трубкой посредством шейки почти под прямым углом, конец лезвия отклонялся от шейки — для того, чтобы не препятствовать заряжанию.

Штык надевался на ствол посредством трубки, которая имела коленчатую прорезь для прохода целика. Чтобы эта прорезь не могла ослабить трубки, нижнее ее колено не прорезывалось до конца, оставшаяся же часть трубки образовывала возвышение, называвшееся мульком. Посередине трубки помещалось кольцеобразное утолщение — венчик; на этот венчик опирался хомутик, подвижное кольцо, стягивавшееся винтом, — оно служило для

закрепления штыка на стволе винтовки. Для ограничения движения хомутика на нем делался вырез, край которого при повороте хомутика упирался в особую стойку на трубке.

Для прикрепления штыка к стволу винтовки штык своей прорезью надевался на целик — до упора целика в верхний край прорези, затем хомутик поворачивался и защемлял штык на стволе ружья вследствие трения, развивавшегося между целиком и хомутиком, а также хомутиком и венчиком. Для лучшего закрепления верхний обрез хомутика делался скошенным.

Длина штыка с трубкой — 21 дм., длина лезвия — 17 дм., длина трубки — 2 дм. 7 лн., ширина лезвия в корню — 1 дм. 5,5 лн., вес штыка — 82 зол., длина шейки — 1 дм. 4 ,5 лн.[90].

В 1870 году к нашей 4,2-лн. винтовке Бердана был принят четырехгранный штык.

Это изменение в устройстве наших штыков произошло при следующих обстоятельствах.

Очевидно, что трехгранные штыки имели преимущество перед четырехгранными в смысле удобства при заряжании с дула (плоская часть штыка была обращена к дулу), с переходом же к заряжанию с казны это преимущество утратило всякое значение, а между тем четырехгранные штыки при том же весе могли быть сделаны более прочными как в лезвии, так и в соединении с шейкой.

Трехгранные штыки существовали у нас к 6-лн. винтовкам, заряжаемым с казны, — систем Карле и Крынка, но винтовки эти были переделочные;

они переделывались из 6-лн. заряжающихся с дула обр. 1856 г. При проектировании же новых малокалиберных заряжающихся с казны винтовок Бердана в 1870 году и был принят четырехгранный штык.

Все первоначальное испытание этих винтовок, которое, как известно, велось в Америке, ген.-лейт. Горловым и кап. Гуниусом производилось стрельбой без штыка. Не имея по этому поводу никаких указаний, ген.-лейт. Горлов при проектировании винтовки руководствовался теми идеями, которые в то время, т.е. вскоре после американской войны, были распространены в Америке.

В то время, как и теперь, говорили, что штык утратил свое прежнее значение и что в рукопашном бою можно будет стрелять почти в упор, так как заряжание производится почти мгновенно.

Ввиду этого, по заявлению ген. Горлова[91], при производстве опытов над новой винтовкой они обращали на штык весьма мало внимания, полагая, что стрельба будет производиться без него, причем примыкание будет иметь место только в исключительных случаях — непосредственно перед атакой. Таким образом была проведена вся опытная стрельба, на основании которой и были назначены деления на прицеле.

Между тем, когда стрелковые 4,2-лн. винтовки обр. 1868 г. (1-го образца) прибыли в Россию, стрельба из них стала производиться со штыками, примкнутыми притом снизу для устранения боковых отклонений пуль. При этом оказалось, что штык отклонял пулю вверх и нанесенные высоты прицела не соответствовали расстоянию. Опыты

Комиссии при учебном батальоне показали, что при стрельбе на 200 шагов из винтовок обр. 1868 г. с примкнутым штыком пуля возвышалась над прицельной линией около 25 дм. Это объяснялось тогда тем, что «пороховые газы, выходя из дула ствола и стремясь расшириться, встречали вначале сильное сопротивление в плоскоте лезвия штыка, обращенной кверху, вследствие чего отражались от последней кверху же и действовали на боковую поверхность поступающей пули»[92]. Подтверждение этого обстоятельства Комиссия видела в результатах следующих произведенных ею опытов.

Лезвию штыка было придано такое положение, что он, оставаясь по-прежнему внизу дула, имел плоскоту, обращенную не вверх, а вниз, при этом превышение средней точки попадания получилось уже менее, а именно 16 дм.

Ввиду этих опытов, для уменьшения отклонений пули от влияния лезвия представилось необходимым дать граням штыка такое положение, чтобы пороховые газы при выходе из дула ударялись не в плоскую часть лезвия, а в ребро его[93].

Образец штыка, удовлетворяющий этому условию, и был изготовлен в Америке ген. Горловым и шт.-кап. Буняковским, причем лезвие для большей прочности было сделано четырехгранным.

Образец этого штыка был Высочайше утвержден в 1870 г.

Штык этот было решено примыкать с правой стороны дула, так как в этом положении штык отклонял пулю в сторону, противоположную деривации, и тем уменьшал это отклонение.

Четырехгранные штыки были приняты у нас к

4,2-лин. и 3-лин. винтовкам; мы опишем здесь штык, принятый к последней.

Штык 3-лин. винтовки (фиг. 91).

Штык имеет: а) лезвие — четырехгранное с долами для уменьшения веса;

б) шейку, соединяющую лезвие с трубкой;

в) трубку для примыкания штыка к стволу; на ней сделаны: 1) коленчатая прорезь для прохода мушки и ее основания при примыкании или снимании штыка, 2) стойка для ограничения поворота хомутика и 3) два венчика: верхний для удержания хомутика на трубке и нижний для придания трубке большей прочности.

Для присоединения штыка к стволу винтовки служит хомутик; он имеет: а) ушки с завинтованной и гладкой дырами для винта штыкового хомутика, стягивающего его ушки, б) мулек для прохода мушки и ее основания при надевании штыка, в) вырез, в котором ходит стойка трубки, ограничивающая повороты хомутика, и г) винт штыкового хомутика.

Для закрепления штыка на стволе винтовки надевают штык трубкой на ствол, чтобы мушка проходила в коленчатую прорезь до упора верхнего края прорези в верхний обрез основания мушки, затем поворачивают хомутик за ушки и, вследствие значительного трения, развивающегося при повороте между краями хомутика, а с другой стороны между венчиком и основанием мушки, — штык защемляется неподвижно.

Клинковые тесаки, которые теперь так распространены в иностранных армиях, у нас были приняты лишь к егерским ружьям (до 1810 года, так

как в этом году егерям были даны обыкновенные ружья) и к литтихским штуцерам обр. 1843 г.

Таким образом, клинковые штыки были приняты у нас только к нарезным ружьям самого примитивного устройства, заряжание которых производилось с дула.

Мешкотный способ заряжания этих ружей требовал укороченных стволов, а между тем уменьшать длину всего ружья со штыком представлялось невозможным. Граненые штыки приходилось делать слишком длинными и вместе с тем настолько тяжелыми, что стрельба из штуцеров с примкнутыми штыками представлялась затруднительной.

Ввиду этого, стрельба из этих ружей производилась без штыка; штык примыкался только в исключительных случаях и обыкновенно носился на поясе[94]. Но в таком случае признавалось более практичным заменить граненый штык штыком с клинковым лезвием, могущим служить не только как боевое рубящее оружие, но и для различных хозяйственных надобностей.

Тесак к литтихскому штуцеру обр. 1843 г.[95] *(фиг. 93).*

Клинок прямой, без дол, обоюдоострый, рукоять, покрытая по поверхности поперечными желобками, с перекрестьем и головкой из меди. В рукояти сделано продольное отверстие, которым тесак и надевается на особый крючок, припаянный сбоку ствола. Прикрепление помощью пружинки.

Длина тесака — 22,1 дм., вес тесака — 2 ф. 22 зол.

Саперные войска

Для саперных войск в 1803 году была конфирмована новая табель, по которой саперам был оставлен тесак, который состоял у них на вооружении в прошлое царствование[96].

Этот *тесак* (фиг. 94) имел широкий клинок с лезвием на одной стороне и с пилой, расположенной на обухе. Рукоять деревянная (без головки), перекрестье и нижняя оковка на рукояти — железные. Ножна деревянная, покрытая нечерненой кожей, имела верхний (с крючком) и нижний наконечники — также из железа.

С 1816 года нечерненую кожу на ножнах саперных тесаков приказано было чернить, как и вообще на ножнах других образцов холодного оружия[97].

В 1817 году был утвержден новый образец саперного тесака — тип оружия остался прежний, были изменены только размеры.

Саперный тесак обр. 1817 г.[98]*, длина клинка — 1 ф. 7 дм. 5 лн., длина клинка с рукояткой — 2 ф. 3 дм. 6 лн., ширина около ручки — 3 дм. 3 лин., ширина у последнего зуба — 2 дм. 2 лн., толщина близ эфеса — 3 лн., длина зубчатой нарезки — 1 ф. 2 дм. 8 лн., глубина нарезки зубьев — 2 лн., число зубьев — 49.*

Вес клинка с эфесом — 3 ф. 38 зол., вес ножны — 1 ф. 17 зол., всего оружия — 4 ф. 55 зол., длина рукояти — 6 дм. 5 лн., длина верхнего наконечника — 3 дм. 6 лн., нижнего — 4 дм. 1 лн., длина ножны — 1 ф. 9 д. 3 лн.

Следующий образец саперного тесака был ут-

вержден в 1824 году. Число зубьев было уменьшено до 23, вместо деревянных ручек, которые скоро портились, были приняты для гвардейских — медные, а для армейских — железные, такого же металла были приняты и наконечники.

Тип оружия остался без изменения[99].

В 1827 году последовало Высочайшее повеление, чтобы у армейских тесаков ручки и наконечники были бы вновь переделаны по Высочайше утвержденному образцу — из зеленой меди, у гвардейских же — из красной[100].

Следующее изменение произошло в 1834 году (фиг. 95).

Ввиду неудобств тесака обр. 1827 г., а именно малой его прочности, так как «саперные[101] ножи, имея часть клинка, входящую в костыль эфеса несоразмерно тонкую против прочих своих частей, — не могут быть надежны в рубке дров или фашинника и при усиленном действии неминуемо должны подвергаться частой ломке, а редкие и плоские нарезы пилы при весьма медленной пилке леса много затрудняют солдата в производстве работ».

Ввиду этого, генерал-фельдцейхмейстер Е. И. В. Великий Князь Михаил Павлович признал необходимым изменить образец тесака, что и было поручено Директору Сестрорецкого оружейного завода, причем для образца к нему был препровожден французский артиллерийский тесак[102].

По проектировании некоторого количества новых тесаков они были испытаны в Л.-Гв. Саперном батальоне, причем тесаки эти оказались «совершенно удобными для предмета своего назначения — как по прочности своей и легкости, так и

ловкости действовать оным одною пилою, могущею с удобностию и довольно скоро перепиливать всякого рода лес, а завостренная сторона его весьма удобна к рубке не только мелкого хвороста, но и довольно значительной толщины дерева, чешуйчатая же рукоятка много способствует к твердому удержанию тесака при производстве оным пилки или рубки»[103].

Проектированные тесаки были Высочайше утверждены, и в апреле 1834 года состоялось повеление о принятии их на вооружение всех саперных батальонов, причем в Л.-Гв. Саперном батальоне рукоять и прибор были приняты из красной меди, в армейских же — из желтой меди.

6 апреля того же года те же тесаки были приняты и для прислуги пешей артиллерии.

Тесак обр. 1834 г. Клинок прямой, без дол, обоюдоострый: одна сторона заострена по всей длине, другая же имела лезвие на расстоянии 1/3, остальная же часть была приспособлена для пилки дров (число зубцов 60). Рукоять с поперечными желобками, с головкой и перекрестьем приготовлялась из меди. Ножна деревянная, покрытая кожей, имела два наконечника: верхний с крючком и нижний.

Вся длина оружия[104] — 25 дм., длина клинка — 19 дм. 3 лн., ширина клинка при эфесе — 1 дм. 7 лн., посередине — 1 дм. 5,5 лн., в конце — 1 дм. 6,5 лн., толщина при эфесе — 3 лн., посередине — 1,25 лн., в конце — 2,5 лн., длина ножен — 20 дм. 5,5 лн., вес клинка — 1 ф. 23,5 зол., вес клинка с эфесом — 2 фн. 47,5 зол., ножен — 60,5 зол., всего оружия — 3 ф. 12 зол.

В 1839 и 1846 годах — при составлении черте-

жей всему холодному оружию — были составлены и новые чертежи саперному тесаку без всяких изменений от прежнего образца.

Впоследствии тесак обр. 1834 г. был заменен обоюдоострым пехотным тесаком обр. 1848 г., описание которого помещено выше в отделе о вооружении пехоты. Этот тесак был на вооружении до 1880 года, когда он был изъят одновременно, как и у пехотных войск, оставленный лишь у Л.-Гв. Саперного батальона, а также у музыкантов, горнистов и барабанщиков армейских батальонов.

Заканчивая отдел о вооружении саперных войск, необходимо отметить, что вооружение офицеров было одинаковое с пехотными частями; точно так же унтер-офицеры и фельдфебеля имели до 1810 года алебарды — устройства такого же, как и принятые в пехоте. Штыки к особым саперным ружьям, прежде состоявшим на вооружении, ничем особенно не отличались от принятых к другим родам войск.

Прислуга пешей артиллерии

Согласно табели, конфирмованной в 1802 году, прислуге пешей артиллерии полагался тесак устройства одинакового с принятым в пехоте (см. выше).

В 1807 году этот тесак был заменен тесаком с таким же клинком, но с двумя чашками у эфеса, как в пехоте[105]; в 1817 году был принят новый образец тесака, как в пехоте (см. выше)[106].

В 1834 году последний тесак был заменен принятым в том же году для саперных войск с пилой на обухе (см. выше)[107]; в 1839 и 1846 годах были объявлены чертежи этого тесака.

В 1855 году тесак с пилой обр. 1834 г. был заменен обоюдоострым тесаком обр. 1848 г. (см. выше).

В 1857 году уносным фейерверкерам и штаб-трубачам пешей артиллерии были даны драгунские сабли обр. 1850 г., в октябре того же года мера эта была распространена и на фельдфебелей.

В 1868 году всем нижним чинам полевой артиллерии были даны укороченные драгунские шашки, которые и состояли на вооружении до замены их системой 81-го г. (фиг. 96).

Перевооружение 68-го года было возбуждено Специальным Комитетом по устройству и образованию войск.

Ввиду того что в настоящее время вновь поднят вопрос о замене шашек тесаками, нам кажется необходимым несколько подробнее остановиться на этом перевооружении.

Ввиду возбудившегося в Комитете вопроса о неудобствах и бесполезности присвоенных прислуге пешей артиллерии тесаков, было признано необходимым испытать два образца шашек — одну драгунскую Высочайше утвержденного образца и другую несколько укороченную[108].

Испытания в малых размерах, произведенные в гвардейской пешей артиллерии и Гвардейской фехтовально-вольтижерской команде, указали на преимущество последнего образца; однако предварительно принятия его на вооружение прислуги пешей артиллерии Председатель Комитета приказал запросить по этому предмету мнения начальст-

вующих лиц полевой артиллерии, выслав для этой цели в различные артиллерийские бригады некоторое количество шашек вновь предложенного образца (по 20 шашек в каждый военный округ).

Ввиду того что большинство военных округов категорически высказались[109] за отмену тесаков, укороченные драгунские шашки были введены приказом по Военному Ведомству 1868 года за № 23 от 24 января.

В восьмидесятых годах эта шашка была заменена проектированной г.-л. Горловым (в 1885 году), разработанной по системе 1881 года.

Глава III

Холодное оружие системы 1881 года

...Кривизна клинков шашек обр. 81 г. сделана в точности подобною кривизне клинков, известных под названием волчков, имеющих на Востоке, в Малой Азии, между кавказскими народами и нашими тамошними казаками высокую известность как оружие, оказывающее необыкновенные достоинства при рубке...

...Новые клинки от особого распределения металла дают при взятии шашки в руку ощущение, называемое отвесом, происходящее от сосредоточения металла клинка из средней части больше к концу — качество весьма ценимое боевой кавалерией...

(Приказ по В. В: 1881 г., № 22.)

есмотря на многие преобразования, которые производились над холодным оружием нашей кавалерии в течение прошлого столетия и которые изложены в предыдущем историческом очерке, необходимо отметить, что основная система оружия почти совершенно не изменялась. Ко-

ренная реформа была произведена лишь в 1881 году.

Необходимость изменения образцов холодного оружия сознавалась уже издавна; вскоре после Крымской кампании в периодической военной печати появились различные указания на недостатки наших палашей и сабель.

Крайне значительный их вес, неудобство рукоятей, неправильное положение центра тяжести — все это, вместе взятое, указывало на желательность улучшения и нашего холодного оружия, подобно тому, как это производилось в ручном огнестрельном.

6-линейные заряжающиеся с дула стрелковые, пехотные и казачьи винтовки обр. 1856 г., заряжание с казны — системы Карле и Крынка, уменьшение калибра — 4,2-лин. винтовки системы Бердана № 2 — наглядно указывают на ту деятельность, которая была предпринята в этом направлении в период непосредственно после Восточной войны.

Толчок в деле коренной реформы нашего холодного оружия был дан особой запиской генерал-адъютанта Плаутина, препровожденной на заключение Артиллерийского Комитета в 1859 году[110].

Ввиду важности тех взглядов, которые приведены в этой записке, а также и того обстоятельства, что основания, изложенные в ней, не потеряли своего значения и в настоящее время, нам кажется необходимым подробнее ознакомиться с положениями, в ней высказанными.

«Как бы кавалерия наша ни была хорошо обучена фехтованию, — говорит г.-а. Плаутин, — и какие бы мы ни сочиняли для это правила, во всяком

случае, нам тогда только можно будет ожидать какого-нибудь действительно важного результата от введения в войсках наших фехтования, когда оружие, которым она вооружена, будет хотя несколько соответствовать требованиям того искусства, которое научает владеть им. Оба вопроса — как о системе преподавания в войсках, так и вооружения их — должны идти рука об руку; лучший боец, вооруженный таким оружием, которое парализует все его движения, так же мало опасен для неприятеля, как и самый неуклюжий рекрут, вооруженный лучшей испанской шпагой».

Г.-а. Плаутин указывал, что со времени введения в войсках нарезных ружей новых улучшенных систем вопрос о вооружении войск холодным оружием был совершенно упущен из виду; между тем, если для пехоты штык и утратил несколько то значение, которое ему придавал некогда Суворов, то вооружение кавалерии холодным оружием, по мнению г.-а. Плаутина, все-таки осталось для нее вопросом первой важности.

В нашем холодном оружии автор записки находил следующие недостатки.

1) «Как сабли, так в особенности палаши, — говорил он, — до того *тяжелы*, что владеть ими могут только люди, одаренные необыкновенной силою, все остальные могут употреблять их с успехом только для рубки на смотру, когда перед ними нет действительного противника или на церемониальном марше. Противопоставить человека, вооруженного нашим палашом или нашей саблей, другому, столь же хорошо фехтующему, но вооруженному оружием такого веса, который бы не

препятствовал ему владеть им совершенно свободно, все равно что присудить его к смертной казни, все удары его будут отбиты, а его отбивы никогда ему не удадутся».

Наш палаш без ножен по положению должен был весить 3 ф. 11 з., сабля 2 ф. 78 з., а между тем в действительности наше оружие весило еще более — были палаши в 4,5 фн.

2) Следующий важный недостаток, который отмечал г.-а. Плаутин, — это слишком значительное отдаление центра тяжести клинка, которое до невероятности затрудняло владение оружием (в наших палашах центр тяжести находился в 6 — 7 дм. от эфеса).

«Все это, может быть, покажется несколько преувеличенным, — говорит г.-а. Плаутин, — может быть, нам скажут, что мы и с дурным нашим оружием часто били наших врагов и т.п., но против этого можно указать, во-первых, на то, что и враги наши были вооружены небезукоризненно хорошо (только с недавнего времени стали они обращать строгое внимание на вооружение своей кавалерии), а во-вторых, и в особенности потому, что успех кавалерийского боя зависит не от одного только вооружения войска, но от тысячи других более или менее важных условий...»

«Для того чтобы убедиться в истине наших слов, — говорит Плаутин, — стоит только посмотреть, с каким трудом и как неправильно и неловко производится нашими солдатами (даже и самыми рослыми и сильными) простая шереножная рубка. Нет никакого сомнения в том, что последний кантонист, вооруженный хорошим оружием, будет для них в бою опасным противником».

3) Все сказанное им о весе оружия г. Плаутин относит и к его размерам: по его мнению, для того, чтобы можно было ловко владеть оружием, необходимо не только, чтобы вес его вполне соответствовал силам бойца, но чтобы и размеры оружия были в зависимости от его роста.

Автор записки указывал на это обстоятельство как на весьма важный недостаток нашего вооружения. «У нас, — говорит он, — все оружие одного образца — поэтому 4-вершковый, иногда довольно слабый армейский кирасир, — должен биться тем же самым палашом, которым вооружен и 12-вершковый конногвардеец; очевидно, если бы даже 12-вершковому человеку палаш приходится совершенно по силам и по росту, то, во всяком случае, он не будет годиться для 4-вершкового, что же сказать про такое оружие, которое (как наше) не весьма бывает подстать и 12-вершковому? Очевидно, нам необходимо иметь оружие нескольких размеров».

4) Форму наших палашных клинков г. Плаутин считает неправильной; по его мнению: а) клинок должен быть овальный (в разрезе), так как такой клинок соединяет наибольшую прочность с наименьшим весом, б) притом он должен быть обоюдоострый к концу; в) длина клинка для человека средней силы и среднего роста (2 арш. 6 верш.) должна быть около 33 дм., а вес его вместе с эфесом не должен превосходить 2,5 фн.; г) центр тяжести должен быть расположен в 2,5 дм. от эфеса. Такое оружие, по мнению Плаутина, удовлетворяло бы всем требованиям искусства и было бы несравненно опаснее для неприятеля тех тяжелых и неуклюжих палашей, которыми были вооружены

наши кирасиры. «Удар, а тем более укол такого палаша, — высказывает он в своей записке, — был бы совершенно достаточен для того, чтобы наповал убить человека. Правда, сила удара зависит от тяжести ударяющего тела, но она зависит также и от быстроты, с какой оно движется, а поэтому, если сила удара уменьшится от уменьшения веса оружия, то она увеличится от увеличения быстроты его движения».

Далее автор записки переходит к эфесам. Так как эфесы должны защищать кисть руки от ударов противника, а удары могут быть наносимы по руке с двух сторон, то необходимо, чтобы и эфесы были двухсторонние. Но, кроме этого, г. Плаутин указывал и на другое важное преимущество двухстороннего эфеса перед односторонним: обыкновенный односторонний эфес оказывает плохое влияние на ход клинка, он сообщает ему стремление повернуться острием в сторону, тогда как в двойном эфесе такого неудобства нет ввиду симметрии оружия. Замена двойных эфесов эфесами с дужкой, по его мнению, не достигла бы вполне предполагаемой цели.

Далее г. Плаутин находит, что эфесы наши не всегда довольно просторны, они иногда мешают свободному движению руки, что выгиб металлических дужек недовольно велик, рука плохо закрыта ими даже с правой стороны. Рукоятку эфеса г. Плаутин находил слишком круглой, от чего при нанесении удара палаш часто повертывается острием книзу и удары наносятся плашмя. По его мнению, рукоятку необходимо делать площе и располагать ее так, чтобы спинка ее и обух составляли маленький угол (это усиливает удар и облег-

чает действие палашом); спинка же рукояти должна быть плоская к эфесу, а не круглая, как в наших палашах, причем внутренняя сторона (брюшко) ее должна иметь маленькое утолщение к середине.

Переходя к ножнам, г.-а. Плаутин указывал на следующие их недостатки: 1) деревянные пластинки, назначенные для того, чтобы отделять клинок от стенок ножен, на самом деле никогда не выполняют своего назначения. Пластинок в большей части палашей или совсем нет, или они совершенно не препятствуют свободному движению, а вместе с тем и порче клинка; при этом даже и в тех немногих ножнах, в которых пластинки еще целы и на месте, обух и лезвие постоянно трутся о железо ножен, так как пластинки эти находятся только с боков клинка (со стороны дол), а не облегают клинка со всех сторон. От этого трения клинок постоянно портится и, что самое главное, скоро тупится.

Г. Плаутин указывал, что при таком устройстве ножен в военное время пришлось бы оттачивать оружие после каждого передвижения, «потому что оружие должно быть непременно остро, иначе оно не достигает своей цели и превращается в палку, очень неудобную и притом очень дорогую».

2) Металлические ножны очень легко гнутся, что также очень вредно для клинка.

3) Они тяжелее деревянных, так, например, металлические ножны легкокавалерийской сабли весят 2 фн. 15,5 зол., деревянные же ножны казачьих шашек, которые не короче кавалерийской сабли, весят всего 94 зол.

4) Металлические ножны производят при малейшем движении шум.

Г. Плаутин указывал, что вопрос о преимуществах деревянных ножен перед металлическими давно уже решен в пользу первых, — «всюду, где обращали и обращают внимание на доброту клинка и остроту его — употребляли и поныне употребляются ножны деревянные, а не металлические».

В заключение своей записки автор переходит к рассмотрению весьма важного вопроса о преимуществах палаша перед саблей, являясь здесь убежденным сторонником введения в нашей армии колющего оружия.

«Для достижения одной и той же цели, — говорит он, — и притом одинаковым путем мы употребляем два различных средства. У нас есть и палаши, и сабли, действовать ими мы должны одинаково, и цель наша в обоих случаях одна и та же — убить противника; зачем же употреблять для этого два различных средства? Очевидно, или цель легче достигается, действуя саблей, и тогда палаш вреден и его следует уничтожить, или, напротив, удобнее действовать палашом, и тогда сабля должна уступить ему место. Причина тому, что у нас находятся в употреблении оба эти оружия, несмотря на то что одно из них, очевидно, должно быть хуже другого, чисто историческая. От средневековых рыцарей к нам перешли прямые палаши (видоизменение мечей), и народы восточные передали нам кривые сабли».

Г.-а. Плаутин высказывает, что по мере развития правильных понятий о фехтовании недостатки обеих систем начали мало-помалу исправляться — обе системы стали более и более походить друг на друга, палаши делали легче, а сабли прямее.

По мнению г. Плаутина, со временем с распро-

странением более правильных понятий о фехтовании одно оружие будет совершенно вытеснено другим, и нет никакого сомнения, что кривое оружие будет заменено прямым.

Как, например, он указывал, что в Англии у кавалерии введено оружие, среднее между саблей и палашом, но, по мнению г. Плаутина, «эта полумера — уступка необходимой очевидности — все еще недостаточна — сабля должна совершенно уступить место палашу».

Как на преимущество палаша он указывал, что палашом несравненно удобнее колоть, нежели саблей; укол палаша несравненно сильнее укола сабельного и, что еще несравненно важнее, направить его можно с гораздо большей верностью, нежели укол сабельный.

«Укол, — говорит г. Плаутин, — есть основание всякого фехтования; это — аксиома, которую не оспаривает ни один специалист по части фехтования и которая даже перешла в большей или меньшей полноте в некоторые уставы».

Таковы были выводы и положения, высказанные в записке генерала Плаутина.

Его записка была передана на рассмотрение Артиллерийского Отделения Военно-Ученого Комитета, которое в журнале за № 84 — 59 г. признало «вопрос об улучшении устройства холодного оружия весьма важным, а мнения о вооружении нашей кавалерии холодным оружием — заслуживающими самого полного внимания»[111].

Комитет высказал, что заключения ген. Плаутина «не должны остаться без последствий относительно улучшения у нас холодного оружия».

На основании постановления Комитета осо-

бой — образованной у нас около этого времени «Комиссии экспертов для утверждения образцов фехтовального оружия» — было поручено проектировать и все образцы холодного боевого оружия сообразно взглядам, высказанным в записке ген. Плаутина. Дело по проектированию новых образцов, однако, затянулось.

Несколько лет спустя старший учитель фехтования гвардейской кавалерии ротмистр Соколов вновь вошел с представлением о необходимости улучшить наше холодное оружие[112].

«Изготовляемое Златоустовской оружейной фабрикой, — писал он в 67-м году, — холодное боевое и фехтовальное оружие оказывается не вполне согласным с требованиями фехтовального искусства. Этому оружию не давалось до сего времени ни правильной длины, ни определенного центра тяжести, ни деления самого клинка на части и вообще не соблюдалось тех условий, какие наукою фехтования требуются от боевого холодного оружия — именно, не было ни должной гибкости клинка, ни фигуры плоских сторон; острие находилось только на одной стороне, другая же была тупая; эфес и ручка делались неправильно и не имели правильного центра тяжести в отношении эфеса к клинку; не было, наконец, вспомогательной скобки, которая служит для облегчения руки во время боя...»

Ротмистром Соколовым были проектированы новые образцы легкокавалерийской сабли, кирасирского и пехотного палаша — каждый образец 3 размеров — сообразно различному росту и сложению нижних чинов; им же было проектировано и новое фехтовальное оружие.

Но и труды Соколова также остались без желательных последствий.

В декабре 67-го года Оружейное Отделение Главного Артиллерийского Управления уведомило Канцелярию Технического Комитета, что, «ввиду большого количества холодного оружия, имеющегося в запасе, и огромных затрат, которые предстоит ёще сделать на снабжение нашей армии скорострельными винтовками, холодное оружие усовершенствованных образцов выгодно вводить, только постепенно».

По представлении новых образцов на Высочайшее утверждение «Государь Император не изволил признать нужным вводить существующий образец, на введение же фехтовального оружия последовало Высочайшее соизволение»[113].

Чертежи и описание фехтовального оружия были объявлены в Приказе по Военному Ведомству 68-го г. № 120.

Следующий толчок в дальнейшем развитии вопросов, связанных с переменой нашего холодного оружия, дала Франко-Прусская война 1870 г.

Эта война обнаружила некоторые серьезные недостатки бывших тогда на вооружении образцов холодного оружия[114].

Оказалось, что в различных рукопашных стычках французской кавалерии с германской первая наносила своим противникам огромный вред тем, что колола, тогда как противники рубили. Потери германской кавалерии при этом были так тяжелы, что во время самой войны был отдан приказ, чтобы командиры полков приучали и даже принуждали своих солдат как можно более колоть, отдаляя рубку на второй план.

Явление это не осталось также незамеченным и в Англии, где из сопоставления причин поражения германской кавалерии в 1870 году стало укореняться убеждение о необходимости изменить образцы холодного оружия, сделав в них главным образом изменения, необходимые для улучшения действия колки.

Состоявший в то время при нашем посольстве в Лондоне Свиты Его Императорского Величества ген.-майор Горлов[115], ознакомившись с употреблявшимися в Англии образцами холодного оружия, в мае месяце 1874 года подал записку, в которой указывал, что наши образцы этого оружия требуют существенных улучшений для того, чтобы удовлетворить современным требованиям.

Из трех боевых употреблений сабли: рубки, уколов и парирования, по заявлению ген. Горлова, уколы признаются в Англии и Франции главнейшим, т.е. самым опасным для неприятеля, способом действия; почти совершенно прямая форма сабель в легкой кавалерии названных государств, имевшая лишь незначительную кривизну, указывала, что действие уколом было официально признано самым важным и поставлено на первый план.

Ген. Горлов находил, что улучшение нашего холодного оружия должно было состоять в следующем: 1) в принятии одного рода и образца сабель для всей нашей кавалерии, исключая кирасир, 2) в уменьшении кривизны клинка, 3) в уменьшении формы сечения клинка, 4) в обозначении на клинке центра удара и 5) улучшении рукояти.

Соображения ген.-майора Горлова о необходимости изменения существовавших у нас образцов

солдатского и офицерского оружия по приказанию Военного Министра были переданы на заключение Генерала-Инспектора Кавалерии Великого Князя Николая Николаевича, причем Его Высочество признал их заслуживающими полного внимания.

Ввиду этого, ген. Горлову поручено было приготовить в Англии по 3 экземпляра новых образцов, устроенных на предложенных им основаниях.

В августе 1875 года ген. Горлов прибыл в Петербург и лично представил Государю Императору одну серию проектированного им оружия; при этом Его Императорское Величество, сделав некоторые замечания относительно предложенных образцов, приказал передать их на испытание в учебный кавалерийский эскадрон, а офицерскую пехотную саблю — в учебный пехотный батальон.

При испытании нового оружия в учебном кавалерийском эскадроне рубкой и колкой как чучел, так и предметов различной твердости полное преимущество оказалось на стороне новых шашек; при этом лишь одна их особенность представляла некоторые неудобства — это эфесы: вполне удовлетворительно выполняя цель, для которой они были предназначены, т. е. защищая руку и уравновешивая саблю, они были несколько обременительны для ежедневной носки.

Ввиду этого, начальник учебного кавалерийского эскадрона, признав новые образцы пригодными к принятию в войсках, предложил, чтобы офицерам было разрешено носить форменное оружие только в строю, а вне строя носить по примеру кирасир шпаги[116].

События 77 — 78 гг. замедлили у нас дальней-

ший ход этого дела, а между тем во Франции около этого времени был принят новый образец сабель чрезвычайно распрямленный с приспособленным для колки концом; точно так же и в Англии в декабре 77-го года был введен для кавалерии образец чрезвычайно распрямленной сабли, во всем сходный с образцом, изготовленным под наблюдением генерал-лейтенанта Горлова в 1874 году на одном из английских заводов.

Эти улучшения в вооружении в западных государствах вновь выдвинули дело перевооружения нашей кавалерии.

Ген. Горлов был вытребован в Петербург и в заседании, бывшем 26 января 80-го года в особой Комиссии, учрежденной при Главном Комитете по устройству и образованию войск, им были представлены образцы кавалерийских сабель, изготовленных по его указаниям в Англии.

Комиссия, выслушав как доклад ген.-лейт. Горлова, так и результаты сравнительных испытаний, произведенных в учебном кавалерийском эскадроне над новыми образцами, а также имевшимися в то время в войсках, прежде всего рассмотрела вопрос о том, какое оружие всего более соответствовало бы потребностям и духу нашей кавалерии: колющее, рубящее или колющее и рубящее вместе.

При этом Комиссия пришла к заключению, что последний род оружия, т.е. рубящий и вместе с тем колющий, мог бы представить наибольшие выгоды для нашей кавалерии.

Предложенные ген. Горловым образцы драгунской и казачьей шашки и имели конструкцию, делавшую их в одинаковой степени пригодными как

для укола, так и для рубки, причем, однако, образец казачьей шашки, вследствие несколько большего изгиба конца лезвия, был более приспособлен для рубки сравнительно с драгунской саблей.

В заседании 26 января особое внимание комиссии обратила на себя имеющаяся на сабле гарда эфеса, которая по своему объему представляла некоторые неудобства для носки как в пешем, так и в конном строю. Ввиду этого, особая кавалерийская комиссия решила просить ген. Горлова, не найдет ли он возможным проектировать два новых образца, один для легкой кавалерии, а другой для казаков, причем, сохранив в них все основные начала, введенные им в холодное оружие, сделать эфесы, в которых были бы исполнены: в легкокавалерийском — уменьшение размеров, а в казачьем — приспособление для некоторой защиты руки; для последней цели комиссией было выражено желание приспособить к рукоятке казачьей шашки крестовину восточного образца.

Однако ген. Горлов нашел это затруднительным, так как крестовина, как бы устроена она ни была, при слезании и влезании на лошадь может легко зацепиться за седло и ремни. Ген. Горлов высказал, что рукоять казачьей шашки имеет несомненные достоинства и казаки к ней привыкли; ввиду этого, он полагал оставить ее без изменения и только придать ей форму четырехгранную с тупыми ребрами — в видах большей устойчивости при обхвате рукой — и снять с заднего ребра рукояти оковку, которая, не прибавляя прочности, только увеличивает вес шашки и холодит руку на морозе.

Новые образцы были представлены ген. Горло-

вым в заседании 12 марта, причем Комиссия согласилась с предложениями генерала Горлова о рукояти казачьей шашки: Комиссия нашла лишь желательным изменить скрепление рукояти с клинком, а именно скрепить их наглухо посредством заклепок, а не винтами, как то было сделано в представленном образце; скрепление заклепками, по мнению Комиссии, должно было быть надежнее и дешевле.

При рассмотрении кавалерийской сабли комиссия нашла, что размеры гарды оставлены почти без изменения сравнительно с первоначальным образцом. Г. Горлов заявил, что это сделано им потому, что при дальнейшем уменьшении гарды она не защитит руку от уколов и не будет иметь практического значения. По его мнению, лучше было бы вовсе отказаться от гарды и сохранить одну только дужку наподобие драгунской, которая достаточно защищает руку от сабельных ударов, легка и удобна в носке.

Ввиду этого, Комиссия решила вовсе отказаться от гарды и принять согласно с заявлением г. Горлова существующую на наших драгунских саблях дужку.

В том же заседании г. Горлов обратил внимание Комиссии, что представленные им образцы клинков казачьего и кавалерийского весьма сходны между собою и что относительно способности колоть и рубить они не представляют почти никакой разницы; при этом он заявил, что он не видит причины, почему бы одобренный Комиссией казачий образец не принять и для регулярной кавалерии; эфес, по форме рукояти и весу своему близко подходящий к казачьему, не может нарушить механи-

ческих оснований казачьей шашки, изготовление же на заводах клинков одного только образца для всех наших частей (кроме кирасир) упростит и удешевит производство.

Особая кавалерийская Комиссия, одобрив высказанные г. Горловым соображения, единогласно постановила принять как для регулярной кавалерии, так и для казаков один и тот же клинок, который в заседании 12 марта был представлен для казачьей шашки. Кроме того, Комиссия рассмотрела представленный г. Горловым кирасирский палаш; он оказался более легким и удобным для нанесения уколов, чем ранее существовавший. Комиссия одобрила новый образец с тем, чтобы несколько была уменьшена гарда по образцу, сделанному прежде для легкой кавалерии.

8 апреля 1881 года последовало Высочайшее утверждение вновь проектированных образцов, однако введение в нашу армию нового холодного оружия затянулось еще на несколько лет вследствие различных затруднений, возникших при установлении валового изготовления оружия на Златоустовской оружейной фабрике.

Для скорейшего окончания перевооружения общее руководство и наблюдение за ним было поручено г. Горлову, который уже в апреле 1881 г. писал товарищу генерал-фельдцейхмейстера, что «в этом деле имеются не только некоторые недоразумения, но и гораздо большие трудности, во многих его частях оно, к сожалению, пришло к значительному замешательству, отчего выходит, что произведенные работы нисколько не продвинули его вперед: приходится все эти работы остановить, ту часть их, которая допускает исправле-

ние, переделать, но многие другие работы, недозволяющие исправления, должны быть вовсе отброшены и на место их начаты другие заново»[117].

Возникли также различные пререкания с Златоустовской оружейной фабрикой при установлении допусков при изготовлении клинков.

Директор фабрики доносил, между прочим, Горному Департаменту следующее:

«По проекту г. Горлова[118] предложено, что для установления предела груза надо выбрать из числа отличных известных в свете своей твердостью, т.е. не гибкостью, златоустовских клинков — самые твердые. Из твердых в свете самый твердый клинок составляет явление исключительное, и потому едва ли возможно требовать от завода подобных изделий при валовом производстве. По существу дела, образцом для определения предела пробы следовало бы выбрать клинок по достоинству из средних.

При назначении допусков ± точка и ± золотник оставлено без внимания, что при таких условиях годный клинок по размерам может быть забракован по весу. Так, например, если взять идеальный по размерам кавалерийский клинок, имеющий поверхность около 38 кв. дм., и сточить на 1/2 точки, т. е. всего 0,19 куб. дм., то при удельном весе стали 7,8 вес одного кубического дюйма будет 29,95 зл., а снятый слой — 5,69 зл.; если же последний довести до одной точки, то вес клинка уменьшится на 11,38 — следовательно, несмотря на точность в размерах, окажется неудовлетворяющим инструкции». Вообще при установлении валового производства клинков вопрос о допусках в весе был предметом долгих недоразумений.

При проектировании шашки обр. 1881 г. и при первоначальном изготовлении некоторого их количества в Инструментальном Отделе Петербургского патронного завода веса клинков изменялись от 1 фн. 49 зл. до 1 фн. 67 зл., вес эфесов составлял около 72 зл. (казачьих 49 зл.), а вес ножен был немного более одного фунта. Впоследствии при изготовлении этого оружия на Златоустовской фабрике, вследствие более грубого валового производства, веса всех частей шашки возросли. Вследствие разнообразия в качестве клинковой стали и необходимости удовлетворения условиям пробы, завод постоянно требовал увеличения размеров частей, получив же увеличенные допуски, держался высших пределов. По всем этим причинам вес шашек возрос следующим образом: наивысший вес клинка дошел до 1 фн. 79 зл., вес эфеса дошел почти до фунта, вес ножны — до 1 ф. 45 зл., а вес полной шашки до 4 ф. и более, т е. возрос почти на 3/4 фунта.

«Такое увеличение веса, — писал г. Горлов по этому поводу, — для холодного оружия, находящегося всегда на солдате и на лошади, составляет весьма ощутительную для них прибавку груза. Прусские военные писатели осуждают нашу кавалерию, говоря, что она есть не что иное, как плохая пехота, сидящая на тяжело навьюченных лошадях. Нет сомнения, что каждый золотник веса, который можно снять с солдата и лошади, составляет в нашей кавалерии действительный выигрыш, а снятие 3/4 фунта есть выигрыш значительный.

Кроме того, говоря собственно об оружии, т.е. о шашке без ножны, облегчение веса имеет то значение, что более легкой сабле человек определен-

ной силы может придать более скорый размах; с этим вместе сила удара возрастает в гораздо большей степени, так как известно, что сила удара пропорциональна не первой степени, а квадрату скорости...»[119].

Все эти соображения постоянно заставляли заботиться о возможном уменьшении веса изготовляемых в Златоусте шашек.

Старшему артиллерийскому приемщику полковнику Лоди было дано предписание употребить все усилия для того, чтобы вес клинков был бы менее 1 ф. 69 зл., средний вес эфеса составлял бы около 70 зл. для драгунской и 50 зл. для казачьей, а вес ножен не превосходил бы 1 ф. 20 зл. и вообще держался бы около 1 ф.

Благодаря усилиям полковника Лоди, а также содействию, оказанному заводом, предложенная заводу цель была достигнута в конце 1885 года. В ноябре этого года г. Горлов писал в Главное Артиллерийское Управление, что «только теперь он считает себя достигнувшим в точности той цели, которую он себе ставил при проектировании нового холодного оружия 1881 г., и признает действительными представителями этой системы только те солдатские шашки, которые ныне изготовляются Златоустом, т.е. с конца 1885 г...»[120].

Для того чтобы по возможности облегчить заводу изготовление легких клинков, было признано необходимым сделать весьма небольшое облегчение при пробе клинков гибом. Было постановлено, что клинки весом менее 1 ф. 58 з., если они не выдержат груза в 50 ф., т.е. получат при этом остающийся прогиб, могут быть по исправлении испытаны грузом в 48 фн. и должны быть приняты, если

при этой пробе дадут удовлетворительные результаты.

Много затруднений при изготовлении шашек обр. 1881 г. причинил большой брак в клинках. Брак этот в первое время доходил до 20%, понижаясь до 5%, то снова возрастая до 35%[121]. Для разъяснения такого явления на фабрике были произведены многочисленные опыты по переплавке, проварке стали, отковке кованцов, а также и закале последних.

Исследования эти привели к заключению, что главная причина упомянутых выше колебаний заключалась в неоднородности пудлинговой стали, употреблявшейся в Златоусте как сырой материал для переплавки в тиглях[122]. Вывод этот подтвердился и архивными документами, из которых усматривалось, что до 1865 г., т.е. когда употреблялся для этой цели уклад, дело шло несравненно однообразнее. На этом основании была сделана проба переплавки цементной стали, и так как результат оказался удачным, то для изготовления клинков и стали применять цементную сталь.

Опыт валового изготовления шашек и продолжительная служба их в войсках указали на некоторые недостатки проектированного образца и на необходимость различных изменений.

Изменения эти касались:

1) скрепления эфеса с клинком в казачьей шашке,

2) колоды для штыка,

3) верхней гайки и колец,

4) оболочки ножен.

1) При проектировании образцов холодного оружия г. Горловым было предложено скрепление

рукояти с хвостом с помощью гаек как для драгунских шашек, так и для казачьих; способ этот заключался в том, что на хвост сперва надевалась нижняя оковка, затем деревянная рукоять, сверх которой навинчивалась на завинтованный хвост клинка внутренняя гайка, затем надевалась головка эфеса, и затем вся система скреплялась наружной гайкой.

При рассмотрении образцов особой кавалерийской Комиссией было признано необходимым, как это указано выше, скрепление для казачьих шашек принять на заклепках, т.е. остаться при прежнем способе, принятом при бывших ранее казачьих шашках. Однако при установлении валового производства шашек на Златоустовской оружейной фабрике при испытании шашек согласно инструкции на прием рубкой по деревянным чурбанам многие эфесы от ударов расшатались, причем некоторые рукоятки дали трещины; кроме того, оказалось, что при неизбежном усыхании дерева рукояти наконечник эфеса (головка) сдвигался, что также ослабляло скрепление рукоятей с клинком. Ввиду этого, скрепление казачьих шашек было изменено и принято одинаковое для всех шашек обр. 1881 г. с помощью гаек. «Введением такого способа, — писал г. Горлов, — достигнута наконец та выгода, которую я постоянно имел в виду еще с 1875 года, т.е. с самого начала проектирования образцов, и которая постоянно отдалялась различными посторонними или случайными соображениями других лиц; выгода эта состоит в том, что клинок казачьей шашки оказалось возможным сделать в точности одинаковым с клинком регулярной шашки; следовательно, отныне вся наша

кавалерия, как регулярная, так и иррегулярная, будет иметь один и тот же клинок»[123].

2) *Изменение колоды для штыка.* Ввиду поступавших от войск заявлений, что проектированная г. Горловым ножна с колодой для штыка тяжела, непрочна и неудобна, Старшим Артиллерийским приемщиком полк. Лоди под руководством Инспектора Артиллерийских приемок г.-м. Энгельгардта произведен был опыт переделки этих ножен в облегченные, а именно к 5 ножнам вместо деревянных обшитых кожей гнезд приделаны были медные гайки для помещения штыка; в других же 5 ножнах пришиты были — вместо деревянных гнезд — кожаные чехлы.

По сравнительным опытам, произведенным в Офицерской Кавалерийской Школе, оказалось, что 1) в медные штыковые гайки штыки не одинаково плотно входят: одни вкладывались почти до шейки, другие не доходили на полдюйма, хотя при этом острие не выходило из нижней гайки; иногда случалось, что штык выпадал из своего гнезда при езде, когда ножны переворачивались кверху, вкладывание и вынимание штыка из гнезд не представляло никакого затруднения, особого расшарашивания гнезд не замечалось, а также и хлябанья штыка в гнездах, равным образом в сомкнутом строю не было случаев, чтобы штык цеплялся за снаряжение соседних рядов.

2) В чехлы, принятые к ножнам для вкладывания штыков, штыки хотя также углублялись не одинаково, но держались плотно, и случаев выпадания не было; вкладывание и вынимание штыков производилось просто и удобно»[124].

Школа донесла, что при сравнении двух проек-

тированных образцов облегченных ножен первому, т.е. ножнам с медными гнездами, следовало бы отдать предпочтение перед вторым; по заявлению Кавалерийской Школы, «кожаные чехлы и пришивка их легко может портиться как от сырости, так и от носки, защита металлического штыка кожей ненадежна, а при продолжительной сырой погоде влага, накопившаяся в чехле, стала бы портить шашечные ножны и могла бы вызвать ржавчину на штыке...».

Е. И. В. генерал-инспектор кавалерии одобрил тот же образец ножны с медными гайками, почему и было признано необходимым изменить соответствующим образом чертеж ножен драгунских шашек обр. 1881 г.

Принятие гаек для носки штыка облегчало ножну, устраняло прежние недостатки колоды и давало возможность обращать обыкновенные ножны в ножны штыковые и обратно.

3) Кроме того, были введены детальные изменения в верхней гайке и в кольцах для пристегивания портупеи. Верхняя гайка имела выступающий ободок для пристегивания верхнего пасика портупеи — выступ этот, нажимая сбоку на тело, был неудобен, а потому верхняя гайка была изменена по образцу, предложенному Л.-Гв. Резервного полка полк. Тюнеговым (фиг. 97).

Первоначально для того, чтобы кольца могли бы менее передвигаться при носке шашки, доставляя менее шума, они были приняты треугольной формы, но служба новых шашек в войсках указала, что такие кольца скоро перетираются, почему и решено было вновь возвратиться к круглым[125].

4) *Изменения оболочки ножен* — уже вскоре по-

сле принятия на вооружение шашек обр. 1881 г. от различных войсковых частей стали поступать заявления о недостаточной прочности кожаных ножен; несмотря на кратковременное их употребление, кожа на ножнах при верховой езде в некоторых местах быстро перетиралась, обнажая дерево, что в дождливую погоду служило причиной разбухания деревянной ножны, причем вода просачивалась на клинок, который получал ржавчину.

Ремонтирование кожаных ножен было сопряжено с затруднениями, так как при наклейке новых кусков кожи она иногда отставала, и в образовавшуюся щель легко могла проникать вода или вообще влага.

При этом в местах починки приходилось отмачивать прежде наклеенную на дерево ножны кожу, что также служило причиной разбухания ножен. Употреблявшиеся в различных полках чехлы, в которые вставлялась ножна, а также обматывание ножен тряпками мало помогало делу, да притом и безобразило вид ножны.

В своем отчете об осмотре изделий Златоустовской оружейной фабрики за 1868 год инспектор приемок также обратил внимание на указанный выше недостаток ножен. «Сострутивание кожи, — писал г.-м. Энгельгардт, — для доведения ее повсеместно до ровной толщины, конечно, лишало кожу прочности, но и применявшиеся на заводе способы покрывания ножен грунтом и лаком не менее способствовали к ухудшению качеств кожи».

«Опыты подтвердили, что отдувы[126], трещины, отставание грунта, водопроницаемость ножен и др. пороки могли зависеть от непригодности покрывания ножен грунтом и лаком.

В отчете прошлого года мною уже было указано, что заводоуправление, приняв во внимание заявление приемщиков, приняло энергичные меры к улучшению качеств кожи. Бережное состругивание и аккуратная просушка грунтованных и лакированных ножен помогли делу, но не вполне. Полное регулирование температур в сушилах оказывалось на практике трудно достижимым, и ножны из сушил выходили не вполне однокачественными; грунт и лак нередко обсыпались, трескались, сама кожа делалась жесткой»[127].

Ввиду всего этого, было признано необходимым заменить кожаную оболочку ножен другим материалом, представляющим большую прочность.

Горный инженер Износков предложил для этой цели каучук, как более сопротивляющийся трению и не пропускающий воды.

Обрезиненные ножны были испытаны в Офицерской Кавалерийской Школе и на Кавказе в 43-м Тверском драгунском полку при ежедневных занятиях полка, в походе, а также в лагерном и подвижном сборах.

На этих испытаниях обнаружилось полное преимущество обрезиненных ножен.

По донесению Кавалерийской Школы, «резиновая масса[128], покрывающая остов ножны, предохраняет ее прекрасно и не принимает тех повреждений, которые оказываются на кожаных ножнах ныне существующего образца. Проектированная для ножен резиновая масса обладает упорным свойством принимать удары бесследно, не протирается при трении, а наоборот, постоянным употреблением затирается настолько плотно, что принимает вид хорошей глянцевой кожи»[129].

При первоначальных незначительных опытах оказалось, что обрезиненные ножны обладали лишь одним недостатком — они были слишком марки, ввиду этого, стали применять более твердый, немаркий — роговой каучук.

Однако опыт службы их в войсках при валовом изготовлении обрезиненных ножен совершенно не оправдал возлагавшихся на них надежд. Оказалось, что резина трескается, причем ее куски отваливаются, обнажая дерево, наконечники при этом теряются чаще, чем при ножнах кожаных. Причина такого противоречия результатам опытов, по-видимому, заключалась в том, что сравнительно небольшое количество резиновых ножен было изготовлено особенно тщательно — из резины отличного качества, что было недопустимо при валовом изготовлении. От недостаточной вулканизации, при которой сера не успевала раствориться в каучуке, или от слишком большого количества серы, вредно влиявшей на эластичность каучука, резиновые ножны делались хрупкими.

Кроме того, плохие качества резины зависели еще и от посторонних веществ, которые, кроме каучука и серы, входили в ее состав; необходимо при этом отметить, что каучуковые чехлы принимались лишь по наружному виду — отсутствие механических испытаний[130] было причиной разнообразия в свойствах резиновых ножен, из которых одни служили долгое время без всяких повреждений, другие же быстро приходили в негодность ввиду трещин и отколов резиновой массы.

Резиновая ножны были оставлены, и в войсках снова перешли к кожаной оболочке.

В заключение мы должны указать еще на один

из недостатков шашек обр. 1881 г., которые были обнаружены при продолжительной службе их в войсках; недостаток заключался в усушке дерева ножны, ввиду чего клинки слишком туго входили и вынимались из ножен; многие войсковые части указывали на этот недостаток как на один из важных, так как в конном строю шашки должны были выниматься одной рукой.

Ввиду этого, в Инструментальном Отделе Петербургского патронного завода были проектированы особые инструменты в виде пил для исправления внутренней части сжавшихся от усушки дерева ножен; по испытании их в Офицерской Кавалерийской Школе правила употребления их были объявлены в Циркуляре Главного Штаба 89-го г. № 10.

Описание образцов холодного оружия 81-го года

(Фиг. 98, 99, 100, 101, 102 и 103).

(Приказ по Военному Ведомству 81-го г. № 222).

Приведем сперва изложенные в этом приказе *начала*, на которых были построены шашки обр. 1881 г.

Клинок с эфесом

а) Длина клинков сделана немного более 34 дм.; такая длина признается необходимою во всех армиях для того, чтобы всадник, держа эфес над го-

ловой, мог закрыть своим клинком от неприятельского удара весь свой корпус до ноги включительно.

б) Кривизна клинков сделана в точности подобной кривизне клинков известных под названием волчков, имеющих на Востоке, в Малой Азии, между кавказскими народами и нашими тамошними казаками высокую известность как оружие, показывающее необыкновенные достоинства при рубке.

в) Вес значительно облегчен против прежнего, а именно — обыкновенной шашки на 2/3 фн. против сабель и новой казачьей на 1/4 фн. против прежних казачьих шашек, отчего новыми шашками можно наносить гораздо более быстрые, а потому гораздо более действительные удары. При таком уменьшении веса, однако, прочность новых клинков, вследствие лучшего распределения металла, нисколько не уступает прочности старых клинков.

г) Центр удара перенесен ближе к переднему (боевому) концу, через что можно наносить удар врагу более отдаленной от себя частью клинка, не подвергаясь обратному удару в локоть и плечо, как это имеет место при прежних клинках.

Эти новые клинки от такого распределения металла дают при взятии шашки в руку ощущение, называемое отвесом, происходящее от сосредоточения металла клинка из средней части больше к концу, — качество, весьма ценимое боевой кавалерией.

д) Положение центра удара на новых клинках обозначается тем, что он приходится непосредственно впереди того места, где оканчиваются долы.

Таким образом, при обучении солдат легко указать, какой частью клинка они должны приноравливаться рубить, чтобы произвести возможно наилучшее действие.

е) Эфес не имеет боковых дужек и, следовательно, подобно казачьим и прежним драгунским и всем вообще восточным саблям новые шашки вполне симметричны и могут наносить отличные удары лезвием. В эфесах прежних сабель боковые дужки составляли тяжелую часть, помещенную сбоку, отчего нарушалась симметрия оружия, которое поэтому свертывалось в руке, и удар наносился не лезвием клинка, а немного боком — недостаток, на который наша кавалерия постоянно жаловалась.

ж) Ручка сделана такой формы, чтобы лежала на руке прочно, заполняя весь промежуток между ладонью и сжатыми на ручке пальцами. Общий вид ручки в сечении — четырехгранный, с закругленными углами, подходящий к овальному; в толщине она несколько увеличивается кверху для того, чтобы и меньшие пальцы могли бы обхватить руку плотно. На ручке вырезаны продольно-наклонные желобки, представляющие хороший упор концам пальцев.

з) В прежних саблях и шашках клинок был посажен в ручке так, что он находился позади ручки; от этого при размахах сабли клинок оттягивал и требовалось излишнее усилие руки для преодоления этого оттягивания. В новых шашках клинок посажен так, что он чувствительно впереди рукояти; от этого при действии шашкой она не только не оттягивает, но при размахах шашку несколько увлекает вперед, т.е. к стороне неприятеля. Сабли с этими свойствами называются «ведущими».

и) Кривизна клинков с принятием линии кривизны кавказского волчка значительно уменьшилась против прежнего, отчего новые шашки, имея первостепенные качества для рубки, выходят вместе с тем очень хорошими и для колки.

к) Для того чтобы было возможно верно направлять шашку для колки, средняя линия рукояти, будучи продолжена, выходит прямо в острие боевого конца, причем для улучшения проникания в препятствие конец этот сделан в виде двухстороннего копья с острыми ребрами на обеих сторонах.

л) Для того чтобы при хорошо соображенной ручке навязывание на нее темляка не ухудшило бы удобства и прочности держания оружия в руке, темляк привязывается вне ручки на оконечности эфеса.

м) Ручка делается из дерева, известного на рынке под названием «бакаут», без всякой обтяжки кожей, проволокой и т.п. Этот сорт дерева выбран потому, что он чрезвычайно тверд, и, следовательно, ручка будет мало подвержена порче на службе; при твердости он принимает и сохраняет прекрасную полировку. При усыхании он дает гораздо менее трещин, нежели другие древесные породы. Цвет его серо-буроватый с зеленым отливом. По этим качествам бакаут имеет большее применение в промышленности; из него делают котельные шары и кегли, блоки, подкладки под орудийные сверла в арсеналах и т.д. Рукоятка может быть изготовляема и из других крепких пород дерева, именно: уральской березы, белого бука, рябины и клена, вычернивая рукояти особым составом. (Приказ по Воен. Вед. 82 г. № 108).

О ножнах

(Приказ по Воен. Вед. 81 г. № 222).

а) Ножны сделаны деревянные главным образом ввиду того, чтобы сохранить остроту лезвия клинка, быстро затупляющегося при железных ножнах.

б) Введение деревянных ножен и медного к ним прибора весьма значительно уменьшает бряцание оружия.

в) Деревянные ножны покрываются кожей.

г) Для пристегивания портупеи должно быть круглое кольцо. Медные гайки прикрепляются проволочными винтиками, назначенными для стягивания гаек, самые же гайки сделаны шероховатыми с внутренней стороны и с небольшими шипами, которые должны входить в резиновую массу ножен[131].

д) Для более удобного вкладывания оружия в ножны верхний наконечник имеет раструб в самом устье.

е) Нижняя гайка посажена с таким расчетом, чтобы в случае, если бы верхний пасик лопнул и оружие повисло на одном нижнем, оно не наклонялось бы эфесом вниз.

В драгунских шашках для помещения штыка приделывают независимо от имеющихся на ножнах двух медных гаек еще две медные гайки с приделанными к ним медными гнездами для штыка, так что вложенный штык должен проходить через гнезда двух средних гаек и оконечностью помещаться в гнезде самой нижней гайки; кольцо же второй гайки должно служить для пристегивания длинного пасового ремня портупеи.

Для продевания короткого пасового ремня портупеи сделано во всех офицерских и солдатских шашках, между верхним наконечником и помещенной на нем гайкой, косвенное углубление, в которое и пропускается этот ремень, застегиваемый на помещенную на ремне пуговку.

Отточка клинков

Клинки шашек должны быть отточены по правилам, объявленным в Циркуляре Главного Штаба 1903 г. № 262.

Согласно прежде принятым правилам, клинки должны были быть отточены, образуя углы в 60° посередине лезвия и 50° на его оконечности.

В видах большей действительности оружия было признано необходимым несколько уменьшить углы заострения, назначив их в 40° посередине и в 30° на конце.

Вновь составленные правила были объявлены в Циркуляре 1901 г. № 140, причем поверка отточки клинков должна была производиться как на ширине фасок, так и по углам заострения. Такой способ поверки оказался на практике затруднительным, так как весьма часто клинки, удовлетворявшие установленным углам, не удовлетворяли ширине фасок, что было возможно ввиду того, что в войсках находились на службе клинки разных сроков изготовления, а следовательно, и разных допусков в размерах, так как детальные чертежи клинков неоднократно менялись.

Ввиду этого, было признано более целесообразным руководствоваться лишь одними углами заострения, для чего и были выработаны особые ле-

кала с углами в 27° и 33° — для поверки заострения конца лезвия и в 37° и 43° его середины (фиг. 102 и 103).

Правила отточки. Клинок затачивается так, чтобы посередине длины клинка получился угол около 40°. По направлению к боевому концу этот угол должен постепенно убывать, доходя у боевого конца как со стороны обуха, так и лезвия приблизительно до 30°. Начиная от середины клинка к эфесу, угол этот должен постепенно увеличиваться, но образуя все время острие, которое прекращается лишь в расстоянии 4 дюймов от эфеса.

Заострение боевого конца со стороны обуха делается на длине от 3 до 4 дюймов, фаска может быть произвольной ширины, но по возможности она должна быть везде ровной, без уступов и выхватов.

Правильность отточки клинков поверяется угловыми вырезами лекал № 1) 37°, 2) 43°, 3) 27° и 4) 33°, причем лекала № 1 и № 2 служат для поверки заострения в средней части на расстоянии 18 дм. от дужки, а № 3 и № 4 — для поверки заострения лезвия на расстоянии 3 дюймов от боевого конца как со стороны лезвия, так и со стороны обуха.

При наложении лекал № 1 и № 3 на острие клинка должен быть просвет в вершине выреза; при наложении же лекал № 2 и № 4 такого просвета не должно быть.

Артиллерийская шашка (фиг. № 100)

В 1881 году при проектировании типа холодного оружия, который по Высочайшем его утверждении был объявлен в Приказе по Военному Ведом-

ству 1881 г. № 222, относительно артиллерийских шашек не было принято никакого решения, причем предполагалось оставить их без изменения ввиду того, что артиллерийская шашка не имеет такого активного значения, как шашка для драгун.

Но когда в 1884 году явилась необходимость пополнить запас артиллерийских шашек, решено было заказать их по новому чертежу, применяясь к типу шашки обр. 1881 г.

Г. Горловым в 1885 году и был составлен такой чертеж, который представлял собою укороченную драгунскую шашку с одной длинной долой.

Ввиду того, что артиллерийские шашки положено было иметь меньшей длины, нежели драгунские (длина клинка прежних шашек составляла около 30 дм.), г. Горлов и для шашек системы 1881 г. принял длину клинка в 30 дм., т.е. на 4 дюйма короче драгунского той же системы. Принимая вместе с тем во внимание, что знаменитые кавказские волчки, послужившие основанием для системы 1881 г., встречались часто длиной 30 дм. и что в числе офицерских шашек этой же системы имелся выработанный в подробностях драгунский образец в 30 дм., который, существуя с 1881 года, не вызывал никаких жалоб, г. Горлов признал самым целесообразным принять за основание для солдатской артиллерийской шашки офицерский образец с клинком в 30 дм.

Проектированная артиллерийская шашка оказалась сравнительно с драгунской солдатской несколько легче во всех ее размерах, что было весьма желательно, так как в войсках уже выяснилась необходимость несколько облегчить образец 1881 года.

Изменения от офицерской состояли в том, что артиллерийская шашка для дешевизны имела клинок с одной долой вместо 3, причем клинок был так рассчитан, что его сопротивление гибу оставалось такое же, как и у офицерского 3-дольного.

Офицерское оружие

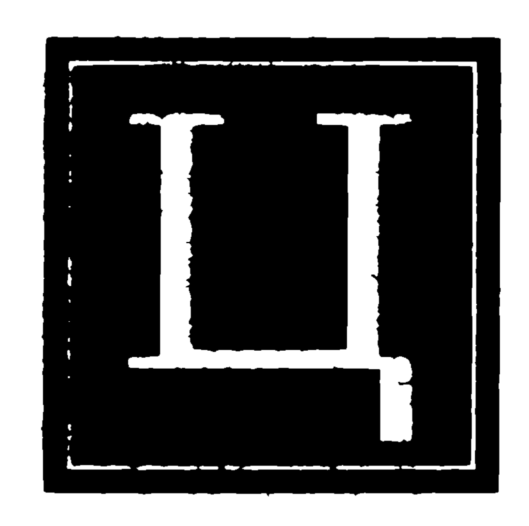
На тех же основаниях, на которых были построены солдатские клинки обр. 1881 г., было проектировано и офицерское оружие. При этом решено было офицерские клинки делать несколько более облегченными и меньших размеров — длина клинков была установлена 4 размеров сообразно росту в 28, 29, 30 и 32 дм.

Медный прибор эфеса и ножен полагался позолоченный[132]. (Приказ по Воен. Ведом. 1881 г. № 217.)

Глава IV

Современные вопросы холодного оружия

ель этой главы — дополнить очерк о холодном оружии изложением тех вопросов, которые не перестают обсуждаться на страницах нашей периодической литературы и о которых время от времени появляются совершенно противоречивые и разнообразные отзывы.

К таким вопросам необходимо отнести:

Пехота

1) Штык или тесак — должен быть принят к нашей винтовке.

Кавалерия

2) Рубящее или колющее оружие или рубящее и колющее вместе — должно быть принято на вооружение нашей кавалерии.

3) Нужна ли нашей кавалерии пика и

4) офицерское оружие.

Артиллерия

5) Какое холодное оружие должно состоять на вооружении прислуги полевой артиллерии.

Штык или тесак должен быть принят к нашей винтовке?

1) «Великое суворовское начало — пуля дура, штык молодец — останется вечно справедливым не потому, чтобы пуля была недействительна, но потому, что 1) штык решает дело, во 2) он есть представитель воли, нравственной энергии, на которой зиждется все в боевом деле» (Драгомиров).

2) «Штык — символ движения вперед» — он же символ «лечь костьми»

(Сухотин).

В главе об иностранном оружии нами описаны различные образцы штыков и тесаков, принятых на вооружение войск иностранных армий.

Штыки, когда-то бывшие в употреблении всех армий, в настоящее время остались лишь во Франции — этой родине штыка (Байонна) и у нас, где штыковый бой пользуется особым расположением и где со штыком связано много славных исторических воспоминаний.

В каком положении находится этот вопрос во Франции — у нас нет необходимых сведений, что же касается нашей армии, то в нашей военной литературе время от времени появляются различные предложения о замене граненого штыка тесаком с клинковым лезвием.

Приступая к рассмотрению этих предложений, прежде всего необходимо указать на то, что вопрос о замене штыка тесаком стоит в связи с вопросом о стрельбе с примкнутым штыком и без него.

Клинковые штыки не допускают стрельбы из винтовки с примкнутым оружием, такая стрельба может быть допущена как исключение, при граненых же штыках, где шейка отклоняет лезвие на некоторое расстояние от оси канала ствола, такая стрельба вполне возможна, в чем, собственно, и состоит выгода граненых штыков (допущение стрельбы с примкнутым холодным оружием). В тех образцах ручного огнестрельного оружия, например, в прежних наших литтихских стрелковых штуцерах, в которых, ввиду короткого ствола, приходилось принимать слишком длинные, а следовательно, и очень тяжелые штыки, стрельба с примкнутым оружием была слишком затруднительна. Поэтому в таких образцах штык носился отдельно от ружья и примыкался только в исключительных случаях, а именно при движении в атаку. Но в таком случае, конечно, было более выгодным заменить граненый штык тесаком, который мог быть полезным во всех случаях бивачной и походной жизни. Отсюда ясна зависимость между граненым и клинковым штыком, с одной стороны,

и стрельбой с примкнутым и без примкнутого холодного оружия.

Защитники клинковых штыков главным образом указывают на то обстоятельство, что 1) с развитием и усовершенствованием ручного огнестрельного оружия штык мало-помалу теряет прежнее значение; с увеличением дальнобойности начало боя завязывается с весьма дальних расстояний, что при современной силе огня нередко совершенно исключает необходимость рукопашных схваток, так как отступление той или другой стороны происходит под действием только одного огня; штыковые бои в современных войнах встречаются все реже и реже, а попутно уменьшается и число раненых и убитых холодным оружием.

2) Между тем граненый штык, всегда примкнутый к винтовке, неблагоприятно отражается на меткости стрельбы. Вес около 3/4 — 1 фунта, приложенный притом к дулу, далеко от точки опоры ружья, утомляет стрелков; обстоятельство это, не выражаясь, может быть, столь резко в мирное время, должно сказаться в сильной степени во время военных действий, когда силы нижних чинов будут утомлены трудностями военно-походной жизни.

3) Кроме того, указывают, что штык, кроме атаки, бесполезен во всех случаях боевой и походной жизни, тесак же заменяет нижним чинам нож — вещь безусловно необходимую всюду; он окажет много услуг при рубке дров, при разбивке палаток, при устройстве бивачных и хозяйственных приспособлений и т.п.

Является вопрос, стоит ли вообще ради редких

случаев употребления штыка поступаться меткостью стрельбы, а также постоянно носить при винтовке оружие, не могущее оказаться полезным для каких-либо других случаев во время военных действий.

4) Если говорят, что отомкнутый тесак делает не всегда готовым оружие к бою, то велик ли этот недостаток? Когда же штык потребуется так внезапно, что далее не хватит времени для его примыкания? Если в кавалерии шашки выхватываются перед самым движением в атаку, то и в пехоте потребуется такое же незначительное время для примыкания штыков. Люди, находящиеся на постах, в сторожевой службе, в секрете и т.д., конечно, должны иметь штыки примкнутыми. Далее указывают, что при составлении ружей в козлы всякий солдат, отошедший за чем-нибудь от бивака, будет уже совершенно безоружен, между тем тесак может ему служить хорошей защитой.

Кроме того, штык делает ружье длиннее, вследствие чего штык в лесу и кустах зацепляется за сучья, а также затрудняет носку винтовки через плечо на погонном ремне.

Необходимо отметить, что вопрос о замене штыка весьма подробно рассматривался в нашей армии и до сих пор перевес являлся за его защитниками.

Защитники штыка указывают на следующее: 1) для удовлетворения всем условиям боя необходимо, чтобы пехота была вооружена таким оружием, которое позволяло бы поражать врага как издали, так и в бою грудь с грудью, и чтобы пехотинец во всякую минуту боя был бы готовым

действовать как огнестрельным, так и холодным оружием; между тем примыкание штыков перед атакой представляет существенные затруднения; условия боя так разнообразны, что определить заранее моменты, в которые войска должны иметь штыки примкнутыми, невозможно. Необходимость обращаться к штыку в сражениях может являться внезапно, в то время, когда войска вовсе не ожидают рукопашного боя.

Примыкание тесаков при сближении с противником с 300 — 400 шагов влечет за собой самые неблагоприятные последствия: в этом периоде боя люди находятся в таком возбужденном состоянии, что могут совсем не примкнуть штыка. К тому же для примыкания штыка в бою требуется совсем не так мало времени, как это может казаться с первого взгляда. Опыт показал, что для того, чтобы вынуть и примкнуть штык, потребуется время, соответствующее по меньшей мере 5 — 6 выстрелам. В то время, когда нижние чины будут примыкать штыки, огонь должен значительно ослабнуть, и такое ослабление огня будет именно в то время, когда хладнокровие и присутствие духа будут наиболее важны. При этом, чем ближе к противнику будет производиться примыкание штыка, тем суетливее и медленнее оно будет исполняться.

Таким образом, наша винтовка с постоянно примкнутым штыком, по их мнению, вполне удовлетворяет тем условиям, которые необходимо требовать от оружия, назначенного в одно и то же время для огнестрельного действия и рукопашного боя.

2) Кроме того, указывают, что русская армия

воспитана на штыке — отмена штыка, с которым связано столько славных воспоминаний, может невыгодным образом подействовать на нравственный дух солдат.

3) Относительно вредного влияния веса штыка на результаты стрельбы указывают, что случаи стрельбы стоя и без закрытия в бою будут представляться сравнительно редко — в большинстве же случаев стрельба ведется лежа, причем является возможность или положить ружье на опору, или упереть локоть в землю. Что касается влияния штыка на меткость стрельбы, то, во-первых, примкнутый справа штык уменьшает деривацию, во-вторых, в нашей системе винтовки штык оказывает влияние на кучность боя; при правильно примкнутом штыке радиус круга, вмещающего все пули, получается меньше. Это явление объясняется тем, что при стрельбе со штыком из нашей винтовки (при принятой длине ствола, весе частей и заряде и др.) дрожание дульной части ствола меньше, и пуля получает более однообразное направление (см. Теорию стрельбы — Курс полковника Филатова, стр. 153).

Между тем решение, принятое в западноевропейских армиях, — стрелять без штыка и примыкать его только при сближении с противником на 300 — 400 шагов, — если, может быть, и сказывается выгодным образом на меньшем утомлении стрелка, но зато меткость системы от этого проигрывает, так как стрельба из винтовки без штыка, пристрелянной со штыком, без передвижения мушки дает такие результаты, что при расстоянии в 400 шагов уже нельзя ожидать меткой стрельбы

по цели шириной в 10 вершков. Поэтому решение, принятое в нашей армии, — стрелять на все дистанции с примкнутым штыком, с которым винтовка и пристреливается, — с этой точки зрения может быть названо более правильным.

При рассмотрении вопроса о замене штыка тесаком и о стрельбе без примкнутого холодного оружия нам кажется необходимым привести, кроме того, и мнение г. Драгомирова, высказанное им по этому поводу в одной из его многочисленных статей.

«Всякому известно, — говорит он, — что огнестрельное оружие играет роль средства подготовительного, а холодное — решительного.

Известный афоризм «Пуля дура, штык молодец» высказан Суворовым не отдельно, не как самостоятельная истина, но как результат целого рассуждения об относительных свойствах холодного и огнестрельного оружия. Вот это рассуждение: береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять; стреляй редко, да метко; штыком коли крепко, пуля обмишулится, а штык не обмишулится; пуля дура, а штык молодец.

Попытаемся переложить этот великий трактат об относительных свойствах обоих оружий на язык, более доступный; может быть, из переложения можно будет видеть, что, встань Суворов из гроба, ему бы не пришлось ничего менять в своих словах.

Огнестрельное оружие требует перевозки припасов — штык никаких припасов не требует; ружье нужно заряжать — штык всегда заряжен: расстреляли патроны — ружья нет — штык всегда

есть: следовательно, береги пулю. Выстрел требует довольно сложных предварительных манипуляций, торопливое исполнение которых ведет к пусканию пуль на ветер: следовательно, нужно стрелять редко, да метко: штык ничего этого не требует, им можно колоть и часто, и метко. Как бы ружье ни было совершенно, даже и на 50 шагов промах вероятнее, чем штыком на шаг или полтора; и во всяком случае, для действия последним нужно гораздо более бесстрашия, самоотвержения, чувства товарищества, чем для стрельбы, более отвечающей инстинкту самосохранения. Стрельба требует покоя, удар штыком — движения вперед, которое уже само по себе выражает чувство нашего превосходства над неприятелем. Перестреливаться можно целые часы и ничего не добиться — штык разом заставляет неприятеля дать тыл. Следовательно, пуля дура, штык молодец. Это отнюдь не исключает употребления пули; но на нее одну рассчитывать нельзя.

Делать заключение об относительном значении холодного и огнестрельного оружия по числу убитых и раненых по меньшей мере наивно, ибо цель на войне заключается вовсе не в том, чтоб перебить больше народа, но в том, чтоб заставить неприятеля сдать нам: убедить его наглядно, что он не может нам сопротивляться. Этой последней цели штык, употребленный, конечно, рационально, достигает всегда; один же огонь никогда ее не достигнет, если противник мало-мальски стоек. Говорят, что до штыка редко доходит дело: что же это доказывает, кроме того, что и трусы могут между собою перестреливаться, между тем как и храб-

рые войска не всегда являют достаточную силу духа, чтобы сойтись на штык. Значение оружия, требующего столь высокой доблести от человека, никогда не умалится; отвергать это могут только те, которые не понимают роли нравственной стороны в боевых столкновениях. В большей части случаев выказанного желания сойтись на штык бывает достаточно, чтобы противник дал тыл; но этого желания подделать нельзя, а нужно быть действительно готовым сойтись на штык: только тогда ему противник подчинится. Итак, как бы редко ни случались штыковые свалки, к ним нужно готовить войска как к высшему и труднейшему подвигу, к какому только они могут быть призваны в бою.

Только мысль о штыке при занятиях войск заставляет подумать о том, чтобы выдержать их в привычках бесстрашия, самоотвержения, решимости, способности ставить вопрос борьбы так, чтобы середины между гибелью и победой не было. Занятия стрельбой ничего этого не дают, напротив: выжидание, высматривание, прятанье, колебание. Одним словом, штык и пуля опять представляют ту жизненную антимонию (или противоречие), в которой гармоническое развитие возможно только при условии уравновешения, а не исключения членов ее друг с другом»[133].

Таким образом, вопрос о штыке разобран[134] в нашей периодической литературе настолько подробно и всесторонне и вместе с тем с такими доводами в пользу постоянно примкнутого штыка, что *до сих пор* никакие примеры иностранных армий не могли изменить у нас нашего традиционного оружия, что же касается *будущего времени,* то это

еще вопрос, сохранится ли наш постоянно примкнутый граненый штык при следующем нашем перевооружении.

Настоящая Японская война, где почти в каждом бою дело доходит до штыкового боя, с одной стороны, послужила наглядным подтверждением, что современная сила огня нисколько не исключает того оружия, символ которого «движение вперед» и употребление которого может служить показателем нравственной силы и доблести войск.

Война эта показала, насколько неправы были американцы, отказавшиеся в своем новом магазинном ружье обр. 1903 г. от штыка и принявшие штык-шомпол, не имеющий ровно никакого значения.

Но, с другой стороны, японские войска, имеющие клинковый штык, примыкаемый лишь при сближении с противником, неоднократно сходились с нашими в бешеных штыковых схватках, причем за весь год войны не получилось ни одного известия относительно того, чтобы японские войска не успевали бы примкнуть своего оружия.

Обстоятельный ответ на тот вопрос даст, конечно, опыт настоящей кампании. Нельзя, однако, не признать, что самый важный недостаток клинкового штыка (п. 1) не установлен опытом и наблюдением военных действий, между тем как его преимущества (облегчение стрельбы и возможность применять клинковый штык для различных хозяйственных надобностей) представляют некоторую безусловную выгоду.

В вопросе о штыке, кроме того, необходимо отметить, что если при рассмотрении различных

предложений о замене нашего штыка клинковым штыком-тесаком большинство *до сих пор* высказываются за сохранение того оружия, с которым в нашей армии связано столько славных воспоминаний, то в вопросе о некоторых *изменениях в конструкции ныне принятого граненого штыка* дело стоит несколько иначе. От строевых частей есть указания, что штык наш малопрочен и что он гнется при сильных ударах; после опыта употребления штыка в Андижанское восстание и последнюю Китайскую кампанию от некоторых частей войск, участвовавших в делах с неприятелем, поступили различные заявления об указанном выше недостатке этого оружия. Упрочнение штыка при ныне принятой его длине, естественно, связано с его утяжелением, что, конечно, далеко нежелательно, так как каждый лишний золотник в весе винтовки, приданной притом к дульной части оружия, должен неблагоприятным образом отразиться на большем утомлении стрелка, а следовательно, и меткости. Упрочнение штыка легче всего может быть достигнуто уменьшением его длины. Не так давно в периодической литературе был поднят вопрос о желательности укорочения штыка, причем указывалось и на происходящие от этого выгоды: уменьшение веса штыка и увеличение его прочности.

В главе I мы указали, что длина штыка в прежнее время обуславливалась общей длиной ружья со штыком, а именно существовало мнение, что длина штыка вместе с ружьем должна быть такова, чтобы кавалерист с саблей не мог наносить ударов пехотинцу, вооруженному ружьем со штыком.

Но теперь столкновение пехоты с конницей врукопашную — случай исключительный, а потому при проектировании штыка 3-лн. винтовки в отношении его длины было принято условием, чтобы при примкнутом штыке конец лезвия приходился выше глаз солдата среднего роста — этим, по-видимому, определялся minimum длины штыка, maximum же определялся условием, чтобы вес штыка не превосходил 3/4 — 1 фунта, при таком весе и при данной прочности лезвие и выходило 17 — 20 дм., при более длинном штыке и том же весе штык был малопрочен и легко гнулся.

Вопрос о необходимости уменьшения длины штыка рассматривался в Военном Сборнике 1900 года № 8 — статья доктора Эпова — и в Вестнике Офицерской Стрелковой Школы — № 46 и № 47 — полковником Юрловым.

«Условие, — говорит полковник Юрлов, — чтобы длина лезвия приходилась выше глаз солдата среднего роста, очевидно, не выдерживает строгой критики, так как во многих гвардейских полках конец лезвия торчит чуть ли не на высоте подбородка и это не вызывает никаких нареканий. Можно ли укоротить штык до 7 дм., как то полагает доктор Эпов, — судить не берусь, но считаю, что всякое уменьшение длины штыка будет прочнее, предполагая, что поперечные размеры лезвия не изменятся».

Очевидно, что раны, наносимые таким укороченным штыком, будут столь же действительны, как и ныне принятым, — штык, всаженный в тело только на несколько дюймов, произведет достаточное поранение и выведет нижнего чина из

строя. В некоторых образцах пик — для того, чтобы ее можно было легче вытащить из раны после удара и чтобы пика не могла слишком глубоко проникать в тело, — даже сделано круговое утолщение на известной длине лезвия.

Кавалерия

Какое оружие нужно нашей кавалерии: колющее, рубящее или колющее и рубящее вместе?

«На всем Востоке я не знаю ни одного народа, у которого было бы что-либо похожее на палаши; там, где противник не отказывался от свалки, а искал ее для употребления верхом, — рубящее оружие всегда предпочиталось колющему».

(Драгомиров. 14 лет).

«В Англии у кавалерии введено оружие среднее между саблей и палашом, но эта полумера — уступка необходимой очевидности все еще недостаточна — сабля должна совершенно уступить место палашу...»

(Из записки ген.-лейт. Плаутина, поданной им в 1859 г.)

В настоящее время вновь поднят вопрос о перевооружении нашей кавалерии новым холодным оружием — прошло только около двадцати лет с тех пор, как в нашей коннице были заменены

легкокавалерийские сабли, кирасирские палаши и прежние драгунские шашки — системой обр. 81-го года.

Шашка обр. 81-го года, от которой ожидали столь многого, в которую было вложено столько новых идей, — с ее «ценимым боевой кавалерией отвесом» (Приказ Воен. Вед. 81 г. № 222), с ее кривизной наподобие знаменитых кавказских волчков, — стала возбуждать столь важные нарекания, что ее предполагается заменить новым, более совершенным оружием.

В недавно вышедшей весьма интересной и содержательной книжке подполковника Олсуфьева «Рубка и фехтование» указываются те идеи и те основания, на которых, по-видимому, предполагают проектировать новое оружие нашей кавалерии.

Сущность изменений состоит в том, что нашей шашке обр. 81-го года желают придать еще более колющие свойства перенесением центра тяжести ближе к эфесу и снабдить ее гардой для лучшей защиты руки.

«Самый существенный и наиболее легкий прием для поражения противника, — говорит подполковник Олсуфьев, — есть укол» — вот руководящая мысль и основание вновь предлагаемого оружия.

Но если это так, то зачем же, спрашивается, опять полумеры, опять оружие и колющее и вместе с тем рубящее (хотя бы и с предпочтением колющих свойств). Комиссия, созванная из кавалерийских начальников для рассмотрения проектированных генерал-лейтенантом Горловым образ-

цов 81-го года, признала, что для нашей кавалерии необходимо оружие и колющее, и рубящее, — конечно, такое оружие желательно, но ведь вопрос в том, возможно ли проектировать такое действительно совершенное оружие, которое бы рубило и вместе с тем кололо, несмотря на полную противоположность их оснований. Да и правильна ли вообще аксиома о преимуществе укола перед ударом?

На первый вопрос, нам кажется, дает совершенно определенный ответ наша шашка обр. 81-го года.

Наша шашка обр. 81-го года и колет, и рубит плохо. Конечно, если смотреть довольно легко на конструкцию холодного оружия, если к нему не предъявлять больших требований, то возможно обойтись и нашей шашкой, так как ею можно и колоть, и рубить (хорошо ли, плохо ли — это другой вопрос). Но если сравнить ее рубящие свойства с таковыми же свойствами отличных кривых восточных сабель, а колющие — с легкими палашными клинками, то тогда только можно ясно видеть, насколько теряются боевые качества холодного оружия при стремлении погнаться сразу за двумя предметами.

Наша шашка рубит плохо — 1) вследствие незначительной ее кривизны, при которой теряются все преимущества кривых сабель, искривление, как известно, дает возможность при одном и том же поперечном сечении, весе и твердости металла по сравнению с прямыми клинками получить таковые в три, четыре, в пять раз более острыми; мы

не будем здесь распространяться об этом свойстве, так как о нем изложено в главе I нашего труда.

2) Наша шашка рубит плохо вследствие неправильной присадки рукояти, у нас для придания шашке колющих свойств средняя линия рукояти направлена в острие — для этого пришлось несколько отогнуть рукоять по направлению от обуха к лезвию; это обстоятельство также неблагоприятным образом отразилось на рубящих свойствах; дело в том, что при направлении рукояти, совпадающей с направлением верхнего конца клинка сабель, центр тяжести клинка находится сзади направления рукояти — это способствует большей правильности удара, так как часть клинка, расположенная сзади линии рукояти, действует как направляющая. На это обстоятельство мы также подробно указывали в главе I — об основаниях устройства холодного оружия.

Это неудобство в нашей шашке еще более увеличивается отвесом, т.е. ощущением, что центр тяжести находится впереди линии рукояти.

Наша шашка колет неудовлетворительно, потому что 1) она для придания ей рубящих свойств делается искривленной, что задерживает ее проникание, т.е. действительность оружия; 2) передача силы при уколе — неполная; часть силы вследствие разложения сил теряется; для полной передачи необходимо, чтобы направления линий, соединяющих середину рукояти (точку приложения силы) с центром тяжести, центр тяжести с острием и середину рукояти с острием совпадали бы между собой; в нашей шашке, вследствие ее кривизны, эти 3 направления не совпадают, вследствие чего

происходит неполная передача силы и сам укол производится лишь только частью силы, приложенной к рукояти.

Второй вопрос — верно ли то, что для большей действительности холодного оружия необходимы преимущественно колющие, а не рубящие свойства?

Первоначально выясним преимущества, свойственные тому и другому оружию.

В защиту колющего оружия необходимо указать на следующие его преимущества:

1) Бесспорно, что укол легче удара — всадник с его лошадью при атаке представляют из себя такую значительную силу — (масса на скорость), что всаднику достаточно только направить свое оружие, чтобы произвести страшное поранение; между тем поразить противника ударом гораздо труднее, так как удар, нанесенный несколько ранее или слегка запоздалый, не имеет ни верности, ни достаточной силы. Эти рассуждения дают повод подполковнику Олсуфьеву в его книжке высказать, что «сила укола прямо пропорциональна быстроте движения, удара же — обратно пропорциональна. Это вполне понятно, — говорит он, — ибо чем áллюр больше, тем требуется больше опытности и сноровки для нанесения существенного удара. Результат же укола зависит от правильного держания шашки и верного направления острия».

Интересно при этом отметить и совершенно противоположный взгляд. Полковник Де-Витт в своем труде «Конница — ее вооружение» (стр. 95) высказывает, что «для того, чтобы верно попасть в намеченную точку, надо более искусства, чем при

рубке», но такое положение вряд ли верно, и оно оспаривается, притом специалистами этого дела.

Кроме того, необходимо указать и на то, что удар требует двух темпов (взмах и нанесение удара), тогда как укол одного.

2) Второе преимущество укола — это то, что при ударе всадник более открывает себя, тогда как держание шашки для укола закрывает его противника. В подтверждение этого обыкновенно ссылаются на опыты Франко-Прусской войны 1870 — 1871 гг. (смотри выше — глава III).

Переходя к оценке качеств рубящего оружия, нам необходимо отметить, 1) что кавалерия, занимающая первое место в истории конницы, — естественная кавалерия восточных народов — всегда имела кривое, рубящее оружие — тюркские, монгольские, турецкие сабли, собранные в различных музеях, арсеналах и коллекциях, привлекают и теперь внимание знатоков и любителей, ценящих в них не только памятник старины, но и действительно прекрасные боевые качества.

Народы Востока — этой родины кавалерии — употребляли рубящее оружие. Это факт, идущий вразрез со всеми современными взглядами о преимуществах укола перед ударом. При этом необходимо указать, что факт этот имеет тем большее значение благодаря тому, что восточное оружие является, по-видимому, наиболее разработанным. Каждая деталь восточных сабель глубоко обдумана и соображена для лучшего действия — об этом мы уже упоминали довольно подробно в главе «Основания устройства холодного оружия».

2) В своей статье[135] о холодном оружии г. Драгомиров говорит, что вопрос, «предпочитать ли ко-

лющее или рубящее оружие для конницы, определяется народными привычками, во-первых, и примером специалистов по действительному употреблению (а не по маханию им только), во-вторых». Такими специалистами он признает наших бывших кавказских горцев и их доблестных учеников — кавказских казаков». В другом месте той же статьи он указывает, что «в коннице рубящее оружие предпочитается везде, где только его употребляли сколько-нибудь в настоящую: на всем Востоке я не знаю ни одного народа, у которого было бы что-либо похожее на палаши; там, где противник не отказывался от свалки, а искал ее для употребления верхом, рубящее оружие всегда предпочиталось колющему».

Относительно привычки русского человека к рубке г. Драгомиров высказывается следующим образом:

«Охотники до прицельного боя ссылаются на Наполеона: pointez-pointez, ne sabrez point (колите, колите, отнюдь не рубите) рекомендовал он французам, у которых фехтование[136] благодаря допущенным дуэлям на холодном оружии весьма распространено и составляет если не народную, то, во всяком случае, армейскую привычку. Если бы он обращался к нам, русским, то, наверное бы, сказал наоборот — sabrez, sabrez, ne pointez point, ибо фехтование у нас совсем не распространено, а рубить — и хорошо рубить — умеет всякий мужик[137], кроме разве фабричных и более или менее достаточных горожан».

«Став на эту точку, вы, вероятно, согласитесь со мной, что все рассуждения на тему, что колющее оружие требует более искусства, а рубящее — бо-

лее силы и прочие в том же роде, право стоят немногим более выеденного яйца — по моему, конечно, мнению, скромному и ни для кого не обязательному».

Итак, в защиту рубящего оружия указывают: 1) употребление этого оружия конницей восточных народов, выставлявших лучшую естественную кавалерию, и 2) привычку или склонность русского народа к этого рода оружию.

Но кроме этих двух обстоятельств, в защиту рубящего орудия, по нашему мнению, необходимо еще указать 3) на одно громадное преимущество кривой шашки перед палашом, а именно больший круг ее действия, что имеет большее значение, в особенности для кавалеристов.

Палашный клинок имеет круг действий — линию — острие на длину пути, проходимую им при уколе, шашка же имеет круг действий — площадь — длина шашки на длину пути, проходимую при размахе. Может быть, в этом-то и заключается нравственное преимущество сабли перед палашом и причина, почему народы Востока предпочли рубящее оружие.

Не будучи специалистом этого дела, мы воздержимся поэтому от окончательного вывода в пользу того или другого рода оружия.

Мы укажем здесь лишь на следующее: 1) хотя, по мнению некоторых, вопрос о преимуществах колющего оружия перед рубящим в настоящее время уже выяснен, но, однако, нам кажется, что он и теперь остается вполне открытым, так как в защиту рубящего оружия говорят далеко не малые его преимущества, да в противном случае было бы абсурдом и само требование, чтобы оружие нашей

кавалерии было бы и рубящим, и колющим, когда известно, что такое оружие должно ослабить колющие его свойства; 2) если бы действительно были выяснены преимущества укола перед ударом, то в таком случае и следует отказаться от всяких полумер вроде шашки обр. 1881 г. и вроде вновь предлагаемых в брошюре «Рубка и фехтование» и дать нашей кавалерии ничем не испорченный палашный клинок и 3) хотя шашка обр. 1881 г., предварительно введения ее в войска и получила войсковое испытание и при этом, несмотря на свои смешанные свойства, приспособленные как для рубки, так и для укола, оказалась лучшей по сравнению с оружием как специально рубящим — нашими легкокавалерийскими саблями, так и специально колющим — кирасирскими палашами, но, однако, не следует забывать, что прежние образцы нашего холодного оружия были крайне неудовлетворительны — палаши наши отличались своей крайней тяжестью, а легкокавалерийские сабли — неуклюжими, неудобными рукоятями, и как те, так и другие — несимметричными гардами.

На каком бы образце *клинка* ни остановились при новом перевооружении — на специально рубящем, колющем или смешанном типе, — нам кажется, что на первый план следовало бы поставить желательность: 1) несколько более легкого клинка по сравнению с клинком шашки обр. 1881 г. для возможности более удобного владения оружием нашими малорослыми армейскими драгунами; 2) перенесения центра тяжести несколько ближе к эфесу для более свободного владения оружием и 3) установления клинков в несколько размеров сообразно росту нижних чинов.

Интересно отметить, что при валовом изготовлении клинков к шашкам обр. 1881 г. Златоустовская оружейная фабрика в видах удешевления оружия ходатайствовала о разрешении готовить ей клинки разной длины (т.е. расширить допуски на длину клинка). Однако фабрике было в этом отказано. Необходимо отметить, что раз пригонка одежды не встречает особых затруднений, то и пригонка оружия сообразно росту и силе людей также явится вполне возможной.

Не признавая, чтобы холодное оружие в современных войнах играло бы большую роль на полях сражений, а потому и считая, что в вопросах перевооружения холодным оружием экономическая сторона должна стоять не на последнем плане, мы тем не менее полагаем, что снабжение нашей кавалерии более удобным и действительным оружием представляется желательным.

Переходя затем к ныне принятой *ножне шашек обр. 1881 г.*, необходимо указать, что двадцатилетний срок их службы достаточно выяснил их недостатки. Непрочность ножен требует частого ремонтирования и замены их новыми. Попытка заменить кожу резиной привела к неудовлетворительным результатам. Всякие чехлы и обматывание их тряпками также не достигают вполне своей цели и притом портят вид шашек. По сведениям, собранным Штабом Генерал-инспектора кавалерии, в год в каждом полку приходит в негодность около 150 ножен.

Естественно, что при таком положении дела приходится вновь подумать о переходе к металлическим. Подполковник Олсуфьев в своей книжке «Рубка и фехтование» высказывает, что теперь

дознано, что лучшие ножны — металлические. Но такие ножны, в свою очередь, обладают довольно важными недостатками, среди них необходимо отметить: 1) значительно большая их тяжесть (при крайней желательности и без того облегчить вьюк, носимый верховой лошадью); 2) металлические ножны тупят лезвие; 3) при движении они вызывают шум и бряцание оружия; 4) они могут гнуться, получать помятости, что при значительном повреждении затруднит обнажение оружия.

Вопрос о дороговизне мы пропускаем, так как деревянные ножны при частом ремонте их обойдутся в конце концов дороже металлических.

Ввиду таких недостатков введение металлических ножен вряд ли желательно — и в настоящее время представляется наиболее целесообразным попытаться заменить чем-либо другим кожаную оболочку деревянных ножен. В этом отношении заслуживает большого внимания предложение покрывать ножны черной жестью — материалом дешевым и притом легким. Сохраняя все выгоды деревянных ножен, новая оболочка устранит вместе с тем и непрочность ныне принятой кожи. Предложение это нельзя назвать совершенно новым, так как войска и ранее прибегали к жести, пользуясь ею для ремонтирования потертых мест на своих ножнах.

В настоящее время Оружейным Отделом Артиллерийского Комитета уже намечены испытания таких ножен в большом размере.

Кроме того, крайне желательно было бы испытать также ножны из одной твердой подошвенной кожи, которые также могут представиться более полезными, чем ножны металлические.

Относительно ножен необходимо, кроме того, указать на крайне неудобный способ носки штыка при шашке.

Способ этот вызывает следующие неудобства:

1) на галопе, карьере, а также при преодолении различных препятствий шашка часто перекидывается через круп лошади, причем штык выпадает из гнезд ножен;

2) по команде «Шашки вон» или «К бою» темляк задевает за шейку штыка, который и выскакивает из своих гнезд;

3) грань штыка в сомкнутом строю при стеснении причиняет сильную боль ноге и колену всаднику слева;

4) вес штыка на шашке более чувствителен, чем на хорошо пригнанной винтовке за спиной.

Ввиду таких неудобств подполковником Олсуфьевым (Инструктор фехтования и вольтижировки в Офицерской Кавалерийской школе) был предложен способ носки штыка при винтовке; для этого с правой ее стороны к кольцам были приделаны особые приспособления, в которые и входил штык. Приспособления эти заключались в том, что верхнее кольцо имело прилив с отверстием по форме четырехгранного сечения штыка, в него вкладывалась верхняя часть штыка, нижнее же кольцо было снабжено особым наконечником для острия штыкового лезвия. Сама идея способа носки штыка при винтовке заслуживает самого полного внимания, так как винтовка, находящаяся за спиной всадника на погонном ремне, естественно, подвергается меньшим движениям, нежели свободно висящая сбоку шашка, но выполнение самой идеи помощью колец с приливом и наконеч-

ником, причем штык держится только трением, вряд ли может быть принято. В этом отношении более практичны и надежны предложения оружейного мастера Зубовича, предположенные Оружейным Отделом Артиллерийского Комитета также к испытанию в войсковых частях.

У него штык вкладывается не в приливы к кольцам, которые при усушке дерева могут иметь некоторое движение, а в особые медные гайки-вкладыши. При первом предложенном им приспособлении для помещения конца лезвия штыка с правой стороны ложи в верхнем конце ее выема (для удобства держания винтовки) прикрепляется винтом особый наконечник (№ 1), для прикрепления же верхнего конца лезвия в верхнюю щель для погонного ремня помещается вкладыш (№ 2), в четырехгранное отверстие которого и вставляется штык. Вкладыш этот удерживается на своем месте тем, что сквозь щель и вокруг вкладыша обхватывается погонный ремень, конец которого и застегивается на выступающую пуговку вкладыша. Наконец, для устранения выскакивания штыка вверх к верхнему кольцу припаивается особая задержка (№ 3).

Для помещения штыка при втором приспособлении с правой стороны винтовки прикрепляется штыковая ножна, причем нижний наконечник первого приспособления № 1 зашивается в конец штыковой ножны и прикрепляется таким же образом, как и при первом способе.

Верхний конец штыковой ножны прикрепляется погонным ремнем, который обхватывает в этом месте ножну и застегивается на ее выступающей пуговке. Для более плотного прилегания штыка в

конце ножны приспособлена особая пружинка, нажимающая на штык. Для устранения же возможности выскакивания штыка вверх служит задержка, как и при первом приспособлении.

Испытания этих приспособлений производятся, и надо думать, что они устранят неудобства ныне принятого способа носки штыка в гайках шашечных ножен.

Относительно ножен наших шашек необходимо, кроме того, указать, как на деталь, на желательность особой гравки к наконечнику наподобие принятых к изготовляемым в настоящее время офицерским шашкам для предохранения дна наконечника от протирания, а вследствие этого и заржавления конца клинка.

По вопросу о пике в нашей кавалерии

«Пика — царица холодного оружия».

(Монтекукулли)

«Кто обременяет себя подобным дреколием (пикой), тот в конце концов достигает одного результата, именно: бывает постоянно и нещадно бит».

(Драгомиров. 14 лет)

В истории оружия пика претерпевает едва ли не *самую удивительную роль* — она то появляется на вооружении, то вновь исчезает то у одного, то у другого народа. Она была в большом распространении у кавалерии древних народов, в Средние ве-

ка она была главным оружием рыцарей, вновь стала распространяться в первую половину прошедшего столетия после Наполеоновских войн, а затем вновь наступил период ее упадка и новое распространение в конце столетия у немцев.

У нас вскоре после Русско-Турецкой войны 1877 — 1878 гг. в 1882 г. произошла, как известно, коренная реорганизация нашей кавалерии, при которой вся наша регулярная конница была превращена в драгунскую, причем пики, которые были до этого времени у кирасирских и уланских полков, были изъяты из вооружения и оставлены лишь у гвардейских частей и то на мирное время. Около того же времени в казачьих полках пики были оставлены лишь в первой шеренге всех казачьих войск, кроме кавказских казаков, которым пики вовсе не полагались.

Снятие с вооружения пики отчасти объясняется опытом войны 1877 — 1878 гг., где роль пики была прямо ничтожна; нашей коннице почти вовсе не приходилось производить сомкнутых атак, а между тем при несении разведывательной службы, а также при частом спешивании, что объяснялось большим значением, которое придавалось огню, пика была не только излишней, но и обременительной.

Между тем, несмотря на опыт войны 1877 — 1878 гг. и решение, принятое нашей армией, Германия в 1882 г., т.е. всего спустя 7 лет после реорганизации нашей кавалерии, принимает пику на вооружение всей своей конницы и притом в обеих шеренгах.

В течение 15-летнего употребления пик в германской кавалерии взгляды на пику в этой армии

надо считать установившимися, тогда как в других государствах этот вопрос не перестает всесторонне обсуждаться.

Во Франции уланские пиконосные полки в 1875 г. были переформированы в драгунские без пик; однако уже в 1887 г. по инициативе генерала Галифе был вновь возбужден вопрос о вооружении пикой некоторых драгунских полков. Во время Англо-Бурской войны от английской кавалерии пики были вовсе отобраны.

Вопрос о пике вызвал большую полемику в нашей периодической литературе. Масса статей на страницах наших военных журналов, а также капитальных трудов по вопросу о пике появилась за последнее время. Достаточно отметить статьи Драгомирова, Сухотина, Сухомлинова, труд Зубарева «Опыт исторического исследования законов специально колющего оружия», полковника Де-Витта «Конница — вооружение и владение оружием» Immanuel — die Lanze als waffen der Recterei, брошюра австрийской службы капитана фон Кцерлиен «die Lanze als waffen der Kawalerie» и др.

При этом необходимо отметить, что ни об одном оружии кавалерии не было столько *разноречивых и совершенно противоположных взглядов.*

Известный Монтекукулли говорил, что «пика — это царица холодного оружия». Г. Драгомиров в своей статье о холодном оружии относительно пики высказывает, что «кто обременяет себя подобным дреколием, тот в конце концов достигает одного результата, именно: бывает постоянно и нещадно бит; доказательство этому дали еще римляне, вооруженные мечами, сравнительно короткими, и бившие во всех столкновениях греков, у

которых первые 8 шеренг были вооружены пиками настолько длинными, что пики восьмой шеренги должны были иметь не менее десяти аршин, чтобы выступать за переднюю. Уж чего кажется грознее и неодолимее: перед строем целая щетина в 8 рядов. И она не останавливала римлян, и греки давали тыл...»[138].

Напротив того, Генерал Кульгачев высказывается решительным сторонником пики. «Пика — оружие колющее, — говорит он, — и имеет все преимущества этого оружия, заключающиеся в краткости удара, для которого достаточно одного движения вперед в один темп; благодаря этому пика всегда предупредит удар сабли и вообще рубящего оружия, которое для производства удара требует два темпа: взмах и удар. Ввиду того что столкновение двух встречных частей, если они окажутся к тому способными, произойдет мгновенно, удар всегда будет на стороне пики. Здесь-то и кроется могущество пики»[139].

Граф Бисмарк — один из известнейших генералов Виртембергской службы времен Наполеона — говорит, что «во время французских походов в Испании маршал Бессиер вооружил длинными пиками 6 эскадронов отборных жандармов. Это войско оказывало французской армии величайшие услуги, оно отражало при каждой встрече нападения конных гверильясов, с блистательными успехами действовало в натисках на неприятельскую пехоту и во время отступления французских войск с полуострова покрыло себя бессмертной славой. Английская пехота под предводительством герцога Веллингтона страшилась только всадников, вооруженных пиками». «Длинная пика, — говорит далее

тот же писатель, — в сомкнутом строе дает коннице возможность с успехом производить удары на пехоту. По сим причинам желательно, чтобы кавалерия, сражающаяся стеной, а в особенности резервные кавалерийские корпуса, сберегаемые для решительного удара в генеральном сражении, вооружены были пиками»[140].

Г. Сухотин в своей заметке, помещенной в «Разведчике» за 1890 г. № 22, высказывается следующим категорическим образом относительно пики:

«Залог атаки — удара — и успеха ее в душе человека, в его решимости, в чувстве самоотвержения; для удара необходима охота и решимость сойтись с врагом грудь о грудь. Вот почему представителем шока удара всегда и везде был короткий меч с его разновидностями — палаш, сабля. Пика в вооружении подсказана совсем другим чувством, а именно чувством самосохранения, стремлением обезвредить врага и удержать его подальше от себя. Единоборство меча и пики несомненно приведет к победе меча над пикой».

Совершенно противоположным образом высказывается Зубарев в заключении своего подробнейшего труда:

«Пика в настоящем ее виде — это венец сконцентрирования истинно кавалерийского духа, последняя стадия исторического развития регулярной конницы (польские гусары, наполеоновские chevaux legérs'ы и пр.). Пика в этом смысле является как бы истинным показателем высшей точки развития и совершенства данной конницы: с шашкой, плохо ли, хорошо ли, может управиться всякая, даже последнеразрядная конница (американские милиции), с пикой же — далеко нет.

Это оружие, требуя от конницы лучшего ее состояния, делает чудеса только в таком случае, когда конница вполне удовлетворяет своему истинному (природному) назначению, и является лишней обузой, оружием труса, помехой и всем, чем хотите, когда конница поступилась своими лучшими качествами наездничества, увлеклась стрельбой, фехтованием, остановками из-за пустяков».

Тот же автор высказывает в другом месте:

«У нас есть свое прошлое, своя история. И если мы заглянем в эту историю простым, беспристрастным, никакими посторонними образцами не затуманенным взглядом, то увидим, что искомое нами универсальное оружие для создаваемой у нас универсальной конницы готово уже давно; оно помечено нам нашей же естественной конницей еще в конце прошлого и в начале нынешнего столетий, успев пустить более или менее глубокие корни и в нашу регулярную конницу, где, просуществовав около полустолетия, как-то вдруг, — по мотивам, навеянным с Запада и потому отражающим в себе дух одной только рыцарской пики, — исчезло.

Вернуть пику — это веками намеченное нам оружие — в ряды нашей конницы — наш долг».

История пики — ее периодическое появление и исчезновение с вооружения войск — и объясняется теми разноречивыми взглядами, которые приняты относительно этого рода оружия.

Затронув вопрос о пике, нам кажется необходимым для полноты нашего труда несколько подробнее ознакомиться с теми доводами и указаниями, которые приводят *защитники и противники пиконосной кавалерии.*

1) Моральное значение пики признается почти

всеми: «Моральная сторона войск, — говорит полковник Де-Витт в своем труде «Конница — ее вооружение и владение оружием», — имеет весьма важное значение — уверенность в своем превосходстве над врагом занимает одно из первых мест. В этом отношении пике приписывают именно то качество, что она подымает моральную сторону войск, ею вооруженных: грозный вид ряда копий, которые торчат впереди развернутого строя, несущегося на врага, опасение получить укол пикой ранее, чем сам поразишь шашкой пикинера, сознание того, что раны хорошо направленной пики крайне тяжелы, ибо пикой можно пробить противника насквозь — все это должно произвести тяжелое впечатление на противника, пики не имеющего».

2) При отступлении пикинер после рукопашной схватки благодаря пике приобретает возможность не допускать победителя с более коротким оружием, добить его; размахами пики и угрозами ударить пикой назад, а иногда и самим ударом, пикинер может не допустить своего противника приблизиться к нему.

Против пики указывают 1) на то, что она может быть полезна в бою лишь в исключительных случаях, а именно лишь при атаке в сомкнутом строю, — а между тем сомкнутые атаки в настоящее время встречаются крайне редко. Русско-Турецкая война дала слишком мало таких примеров, в настоящую кампанию за много месяцев войны можно отметить лишь одно, да и то крайне незначительное дело под Вафангоу — атака наших сибирских казаков на японский эскадрон.

Развитие и усовершенствование огнестрельного оружия крайне стеснило в настоящее время производство таких атак. «В настоящее время ни современное состояние оружия (дальнобойное, магазинное), ни характер ведения боя (местность закрытая, пересеченная) не способствуют успехам кавалерийских атак; значение этих атак ничтожно, а исполнение обставлено такими непреоборимыми затруднениями, и результаты сопровождаются такими потерями, что применение их встречается крайне редко. Из трех главнейших элементов деятельности кавалерии: огонь, удар и маневрирование — наибольшее предпочтение должно быть отдано огню и маневрированию»[141]. Атака сибирских казаков под Вафангоу была остановлена огнем японских пулеметов.

Против пики указывают, что 2) условия местности в значительной степени ограничивают действие пикой. Местность лесистая, пересеченная, покрытая кустарником, затрудняет действие пикой, но необходимо указать, что такая местность и вообще стесняет действия конницы, производство ею сомкнутых атак и владение холодным оружием. Этим объясняется, почему наши степные казаки, где можно удобно действовать пикой, — сохранили ее, кавказские же казаки отказались от пики, живя в местности горной и пересеченной.

3) Пика является излишней при несении некоторых видов службы. Являясь полезной лишь при сомкнутых атаках, пика во всех других действиях конницы является обузой для кавалерии ввиду своей тяжести и длины; при несении разведывательной службы, сторожевой, ординарческой,

на постах, на летучей почте пика совершенно не нужна.

4) Пика затрудняет обучение конницы; при обширности современных требований от кавалерии обучение ее сопряжено с большими трудностями — обучить кавалериста хорошо и смело ездить и управлять лошадью, стрелять и сберегать свою винтовку, наконец, владеть шашкой — все это требует много труда и времени, а потому введение нового предмета в ее обучение вряд ли желательно, между тем для ловкого владения пикой в бою, а именно для того, чтобы правильно направить пику, нанести ею сильный удар, выхватить ее из раны, в случае необходимости вставить ее в бушмат и взяться за шашку — все это требует весьма основательного и долгого обучения.

Для того чтобы хорошо владеть пикой, необходимо вместе с тем хорошо ездить верхом, а вместе с тем иметь и хорошо выезженную и притом сильную лошадь.

Необходимо притом отметить, что всадники, вооруженные пиками, имеют, кроме того, еще и шашки — выучить прекрасно владеть и тем, и другим оружием, в особенности при малых сроках службы, представляет собою задачу, конечно, далеко не легко исполнимую.

Из всех армий наиболее основательное обучение владению пикой, по-видимому, введено в германской кавалерии. Весьма подробное наставление для обучения владеть пикой, принятое в этой кавалерии, переведено на русский язык и выпущено у нас отдельным изданием полковником Де Виттом. Интересующиеся этим вопросом найдут в

нем все необходимые сведения — о приемах пикой, об уколах, переводах, об упражнениях — для развития ловкости людей, о правилах ведения боя пикой в пешем и конном строю, описание чучел для упражнений и др.

В подтверждение того, что пика требует весьма основательного обучения, могут служить примером неудачные действия нашей кавалерии против польских мятежников в 1831 году. Как видно из сохранившегося дела Главного Артиллерийского Управления, наша конница (некоторые гусарские, кирасирские и конно-егерские дивизии) получила пики только перед самой войной. Главнокомандующий действующей армии, получив известие из-за границы, что вся польская кавалерия вооружилась пиками, признал необходимым снабдить пиками и наши конные части. Последовали, как это всегда бывает, «самоскорейшие», «самонужнейшие» отношения и приказания — и из наших арсеналов пики были выданы и поступили на вооружение. Но в деле при Сточеке 1831 г. наши конноегеря, не умея владеть своим оружием, понесли поражение от польских улан.

5) Противники пики указывают, кроме того, что она обременяет всадника:

вес нашей казачьей пики . . . . 6 ф.[142]
вес нашей прежней казачьей пики . . 6 ф. 48 з.
вес немецкой пики . . . . 5 ф. 58 з.
вес французской пики . . . . 4 ф. 60 з.

На лошадях плохих или уже изнуренных продолжительной кампанией, где каждый фунт груза лошади имеет громадное значение, пика, употребление которой может явиться лишь в редких слу-

чаях при сомкнутых атаках, возбуждает большое сомнение в целесообразности вооружения. История дает немало примеров, что многим кавалериям, вооруженным пиками, пришлось бросить во время кампании это оружие, на которое до войны возлагалось столько надежды.

6) Пика стесняет всадника; висящая за плечом во время походных движений, она представляет некоторые неудобства для всадников; во время рукопашного боя — за исключением сомкнутой атаки — длинная пика, требующая много места для своего действия, является большой помехой, короткая и легкая шашка, которой можно наносить удары во все стороны, не требующая большого простора, в данном случае незаменима. После первого сомкнутого удара в период, когда кавалерийский бой распадается на столкновения отдельных групп перемешавшихся между собою всадников, — очевидно полезнее, отбросив пику за плечо, выхватить шашку.

7) Пика уменьшает число спешивающихся всадников — это замечание относится лишь к тому случаю, когда коноводы должны быть подвижны; при этом невыгодно передавать каждому коноводу более одной лошади и одной пики, так как в противном случае ему затруднительно было бы маневрировать и передвигаться вместе со своим конем и оружием. Вследствие этого германская кавалерия спешивает лишь одну половину людей для пешего боя, тогда как наша — спешивает 2/3; у наших казаков спешивание осталось как и у драгун — каждый коновод берет поводья еще от двух лошадей, а две пики надевает петлями на ступню правой ноги

и темляки — на правую руку и отбрасывает пики за плечо. При спешивании же, когда от коноводов не требуется подвижности, пики не оказывают влияния на число спешенных всадников, так как они втыкаются или кладутся на землю.

Рассматривая все вышесказанное, необходимо отметить, что хотя пика при атаке кавалерии сомкнутым строем и представляет значительные и бесспорные преимущества по сравнению с коротким оружием — саблями или палашами, но, однако, и невыгоды пики настолько существенны, что вопрос о вооружении пикой, как показывает история, никогда не мог быть решен окончательно в том или другом смысле.

На чашке весов то перевешивают преимущества пики, то, наоборот, ее недостатки и невыгоды, и это оружие то появляется, то вновь исчезает с вооружения конницы. Необходимо при этом отметить, что та же история не дает оснований высказать, что с принятием на вооружение пики и совпадает славное время боевой деятельности кавалерии.

Этим и объясняется, что этот вопрос решен в различных армиях совершенно различно.

Нашей регулярной кавалерии бывшая у ней на вооружении пика особенной пользы не принесла, а потому при ее перевооружении в 1882 году решено было от пики отказаться, оставив ее лишь в некоторых полках гвардейской кавалерии, и то на мирное время.

Казакам же, за исключением кавказских, пика была оставлена как их традиционное оружие, с которым они действовали с успехом в прежних войнах.

О вооружении прислуги полевой артиллерии[143]

«...Шашка, как оружие для защиты, хотя слабое, но все же удобнее и полезнее тесака, который ни к чему не служит...»

(Донесение 12-й артиллерийской бригады в 1867 г.)

Снабжение полевой артиллерии новою материальной частью, допускающей возможность весьма скорой стрельбы, выдвинуло вновь вопрос о перевооружении прислуги полевой артиллерии новым холодным оружием. Естественно, что скорострельность новых орудий требует от прислуги и большого напряжения, и быстроты действий как при самой стрельбе, так и при переходах от походного порядка к боевому и обратно. Между тем ныне принятая у нижних чинов артиллерийская шашка стесняет их и затрудняет быстроту действий как при стрельбе, так и при отъездах и подъездах.

Вопрос о замене шашки был поднят еще в 1891 году, когда при Главном Артиллерийском Управлении была образована особая комиссия из строевых артиллерийских начальников для рассмотрения вопроса об изменении оружия нижних чинов полевой артиллерии. Эта комиссия пришла к заключению, что артиллерийские шашки крайне неудобны, так как, с одной стороны, мешают прислуге как садиться на лафет, передок и зарядный ящик, так и соскакивать с них, а с другой стороны,

не могут служить серьезным оружием для самообороны. Ввиду этого, комиссия высказалась за необходимость отказаться от шашки и дать прислуге новое оружие, причем остановились на револьвере и кинжале.

В 1898 году ввиду поступления от строевых начальников новых донесений относительно непригодности артиллерийской шашки, вопрос этот вновь был поднят и передан на рассмотрение вновь составленной комиссии.

Комиссия эта также высказалась за отмену шашки, найдя, что артиллерийская шашка существующего образца, не представляя из себя хорошего оружия самозащиты, в то же время чрезвычайно мешает прислуге при действиях ее при орудиях, бывает причиной падения людей, ломается, попадая при посадке на передки между спицами колес, и т.д. С другой стороны, комиссия признала, что пешему артиллеристу необходимо холодное оружие для производства некоторых работ в поле на позициях, как-то: для приготовления фашин, устройства бивака, наконец, в случае надобности перерубить постромки или перерезать ремни и веревки. Бывший прежде на вооружении пешей артиллерии тесак отчасти и выполнял это назначение; заменившая же его шашка хотя и служит для тех же целей, но вследствие своего устройства не настолько удобна в этом отношении.

Наилучшим образцом оружия для самообороны комиссия признала револьвер как в силу скорости стрельбы, так и по разрушительности его действия; что же касается наилучшего типа холодного оружия, которое соответствовало бы вышеперечисленным работам, то признано было возмож-

ным присоединиться к решению первой комиссии, избравшей для этой цели кинжал.

На основании приказания бывшего Военного Министра генерал-адъютанта Куропаткина относительно постановления комиссии было запрошено заключение командующих войсками в округах (9) и командиров корпусов (24).

При рассмотрении доставленных заключений необходимо отметить 3 вопроса:

1. Об изъятии шашки.

2. О вооружении кинжалом.

3. О вооружении револьвером.

По первому вопросу артиллерийская шашка существующего образца была признана вовсе не удовлетворяющей своему назначению 30 голосами из 33. Мнения же трех голосов, высказавшихся за сохранение шашки, сводятся к тому, что хотя шашка иногда и мешает прислуге, действующей при орудиях, но что ей следует отдать предпочтение как оружию для самообороны перед кинжалом при борьбе с противником, вооруженным саблей или ружьем со штыком; при этом один из командиров корпусов предлагал возить шашки на лафете для того, чтобы они не так стесняли бы номеров при действии при орудиях и вместе с тем были бы под рукой в случае атаки на батарею.

2) За принятие на вооружение артиллерии кинжала высказались 25 голосов из 33, остальные же 8 высказались против ввиду следующих соображений:

Они указывали, что употребление кинжала хотя и не требует особого уменья, но не свойственно уроженцам России, кроме Кавказа; ввиду этого, предлагалось заменить это оружие легкими топо-

рами; такое оружие представляло бы следующие выгоды: а) топоры — оружие вполне знакомое и свойственное нижним чинам; б) употребление его для рубки хвороста, при вязке фашин и туров, устройстве переходов, мостов и др. работах и как оружия для самозащиты несомненно более успешно по сравнению с кинжалом. Некоторые командиры корпусов предлагали заменить шашку не кинжалом, но тесаком, у которого одна сторона имела бы вид пилы, так как такое оружие было бы более пригодно для выполнения разных работ на биваке, позиции и т.п. Наконец, указывали, что кинжал для самообороны против вооруженного противника мало пригоден и заменить возимый в батареях шанцевый инструмент при работах на позиции и биваке также не может.

При этом следует отметить, что одновременно некоторые командующие войсками в округах и командиры корпусов указывали на необходимость замены шашек кинжалами и у ездовых, мотивируя тем, что ездовые, имея в обеих руках поводья для управления парою лошадей и нагайку, находятся в таком положении, что не только не могут действовать оружием, но даже не могут поправить шашку, если она легла неудобно. Допустив даже, что в минуту опасности, передав повод в одну руку, ездовой и освободит другую руку для действия оружием, он едва ли будет иметь время пустить в ход и шашку, и револьвер, и для него вполне будет достаточно кинжала, тем более что он удобен для перерубания постромок, ремней и пр. Кроме того, признавалось желательным вооружить ездовых кинжалами еще и потому, что в этом случае удобнее производить замену и пополнение ездовых

прочими нижними чинами батареи и на вооружении батареи будет холодное оружие лишь двух образцов (драгунская шашка и кинжал), а не трех.

3) За введение на вооружение револьвера высказались всего 28 голосов из 33. Против принятия револьвера было высказано, что употреблять револьвер прислуга не может, покамест неприятель не насядет на орудия, так как до последней возможности артиллерия должна действовать из орудий, а когда неприятель будет на батарее, то стрелять из револьвера будет уже поздно. Указывалось, что орудийная прислуга в решительный момент может обратиться для самозащиты к револьверу вместо того, чтобы действовать из своих орудий.

По представлении Главным Артиллерийским Управлением доклада[144] с заключениями командующих войсками и командиров корпусов Военный Министр положил следующую резолюцию: «Возражения против кинжала и револьвера серьезны. Желательно подробнее исследовать возможность улучшить холодное оружие для артиллеристов. Надо изучать иностранные образцы. Пока же довольствоваться настоящим вооружением».

Ввиду этого, были собраны сведения о вооружении нижних чинов артиллерии в иностранных армиях, выписаны некоторые образцы их вооружения, причем наибольшее внимание обратил на себя тесак итальянской артиллерии. Таких тесаков было заказано 325, таких же, но укороченных также — 325, и по стольку же кинжалов терских и кубанских. По изготовлении все эти образцы были переданы на испытание в 13 батарей по 25 в каж-

дую каждого сорта; кроме того, были испытаны бебуты — искривленные кинжалы.

Наконец, с целью испытания в большем размере прислуге всех вновь сформированных в настоящую войну с Японией горных батарей были выданы кинжалы Кавказского казачьего войска. Что касается конной артиллерии, то решено испытать возку шашек, притороченных к седлам.

В таком положении находится в настоящее время вопрос о перевооружении прислуги полевой артиллерии.

Обращаясь к рассмотрению вооружения нижних чинов артиллерии *в других государствах,* необходимо отметить следующее.

Во Франции: унтер-офицеры, трубачи, ефрейторы, ездовые и нестроевые имеют на вооружении в батареях ездящей артиллерии легкокавалерийские сабли (обр. 1882 г.) и револьверы (обр. 1890 года), орудийная прислуга — укороченные винтовки со штыком.

В Германии: в ездящей артиллерии ездовые имеют артиллерийские сабли и револьверы, а прочие нижние чины — длинные артиллерийские тесаки и револьверы.

В Австрии: фейерверкеры и трубачи снабжены кавалерийскими саблями, а прочие нижние чины пионерными саблями и укороченными винтовками.

В Италии: конные унтер-офицеры, ефрейторы и трубачи вооружены артиллерийскими саблями и револьверами. Орудийная же прислуга имеет особые длинные ножи.

В Англии: унтер-офицерам присвоены кавалерийские сабли, всем же прочим нижним чинам,

кроме ездовых, — тесаки. Сверх того, на каждую пешую батарею содержится по 12 карабинов (в Индии по 24) для караульной службы.

В Северо-Американских Соединенных Штатах: все нижние чины полевой артиллерии имеют револьверы, а унтер-офицеры, сверх того, и сабли, отличающиеся от кавалерийской лишь кривизной.

В настоящее время в артиллерии Соединенных Штатов испытываются автоматические пистолеты системы Люгера, которыми и предположено вооружить артиллеристов.

Таким образом, в вооружении нижних чинов полевой артиллерии резко отличаются две группы — *конные нижние чины:* фельдфебеля, фейерверкеры, трубачи и разведчики имеют саблю или шашку и револьвер, причем вооружение этих нижних чинов признается всюду отвечающим своему назначению. Что касается *орудийной прислуги,* то вопрос этот решен в различных государствах различно, необходимо лишь отметить тот факт, что в армиях почти всех первостепенных держав (кроме Италии и России) прислуге придают и огнестрельное оружие — будь то винтовка или револьвер.

У нас, как это нами указано ранее, за вооружение прислуги револьвером высказались 28 голосов из 33. При современной силе огня при принятии, например, автоматических пистолетов такое оружие принесет, конечно, незаменимую пользу.

В заключение нам кажется необходимым обратиться теперь *к рассмотрению мнений,* как изложенных нами выше, так и высказанных по данному вопросу на страницах периодической литературы.

Прежде всего необходимо указать на тот факт, что для вооружения нижних чинов полевой артиллерии предлагаются самые разнообразные образцы как огнестрельного, так и холодного оружия; предлагаются кинжалы, тесаки обоюдоострые и с пилой на обухе; особые мечи полковника Перекрестова, бебуты, т.е. кривые кинжалы, топоры и шашки; из огнестрельного — винтовки, карабины и револьверы. Для того чтобы дополнить всю коллекцию оружия, остается, кажется, предложить лишь только одну пику, но при этом необходимо отметить, что были предложения и в подобном роде, а именно предлагалось заострить с обеих сторон вехи и банники, чтобы прислуга могла отбиваться при атаке на батарею таким оружием.

А между тем каждое из этих предложений имеет за собой некоторые основания и каждое в своем роде и в данных условиях обстановки могло бы принести незаменимую пользу.

Этот факт наглядно показывает, насколько разнообразны требования, которые предъявляются к вооружению артиллерийской прислуги: желают, чтобы оружие и не стесняло нижнего чина и вместе с тем представляло бы из себя серьезное оружие для самообороны, чтобы оно действовало без отказа, чтобы им можно было воспользоваться в различных условиях бивачной и походной жизни и т.д., а найти такое универсальное оружие, конечно, довольно затруднительно.

Считают, что главное неудобство шашки — это то, что она стесняет прислугу при стрельбе, при действии при орудиях и предлагают винтовки или карабины, обучение действовать из которых явно

нанесет ущерб артиллерийскому делу и еще более прислуге орудий.

А между тем защитники карабина весьма правильно указывают на беззащитность артиллерии при различных поручаемых ей самостоятельных действиях, так, например, при отправлении отдельных команд на фуражировки, командировки полицейского характера и т.п., когда артиллеристы, снабженные лишь одним холодным оружием, могут очутиться в совершенно беззащитном положении при появлении противника, вооруженного винтовками.

Считают, что артиллерийская шашка не принесет серьезной пользы при самообороне от атакующей батарею пехоты или кавалерии, и вместе с тем предлагают укороченный тесак, годный разве только для того, чтоб им пользоваться для бивачной жизни.

А между тем последнее предложение имеет за собой много оснований, так как при атаке батареи и пехотой, и кавалерией орудийной прислуге, каким бы оружием она ни была вооружена, вряд ли удастся отразить нападение противника, она может лишь дорого продать свою жизнь, а потому гораздо целесообразнее дать ей такое оружие, которое принесло бы существенную пользу в различных обстоятельствах бивачной и походной жизни, нисколько притом не стесняя прислугу и давая вместе с тем возможность защищаться от наседающего противника.

Лучшим оружием при таком взгляде, конечно, является укороченный тесак.

Наконец, защитники современного вооружения — артиллерийской шашки — указывают на

необходимость дать артиллерийской прислуге оружие, которым она могла бы, во всяком случае, с лучшим успехом защитить свою жизнь, чем вновь предлагаемым тесаком, и которое действовало бы без отказа, т.е. не имело бы недостатка револьвера, совершенно ненужного после израсходования барабана, и вместе с тем оружие не столь стеснительное, каким являются вновь предлагаемые карабины.

Поэтому при обсуждении вопроса о более целесообразном вооружении нам кажется необходимым прежде всего выяснить те требования, которые бы могли быть предъявлены к оружию артиллерийской прислуги, и, что самое главное, поставить эти требования в строгом порядке по их сравнительной важности и необходимости.

Назначение артиллерии есть стрельба, и с этой точки зрения, по нашему мнению, и должны быть поставлены главные условия, удовлетворяющие лучшему вооружению нижних чинов артиллерии. Если современная шашка стесняет прислугу, если она хоть несколько мешает удобству действий номеров при стрельбе, при соскакивании с сидений, при снятии орудий с передков для быстрого открытия огня по противнику, то от нее следует отказаться, так как она не удовлетворяет самому главному условию, требуемому от оружия для артиллерийской прислуги.

Далее почти все сходятся к мысли, что вооружение артиллерийской прислуги есть только уступка человеческой слабости, служащее лишь для успокоения номеров, что при нападении на них противника они не будут совершенно беззащитны и сумеют хотя дорого продать свою жизнь.

Для этого спокойствия, этого необходимого условия успешных как всякого рода военных, а тем более артиллерийских действий, прислуге необходимо оружие, которому бы она верила и с которым притом она умела бы обращаться.

Третьим условием, по нашему мнению, есть требование от оружия доставлять некоторые удобства при различных условиях бивачной и походной жизни.

В-четвертых, самозащита артиллерии при различных выполняемых ею самостоятельных командировках, фуражировках и т.п., когда противник является вооруженный ручным огнестрельным оружием.

И в-пятых, выгоды оружия в условиях службы мирного времени.

Все предлагаемые до сего времени образцы вооружения для артиллерийской прислуги можно отнести к четырем категориям (при этом мы не будем принимать во внимание фейерверкеров, трубачей и разведчиков, для которых условия службы несколько иные и для которых почти во всех армиях назначено другое оружие, чем для прислуги, а также опускаем некоторые предложения, которые имеют за собой слишком мало сторонников).

1) Современное оружие — артиллерийская шашка.

2) Револьвер.

3) Тесак или кинжал, бебут и т.п. образцы.

4) Карабин или винтовка.

Относительно первого условия артиллерийская шашка не может быть названа удовлетворяющей своему назначению — донесения всех командующих войсками и командиров корпусов, а также

различные мнения, высказанные в печати, сводятся к тому, что шашка стесняет прислугу орудий как при стрельбе на позиции, так и при переходе от походного порядка к боевому и обратно. Еще более стеснит карабин или винтовка в том случае, если она будет носиться прислугой при себе. Действия номеров с винтовкой за плечом при соскакивании с передков, при влезании будут не так смелы и быстры — и снабжение их карабином, естественно, отзовется как при выезде на позицию, так и при стрельбе. В случае если бы номера складывали при выезде на позицию ружья в козла, то это обстоятельство замедлило бы открытие стрельбы, что при современной скорострельной артиллерии, когда каждая минута имеет громадное значение, крайне нежелательно; в случае если бы карабины и ружья удалось приспособить к возке на лафетах, то хотя в этом случае они и не стесняли бы прислугу, но вытаскивание карабина из гнезд на лафете и заряжание его потребовало бы некоторого времени, и результатом явилось бы то обстоятельство, что прислуга слишком рано бы бросала свое оружие для того, чтобы взяться за карабины.

Но, помимо всего высказанного, необходимо указать главным образом на то, что снабжение карабинами будет прямо в ущерб прямому артиллерийскому делу.

Артиллерия должна быть вооружена орудиями, а не ружьями. Если в настоящее время стрельба из револьверов и не процветает в батареях, то тем более не станет процветать стрельба из карабинов — ввиду того, что стрельба из револьверов в упор на близкие расстояния не требует особого обучения, тогда как умение обращаться и стрелять из кара-

бина на более далекие дистанции потребует, конечно, более серьезного прохождения курсов стрельбы и более продолжительного обучения обращению с таким сложным оружием, каким являются 3-лин. магазинки. Тем числом часов, которые назначены ныне для стрельбы из револьверов, вряд ли можно удовольствоваться при обучении действиям из карабина, и потому, если предположим, что снабдить артиллерию этим оружием и не представляет особых затруднений, то вряд ли карабин без основательного обучения и привычки нижних чинов к этого рода оружию принесет существенную пользу.

Нам кажется, что если при атаке батареи у артиллеристов был бы под рукой на выбор — топор, шашка, револьвер, тесак и карабин, то, вернее всего, русский солдат схватил бы топор и стал бы действовать тем оружием, к которому он привык с малых своих лет. Если же в его руки попал бы карабин, то он стал бы действовать его прикладом.

Переходя затем к тесаку и револьверу, необходимо отметить, что они удовлетворяют первому условию, так как мало стесняют действия прислуги.

Относительно второго условия — самозащиты при атаке на батарею неприятельской пехоты или кавалерии — самым надежным средством является, конечно, стрельба в упор из орудий, и прислуга, слишком рано хватающаяся за различное оружие самообороны, делает непростительную ошибку. Но для того, чтобы дорого продать свою жизнь, ей необходимо все-таки иметь такое оружие, и в этом отношении тесак совершенно непригоден, его вряд ли возможно назвать боевым оружием.

Что касается кинжала, то хотя это оружие и более опасное, но только в опытных руках. В войсках иррегулярных, в руках горцев или казаков, сызмальства приученных владеть этим оружием, при высоком подъеме духа, имеющем в своей основе стремление сойтись грудь с грудью, кинжал представляет прекрасное дополнительное оружие[145]. Но в частях артиллерии кинжал является крайне нежелательным; для нападения необходимо уменье искусно владеть им, защищаться же им так же, как и тесаком, крайне затруднительно, так как им нельзя отвести укол штыка или шашки; лезвие его чересчур коротко, чтобы им можно было парировать удары. Шашка в этом отношении представляет сравнительно большие преимущества по сравнению с кинжалом и тесаком. Ею можно рубить и колоть, и благодаря большей длине клинка легче защищаться.

Револьвер полезен лишь до израсходования барабана, после чего он совершенно не нужен. Карабин может принести пользу лишь в том случае, если снабжен штыком, а также если действовать его прикладом.

Относительно третьего условия — пригодность оружия для различных случаев бивачно-походной жизни — представляет наибольшие удобства лишь тесак или кинжал. Тесак может принести нижнему чину незаменимую пользу при рубке хвороста и дров для костра, при расчистке кустарника, мешающего наводчику для стрельбы, при разрезывании ремней, постромок упавшей или раненой лошади и вообще в других подобных случаях.

Некоторые, хотя несколько меньшие, удобства

в этом отношении может доставить и артиллерийская шашка.

Относительно четвертого условия может принести пользу только винтовка или карабин, а также револьвер, снабженный прикладом.

Переходя к рассмотрению выгод различных образцов оружия относительно службы мирного времени, необходимо высказать следующее:

Выправка в артиллерии по многим причинам дается труднее, чем в других родах оружия. Не имея в своем распоряжении такого дисциплинирующего элемента, как сомкнутый строй пехоты или кавалерии, артиллерия, естественно, должна крепко держаться всего того, что способствует одиночной выправке и придает нижним чинам воинский вид. В этом отношении артиллерийская шашка приносит весьма естественную пользу; шашечные приемы, маршировка и езда с обнаженным оружием — все это имеет большое влияние на воинский вид нижних чинов артиллерии.

Между тем ни тесак, ни кинжал не могут принять никакого участия в этом отношении, никаких приемов ни тем, ни другим делать нельзя; для несения караульной службы оба неудобны, так как для самозащиты, как это и раньше у нас указывалось, они мало пригодны.

Таким образом, сводя все сказанное в одно целое, нам кажется, 1) что следовало бы совершенно отказаться от принятия винтовки или карабина на вооружение нижних чинов полевой артиллерии, ввиду того ущерба прямому артиллерийскому делу, которое окажет такая мера, введенная лишь ради некоторых преимуществ, а именно безопасности артиллеристов при различных самостоятельно

выполняемых ими поручениях — фуражировках и т.п., когда противник вооружен винтовками.

Не надо забывать, что это лишь побочные, второстепенные действия и стеснять ради них прямое артиллерийское дело совершенно нежелательно. Что касается карабина или винтовки при отражении атаки на батарею, то снабжение прислуги таким дальнобойным оружием может явиться причиной, что артиллеристы слишком рано бросят действовать из орудий, чтобы взяться за чуждое им оружие.

2) В этом отношении более полезен револьвер, и нам кажется, что это оружие при современной силе огня далеко не лишнее придать всей прислуге полевой артиллерии. Вновь появившиеся за последнее время образцы автоматических пистолетов (Борхарда-Люгера, Браунинга, Манлихера, Бергмана, Шварцлозе, Маузера) представляют из себя прекрасное оружие для самообороны, обладающее отличными баллистическими качествами, меткостью, пробиваемостью, а также весьма значительной скорострельностью и скоростью перезаряжания. Весьма полезно было бы также придать на батарею и по несколько приставных прикладов к таким пистолетам и револьверам. При таких прикладах стрельба может быть производима до 1000 метров, что даст артиллеристам некоторую возможность производить самостоятельно с большей безопасностью различные фуражировки и т.п.

Указывают, что в этом отношении оказалась крайне полезной мера, принятая батареей Гв. Стрелкового артиллерийского дивизиона в Китайскую кампанию 1900 года, которая была снабжена

некоторым количеством 3-лин. драгунских винтовок. Но при вооружении всей прислуги револьверами и при снабжении батарей несколькими приставными прикладами представится подобная же возможность безопасно отправлять артиллеристов с различными самостоятельными поручениями, не вводя притом в батарею лишнего образца оружия.

Что же касается винтовки или карабина, то вооружать ими прислугу полевой артиллерии, обучать их правильному с ними обращению и стрельбе при широкой программе требуемых от артиллеристов сведений бесспорно было бы в ущерб прямому артиллерийскому делу стрельбе из орудий, которые при нынешней скорострельности и хорошо обученной и преданной своему артиллерийскому делу прислуге, не оставляющей своих орудий, чтобы взяться за чуждые ей карабины, — имеют большую возможность, чем прежде, отразить атаку противника.

3) Но снабдив артиллеристов револьверами, все-таки рискованно оставлять их без холодного оружия; по израсходовании барабана или магазина и невозможности перезарядить его вновь револьвер остается ни к чему не годным.

Выше мы выяснили преимущества и невыгоды различных образцов холодного оружия: шашки, тесака и кинжала; нам кажется, что из всех крайностей лучше бы всего взять золотую середину, и в этом отношении ныне принятая шашка не представляет из себя при некоторых условиях такого печального явления, которое ей приписывают. Шашкой удобно рубить, ею хорошо нападать и вместе с тем защищаться, отводя удары благодаря

большей длине ее клинка. Она лишь стесняет номеров при действии при орудиях, и в этом и заключается ее крайне важный недостаток.

Но если бы раз навсегда предположить, чтобы орудийная прислуга (6 номеров) была бы в конном строю без шашек, которые возились бы при лафетах, то артиллерийская шашка могла бы представить следующие преимущества: не стесняя прислуги, она вместе с тем доставляла бы некоторые выгоды при самозащите как рубящее, привычное русскому человеку оружие, сравнительно с тесаком, и действуя без отказа сравнительно с револьвером, бесполезным после израсходования барабана.

Выхватить же шашку из особых пружинных защелок, с помощью которых она бы помещалась сбоку лафета, и обнажить ее для самообороны — это, конечно, один миг. По удобству обращения при различных обстоятельствах бивачной и походной жизни отточенная артиллерийская шашка доставила бы известные выгоды и ничуть не меньшие, чем тесак. В мирное же время она способствовала бы выправке и воинскому виду нижних чинов артиллерии.

Наконец, необходимо указать и на то, что при таком решении явятся и экономические выгоды, которые в вопросах холодного оружия, ввиду его малого значения, должны стоять не на последнем плане. Если же указывают, что ныне принятая артиллерийская шашка уже выслужила свой срок (20 лет) и что заказ нового оружия все равно неизбежен, то не следует ли пересмотреть вопрос о сроке службы холодного оружия. Нам случалось

видеть шашки обр. 1868 г., которые до настоящего времени сохранились вполне удовлетворительно.

Может быть, этот вывод в столь запутанном вопросе, как вооружение прислуги полевой артиллерии, и совершенно неправилен, но нам казалось уместным поместить его в нашем труде о холодном оружии. Крайне желательно, чтобы по данному вопросу высказались бы лица, участвующие в настоящей кампании, мнение которых было бы особенно важно как основывающееся не на одних только рассуждениях, но и на драгоценном боевом опыте.

Офицерское оружие

За последнее время довольно много писалось об офицерском оружии — указывали главным образом на факт распространения среди офицеров игрушечного оружия, различных мышеколок и т.п., а также на причины, вызывающие это весьма нежелательное явление.

Частые случаи ношения такого неформенного оружия вызвали, наконец, ряд мер, направленный к совершенному изъятию его с вооружения.

Необходимо указать, между прочим, на следующий приказ командующего войсками Казанского военного округа 1903 года за № 153.

«Несмотря на мое указание от 5 июня минувшего года, — гласил этот приказ, — на днях штабс-капитан № батальона явился на дежурство по военному госпиталю при неформенной шашке, причем и эта игрушечная шашка оказалась в полной неисправности. Случай этот указывает, что офицеры

до сих пор не прониклись сознанием, что ношение неформенного и неисправного оружия, а тем более выход с ним на службу роняет достоинство офицера и что начальствующие лица не приняли необходимых мер к полному изъятию из вверенных им частей несоответствующего оружия.

Поставляя это упущение на вид начальникам отдельных войсковых частей, предписываю ныне же осмотреть все установленное вооружение офицеров и о результатах осмотра мне донести, а начальникам бригад предлагаю при всех инспекторских осмотрах обязательно проверять состояние и сбережение офицерского вооружения, о чем и объявлять в приказах по бригаде. Таковой же осмотр офицерского оружия производить и штаб-офицеру, осматривающему оружие в войсках, во время очередных осмотров войскового оружия.

В большинстве резервных батальонов приняты меры к приобретению для офицеров самими частями на льготных условиях револьверов последнего образца, следует и в отношении холодного оружия на таких же условиях прийти на помощь офицерам впредь до разрешения военным министерством общего вопроса о снабжении офицеров форменным оружием казенными оружейными заводами, о чем вхожу с особым представлением».

На это обстоятельство было обращено внимание и бывшим военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным.

«Необходимо принять меры, — писал он в особой записке Начальнику Главного Штаба, — чтобы офицеры нашей армии имели холодное оружие боевое, а не игрушечное.

Прошу составить историческую по сему вопро-

су справку. В разное время уже принимались меры, дабы офицеры не были вооружены грошевыми «мышеколками». Прошу поискать приказы, напоминающие офицерам их обязанности относительно оружия.

Надо также поискать замечания в отчетах Командующих войсками в округах и Генерал-Инспектора кавалерии. Надо списаться по сему вопросу со Штабом Генерал-Инспектора Кавалерии и Главным Артиллерийским Управлением относительно офицеров конницы и артиллерии.

Надо установить выдачу боевых шашек всем оканчивающим курсы стрелковой офицерской, кавалерийской и артиллерийской школ.

Надо снестись с Главным Управлением военно-учебных заведений, какие полагают принять меры, дабы оружие выпускаемых в офицеры было боевое. Согласен идти на подарок всем выпускаемым офицерам казенных шашек.

Прошу затем обсудить и сделать сношение о типе офицерской шашки, о стоимости заказа. Кажется, златоустовские заводы более других подходят к нашим требованиям».

Переходя к причинам распространения среди офицеров неформенного игрушечного оружия, необходимо указать, между прочим, на следующее: 1) неудобство носить под пальто форменную длинную шашку при езде в санях, на извозчике и в особенности на конке; торчащая шашка весьма стеснительна и неудобна, при езде на конке она торчит поперек вагона, представляя преграду проходящим, — необходимо расстегивать пальто для того, чтобы поставить ее между колен, но это зи-

мой не всегда возможно сделать, не рискуя простудиться.

Тяжелая и длинная форменная шашка, вися на плечевой портупее, трет сюртук как с левой стороны, так и на груди (от трения портупеи); придерживать шашку под пальто почти невозможно.

Необходимо, наконец, отметить, что шашка при носке в мирное время и вне строя под пальто перестает уже быть оружием, которое можно обнажить во всякое время в случае какой-либо необходимости, так как для того, чтобы достать ее, потребуется немало времени.

2) Кроме неудобств нашей шашки обр. 1881 г. (см. отдел 2-й настоящей главы), необходимо указать, что шашка эта не пользуется особой любовью еще, может быть, и благодаря своему крайне будничному простому виду, без всяких хотя бы незначительных украшений. Наши прежние офицерские полусабли обр. 1826 г. были украшены различными рисунками по эфесу, а именно в головке, по дужкам и на чашке; прежние драгунские офицерские шашки имели лавровые листья по дужке, не говоря уже об офицерском казачьем оружии, украшавшемся камнями и чернью.

Достаточно отметить факт совершенно противоположного отношения к своему холодному оружию у офицеров Кавказской кавалерийской дивизии, а также Кавказских казачьих войск, щеголяющих своими прекрасными клинками, рукояти и оправа ножен у которых покрыты различными украшениями; первые из них имеют на вооружении шашки азиатского образца, украшенные серебром и чернью, для вторых же образец офицерского оружия не установлен, и они имеют возмож-

ность носить то восточное оружие, к которому они привыкли и которое переходит у них из рода в род.

При установлении в 1903 году одного образца оружия для нижних чинов Кавказского казачьего войска был затронут вопрос и об одном таком же образце оружия офицерского.

Запрошенные по этому поводу атаманы Кубанского и Терского казачьих войск высказали, что «установление для офицеров клинков строго определенного размера повело бы к тому, что многим из них пришлось бы расстаться с оружием или испытанным в бою, или полученным в наследство от предков, и во всяком случае с таким, с которым они свыклись, а потому не видя особенной необходимости в такой стеснительной для офицеров мере, полагалось бы возможным установить лишь, что холодное оружие у офицеров Кавказских казачьих войск должно быть такого же образца, какой будет у нижних чинов этих войск, но с тем, чтобы в видах сохранения за ними возможности пользоваться имеющимися у многих на Кавказе превосходными клинками и поддержания в них существующего стремления к щегольству хорошим холодным оружием, были допущены для таких клинков незначительные отступления в размерах от установленного образца, с разрешением иметь на оружии произвольную оправу».

Командующий войсками Кавказского военного округа со своей стороны признал наиболее правильным «имеющиеся ныне у офицеров Кавказского казачьего войска хорошие клинки шашек и кинжалов оставить без изменения; вновь же заводимые офицерами клинки должны быть такого же образца, какой будет утвержден для нижних чи-

нов этих войск и 2) в украшении ножен и ручек означенного оружия и ремней к нему офицеров не стеснять».

Заканчивая нашу статью, нам хотелось бы привести следующие слова об офицерском оружии, высказанные в одной из статей, помещенных в Вестнике Офицерской Стрелковой Школы. «Для каждого военного всех времен, — пишет Измайлович, — было дорого его оружие. Оно украшалось драгоценными каменьями, золотом, серебром, на нем делались разные надписи, помещали девизы. Оружие переходило из рода в род. И чем было древнее, тем больше было гордости для владельца. Самый небогатый воин первой своей заботой считал заботу об оружии. Несомненно, оружие имело и воспитательное значение. Оно возвышало дух у хозяина; в особенности когда за ним было историческое прошлое. Так неужели в нынешние времена оружие уже не играет никакой роли для современного воина-офицера? Нет, это ошибка, в наше время сопровождавшая офицера с самого выхода его из стен училища, когда мы еще совершенными юнцами приобретали где попало (часто в Апраксином рынке) какое-то подобие холодного оружия...»

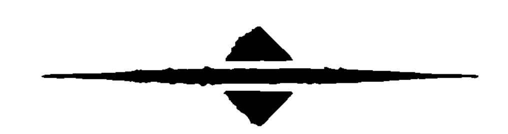
Полагаем, что в видах прекращения дальнейшего распространения среди наших офицеров различного игрушечного оружия были бы крайне желательны помеченные ниже меры:

1) выдача для всех выпускаемых из юнкерских и военных училищ за счет казны холодного офицерского оружия;

2) обязательное постановление об осмотре офи-

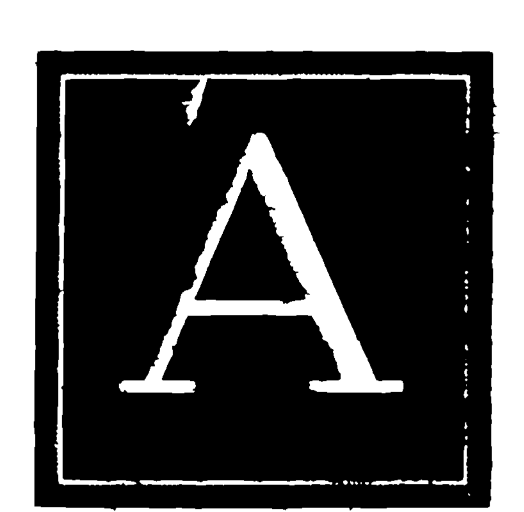
церского оружия штаб-офицерами, осматривающими оружие;

3) изменение внешнего вида шашки приданием украшений по эфесу — головке и дужке, а также оправе ножен. Относительно последних прекрасным примером могут служить одни из красивейших образцов, бывших когда-либо на вооружении, а именно прорезные ножны холодного оружия нашей кавалерии как кирасир, так и легкой кавалерии начала прошлого столетия.

Глава V

Описание некоторых образцов холодного оружия, принятых в иностранных западноевропейских армиях

Австро-Венгрия. На вооружении кавалерии состоят сабли обр. 1869 и 1877 годов.

Сабля обр. 1869 г.[146] (фиг. 114) — клинок слегка искривленный, принадлежит к типу распрямленных сабель, наподобие нашей обр. 1881 г., приспособленных как для рубки, так и для укола, — клинок с одной широкой долой, эфес железный симметричный, с одной широкой, переходящей в чашку дужкой, рукоять деревянная, спинка рукояти покрыта планкой, составляющей одно целое с головкой; ножна металлическая с двумя гайками, с двумя невращающимися кольцами (для уменьшения бряцания оружия) и гребнем на оконечности ножен для устранения

протирания. Длина клинка обыкновенная 33,2 дм. Центр тяжести на расстоянии 6 дм. от эфеса. Вес оружия 5 фн., ножна 2 фн., клинок с эфесом 3 фн.

Сабля обр. 1877 г.[147] (фиг. 124) — клинок слегка искривленный, принадлежит к типу распрямленных сабель с одной широкой долой; эфес железный с одной широкой дужкой симметричный, головка составляет одно целое с задней планкой, ножна металлическая с гребнем и двумя гайками с невращающимися кольцами. Вес всего оружия 3,75 фн., вес клинка с эфесом 2 фн., расстояние центра тяжести от дужки 6 дм.

К винтовке системы Манлихера обр. 1889 и 1895 гг., принят штык-тесак[148] (фиг. 131) — штык клинковый, длина лезвия 10 дм., рукоять деревянная, ножна железная, соединение со стволом с помощью пружины (см. выше), вес без ножны 1,25 фн., ножна — 3/4 фн.

Англия. Сабля кавалерийская нового образца[149] для всех конных войск (фиг. 119) — клинок искривленный типа распрямленных сабель с одной широкой долой, эфес железный симметричный, с одной широкой переходящей в дужку чашкой — рукоять деревянная, две планки с обеих сторон, ножны металлические (без гаек) с одним невращающимся кольцом для пристегивания пасика портупеи и нижним гребнем. Вес всего оружия с ножнами 4,75 фн., вес клинка с эфесом 3 фн., длина всего оружия 35 дм., центр тяжести от дужки на расстоянии 5,2 дм.

Палаш шотландский для гайлендеров[150] (фиг. 126) — клинок прямой палашный обоюдоострый с одной долой посередине, эфес железный симметричный, гарда решетчатая, закрывающая руку со

всех сторон, с красной кистью на головке эфеса, ножны кожаные, прибор железный с одной длинной гайкой с кольцом посередине и двумя — верхним и нижним — наконечниками, нижний наконечник с гребнем. Вес всего оружия 4 фунта, без ножны 3 фунта, длина клинка 29,7 дм.

Штык к ружью Ли-Энфильда[151], изображен на фиг. 132.

Сабля для туземных войск Индии[152] (фиг. 127) — клинок кривой, широкий, посередине шириной в 6/8 верш., на конце в 7/8 (отличие восточного оружия), с одной широкой долой, эфес симметричный медный с одной дужкой, задней планки нет, головка — одно целое с дужкой, гарда наподобие восточной крестовины, рукоять деревянная, покрытая рубчиками, ножна кожаная с двумя наконечниками: верхним и нижним. Верхний — с крючком для пристегивания сабли. Вес всего оружия 3,5 фн., вес клинка с эфесом 2,75 фн., расстояние центра тяжести 4,3 дм. от дужки.

Этот образец представляет собой прекрасный тип восточного оружия, отлично сображенный, легкий и свободный в руке, с прекрасными качествами для рубки благодаря широкому клинку.

Бельгия. Сабля легкой кавалерии обр. 1822 и 1883 гг.[153] (фиг. 111) — клинок слегка искривленный с одной широкой и одной узкой около обуха долами, эфес медный несимметричный с 3 дужками: 2 боковые искривленные, переходящие в чашку, головка, планки нет, рукоять деревянная четырехугольная, покрытая кожей с проволокой, ножна металлическая с гребнем и гайкой. Вес всего оружия 5,25 фн., вес без ножен 3,25 фн., расстояние центра тяжести от дужки 5 дм.

Образцы холодного оружия, принятые в Бельгии, замечательно разнообразны, например, на вооружении состоят: сабля вожатого обр. 1822 — 1873 гг., сабля жандармская обр. 1852 — 1873 гг., сабля обозных обр. 1888 г., сабля для пеших адъютантов унтер-офицерского звания, сабля для музыкантов пехоты.

Германия. Палаш кирасирский[154] (фиг. 115) — клинок прямой обоюдоострый (палашный) с двумя долами, эфес медный несимметричный, 4 дужки, из них 3 — искривленные переходят в чашку, головка эфеса также медная, рукоять деревянная с проволокой по рубчикам, ножны металлические, с двумя гайками с кольцом и с гребнем. Вес всего оружия 5,5 фн., вес без ножен 3,5 фн., длина всего оружия 40,2 дм., длина клинка 31,5 дм.

Сабля кавалерийская[155] (фиг. 123) — клинок прямой (палашный) без дол с обухом по одну сторону и с лезвием по другую, эфес железный несимметричный, с одной широкой дужкой, переходящей в чашку, головка также железная, рукоять деревянная с ременной петлей для помещения указательного пальца при обхватывании рукояти рукою, ножна металлическая с одной гайкой с невращающимся кольцом и гребнем. Вес всего оружия 4 фунта, вес без ножны 2,5 фн., длина всего оружия 39,4 дм., длина клинка 32,3 дм., расстояние центра тяжести от дужки 5 дм.

Сабля артиллерийская[156] (фиг. 125) — клинок слегка искривленный с одной широкой долой, эфес железный симметричный, гарда с одной дужкой, рукоять деревянная, задняя планка составляет одно целое с головкой эфеса, ножны металлические, с одной гайкой с невращающимся кольцом и

гребнем. Вес всего оружия 4,25 фн., вес оружия без ножны 2,5 фунта; расстояние центра тяжести от дужки 5 дм.

Штык-тесак к ружью обр. 1888 г.[157] (фиг. 133) — штык с клинковым лезвием, длина лезвия 18,5 дм., рукоять медная, ножна кожаная, соединение со стволом с помощью пружины. Вес с ножной 27,25фн., без ножны — 1 3/4 фн.

Пика кавалерийская[158] (фиг. 134) — стальная трубчатая, лезвие четырехгранное без дол, нижний конец конический, образует подток. Вес — 5 фн. 58 зол., длина — 4,5 арш., расстояние центра тяжести от острия — 2 арш. 6 вершков.

Голландия. Сабля для конной артиллерии и кавалерии в мирное время[159] (фиг. 116) — клинок слегка искривленный, принадлежит к типу распрямленных сабель с одной долой, эфес железный симметричный, гарда закрывает руку с обеих сторон, рукоять деревянная, сзади планка, ножна металлическая, с одной гайкой и гребнем. Вес всего оружия — 4% фн., без ножн — 2% фн.

Сабля для жандармов и кавалерии в военное время[160] отличается лишь деталями и большим весом от предыдущей, — вес всего оружия 5 фн., без ножны — 3 фунта; расстояние центра тяжести от дужки — 5,7 дм.

Сабля для полевой артиллерии[161] (фиг. 121) — клинок слегка искривленный с одной долой, принадлежит к типу распрямленных сабель, эфес железный, три широких дужки, чашка, планка, покрывающая спинку рукояти, составляет одно целое с головкой, рукоять деревянная, ножны металлические с одной гайкой и гребнем. Вес всего оружия 5 фн., без ножны — 3 фунта.

Дания. Сабля кавалерийская[162] (фиг. 113) — клинок слегка искривленный, принадлежит к типу распрямленных сабель с одной долой, эфес железный, с двумя широкими дужками, переходящими в чашку, планка составляет одно целое с головкой, рукоять деревянная, ножны металлические с одной гайкой и гребнем. Вес всего оружия 6 фн., без ножны 3 фн., длина всего оружия 42 дюйма, длина клинка 35 дюймов; расстояние центра тяжести от дужки 5,7 дюйма.

Италия. Сабля артиллерийская обр. 1888 г.[163] (фиг. 112) — клинок слегка искривленный без дол, эфес железный, гарда с двумя широкими, переходящими в чашку дужками, планка, покрывающая спинку рукояти, составляет одно целое с головкой эфеса, рукоять деревянная гладкая (без рубчиков): в чашке сделан выем для помещения большого пальца правой руки; ножна металлическая с одной гайкой и гребнем. Вес — 4,5 фн., без ножен — 2,75 фн., расстояние центра тяжести от дужки 4,4 дм.

Сабля кавалерийская обр. 1871 г.[164] (фиг. 119) — клинок слегка искривленный, принадлежит к типу распрямленных сабель, без дол, эфес железный несимметричный, с деревянной рукоятью, гарда с тремя широкими дужками: две искривленные боковые, задняя планка — одно целое с головкой; для упора большого пальца — гладкая площадка на планке, ножны металлические с гребнем и одной гайкой с кольцом. Вес всего оружия — 4 фн., вес без ножен — 2,5 фн., расстояние центра тяжести от дужки — 4,4 дм. (К сожалению, у нас нет сведений о новой итальянской кавалерийской сабле

обр. 1902 г., о которой в периодической печати появлялись весьма благосклонные отзывы.)

Пика кавалерийская[165] (фиг. 136) состоит из копья, древка и подтока; копье четырехгранное, без дол, имеет кольцо, препятствующее глубокому прониканию пики, древко деревянное, копье и подток прикрепляются к древку с помощью помочей и шурупов. Вся длина пики 4 арш. 2 верш., расстояние от острия до центра тяжести 2 арш. 7 верш., вес пики 7 фн. (В настоящее время вводится новая пика со стальным древком обр. 1900 года.)

Норвегия. Сабля кавалерийская[166] (фиг. 122) — клинок слегка искривленный с одной долой (тип распрямленных сабель), эфес железный с одной широкой, переходящей в чашку дужкой, с отверстиями для облегчения; планка, покрывающая спинку рукояти, также железная, рукоять деревянная, покрытая рубчиками, ножны металлические с двумя гайками и гребнем. Вес всего оружия с ножнами 4,25 фн., без ножен 2,5 фунта; расстояние центра тяжести от дужки 5,7 дм.

Франция. Сабля для легкой кавалерии обр. 1882 г.[167] (фиг. 110) — клинок прямой с одной широкой долой, узкий в виде шпаги с обухом на одной стороне и лезвием на другой, эфес медный несимметричный, с 3 дужками, из них 2 боковых искривленных, соединенные с чашкой, головка также медная, рукоять деревянная с проволокою по рубчикам, ножны металлические с одной гайкой и гребнем. Вес всего оружия 4,5 фн., без ножны 2,75 фн., расстояние центра тяжести от дужки 3,5 дм.

Сабля линейной кавалерии обр. 1896 г.[168] (фиг. 118) — клинок прямой с одной широкой долой,

эфес медный симметричный, с одной расширяющейся в обе стороны и переходящей в чашку дужкой, головка также медная, рукоять деревянная, обвита проволокой по рубчикам, ножны металлические с одной гайкой и гребнем. Вес всего оружия 4 3/4 фунта, вес без ножны 3 фунта, расстояние центра тяжести от дужки 3,5 дм.

Штык-шпага обр. 1890 г., sabre baionette[169] (фиг. 129), к пехотному ружью Лебеля — штык четырехгранный длиной 20,5 дм., рукоять гладкая белого металла, ножна железная круглая, соединение со стволом с помощью пружины. Вес с ножной 1,75 фн., без ножны — 1,25 фн.

Штык-шпага обр. 1892 г., sabre baionette[170] (фиг. 128), к укороченному ружью Лебеля (принятому в артиллерии) — штык клинковый, рукоять гладкая черного дерева, ножна железная, соединение со стволом с помощью пружины. Вес всего оружия 1,75 фн., без ножны — 1,25 фунта.

Пика кавалерийская[171] (фиг. 135) состоит из копья, древка и подтока, копье четырехгранное с долами и кольцом, препятствующим глубокому прониканию в рану, древко бамбуковое, копье и подток прикрепляются к древку (без помочей) шурупами. Длина всей пики 4 арш., вес всей пики 4 фн. 60 зол., расстояние от острия до центра тяжести 2 ф. 8,5 вершков.

Швейцария. Сабля кавалерийская[172] (фиг. 122) — клинок слегка искривленный с одной долой (тип распрямленных сабель), эфес железный симметричный, с одной широкой дужкой, переходящей в чашку, планка, покрывающая спинку, составляет одно целое с головкой эфеса, рукоять деревянная с рубчиками — для указательного паль-

ца — ременная петля с внутренней стороны рукояти, — для помещения большого пальца правой руки — плоское место, ножны металлические с одной гайкой и гребнем. Вес всего оружия 3,75 фунта, вес без ножны 2,5 фунта.

Штык к винтовке Шмидта-Рубина изображен на фиг. 130[173].

Считаем небесполезным привести здесь таблицу главных данных различных образцов штыков, принятых на вооружение европейских армий, помещенную в труде Nimier et Laval.

Государства	**Образец оружия**	**Длина штыка в метрах**	**Вес штыка в кг**
Франция	Винтовка обр. 1886 г.	0,52	0,466
Германия	Винтовка обр. 1886 г.	0,25	0,365
Австрия	Винтовка Манлихера обр. 88—90 гг.	0,24	0,345
Англия	Ли-Метфорд обр. 1889 г.	0,30	0,470
Россия	3-лин. винтовка обр. 1891 г.	0,43	0,300
Италия	Винтовка (Каркапо) обр. 91 г.	0,30	0,340
Швейцария	Винтовка Шмидта обр. 1889 г.	0,29	0,400

Испания	Винтовка Маузера обр. 1893 г.	0,25	0,380
Бельгия	— — обр. 1889 г.	0,24	0,433
Голландия	Винтовка Манлихера обр. 1892 г.	0,25	0,375
Норвегия	Винтовка Кр.-Юргенсона обр. 1893 г.	0,21	0,260
Дания	— — обр. 1889 г.	0,22	0,260

Переходя к оценке качеств различных образцов холодного оружия западноевропейских армий, необходимо указать на следующее:

1) Большая часть клинков, принятых в иностранных армиях, принадлежит к типу распрямленных сабель с весьма незначительной кривизной, допускающей как укол, так и рубку и притом с предпочтением колющих свойств. Большинство клинков имеет кривизну меньшую, чем наша шашка обр. 1881 г. Кроме того, встречаются и совершенно прямые палашные клинки, главною представительницей которых является французская кавалерия.

Кривизну вроде нашей шашки имеют кавалерийские сабли, принятые в Бельгии и Голландии, но при этом необходимо отметить, что длина этих сабель несколько длиннее наших образцов 1881 года. Сабли: английская (ф. 119), австро-венгерская (ф. 124), итальянские (ф. 112 и 117), датская (ф. 113), швейцарская (ф. 122) — имеют кривизну менее нашей, они значительно более распрямле-

ны. В Норвегии (ф. 120) клинок почти прямой. Палашные прямые клинки приняты во Франции (ф. 110 и 118), в Германии (ф. 115 и 123), в Англии (ф. 126). Из значительно искривленных клинков необходимо отметить лишь саблю сипаев для туземных войск Индии (ф. 127).

Центр тяжести клинка во всех образцах подан несколько ближе к эфесу; в нашей шашке обр. 1881 г. центр тяжести (клинка с эфесом) находится на расстоянии 4,5верш. от нижней оконечности дужки — в иностранном же оружии он расположен на расстоянии около 2; 2,5 и самое большее 3,25 верш.

2) Относительно присадки рукояти встречаются почти в одинаковой степени как с наклоном по направлению от обуха к лезвию, как в нашей шашке обр. 1881 г., так и без этого наклона, причем рукоять составляет продолжение верхней части клинка, подобно тому, как принято в шашках Кавказского казачьего войска.

3) Все оружие снабжено весьма солидными гардами, защищающими руку со всех четырех сторон, легкие гарды (вроде одной узкой дужки и восточных крестовин) не применяются. Гарды за весьма редкими исключениями вполне симметричные.

4) Ножны сплошь во всех государствах металлические с гребнем и гайками.

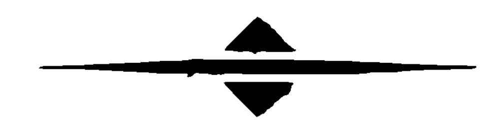
Из различных деталей устройства необходимо отметить некоторые отличия в конструкции эфесов, а именно: 1) в итальянской сабле обр. 1888 г. сделан выем в чашке эфеса, в который упирается конец большого пальца, помещающегося на спинке рукояти; приспособление это способствует бо-

лее удобному владению саблей; 2) в германской кавалерийской сабле на внутренней стороне рукояти прикреплена ременная петля, в которую помещается указательный палец правой руки, представляющая большое удобство при владении оружием.

Такое же приспособление сделано и в швейцарской кавалерийской сабле.

Кроме того, как на незначительную деталь необходимо указать и на кольца для пристегивания портупеи к ножнам сабель английской и германской кавалерии; для уменьшения бряцания оружия в наших шашках пробовали делать кольца не круглыми, а треугольными для уменьшения возможности их передвижения, в германских и английских образцах холодного оружия эти кольца сделаны невращающимися.

Из всех рассмотренных здесь иностранных образцов, по нашему мнению, обладает наибольшими преимуществами сабля сипаев как по своей легкости, так и уравновешенности, способствующим свободному, ловкому и удобному владению этим превосходным восточным оружием (фиг. 129).

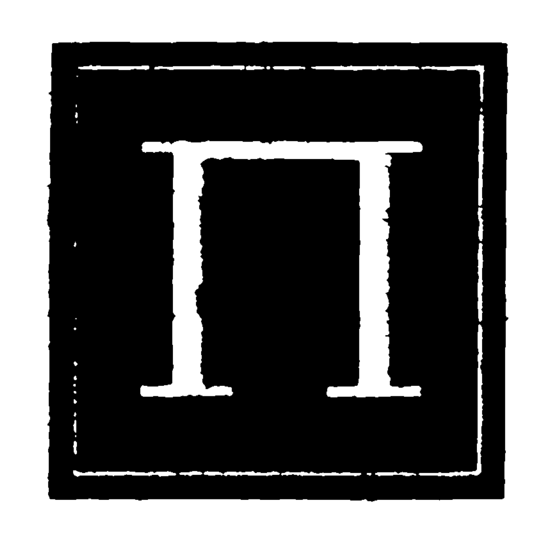

Глава VI

Оружие предохранительное

«...Il nous est impossible, pour le moment même d'entrevoir l'enfluence que cette arme defeasive, toute nouvelle, poufra exercer sur la fréquence et la gravité des blessures du champ de bataille...»

(Nimier et Laval — Les armes blanches — leur action et leurs effets vulnerénts).

Постепенное усовершенствование ручного огнестрельного оружия является причиной совершенного упадка оборонительного вооружения, которое достигало когда-то громадного развития в отдаленные для нас Средние века во время рыцарства и преобладающего господства холодного оружия.

С улучшением баллистических свойств ружей, вследствие увеличившейся пробиваемости ружейных пуль, различные кирасы, латы, панцири, каски уже не могли представлять никакой защиты от неприятельского огня, защищая лишь от ударов холодного оружия или от пуль пистолетов

или револьверов. Уже при Екатерине II при сформировании новых кирасирских полков в табель их вооружения кирасы введены не были, так как пришли к заключению, что люди без лат теряют столько же, как и имеющие латы. Значительный вес предохранительного вооружения, то стеснение, которое оно доставляло свободному движению рук, корпуса и головы, обремененной тяжелой каской, а вследствие этого и более скорое утомление всадника, в особенности во время военных действий, когда силы уже изнурены трудностями военно-походной жизни, также представляли собой довольно важные недостатки, способствовавшие упадку этого оружия, мало-помалу выведенного из употребления и оставшегося наконец только в полках тяжелой кавалерии, именно у кирасир, в виде кирас и касок.

В нашем очерке мы коснемся двух категорий предохранительного вооружения. 1) Прежние образцы этого оружия, как-то: кирасы, каски, в настоящее время почти выведенные из употребления, и 2) различного рода броневые и другие щиты, которые стали распространяться только за последнее время для защиты от сильного действия современного оружия.

Прежние образцы предохранительного вооружения

У нас в России в начале XIX века кирасы употреблялись: 1) в кирасирских полках и 2) саперных батальонах. Согласно табели 1802 года[174], кирасы

выведены были из употребления даже в кирасирских полках, но, однако, ненадолго — в 1811 — 1812 годах, в тяжелые годы войны с Наполеоном, кирасы вновь появляются в этих полках вследствие Высочайшего повеления Государя Императора Александра Павловича[175]. Эти кирасы готовились на Сестрорецком оружейном заводе по образцу, данному лично Государем Императором, трех размеров — сообразно росту и сложению людей (фиг. 104).

Принятые в то время в кирасирских полках кирасы были, кроме того, 3 родов: 1) черные, т.е. железные, окрашенные черной масляной краской, 2) железные — светлые — некрашеные, но полированные и 3) железные, покрытые спереди латунной листовой медью, или, как их называли, кирасы с накладкой медной латуни. Некоторые кирасирские полки после войны 1812 года имели на вооружении «французские кирасы, поднятые с полей сражений»[176].

По указанным выше образцам 3 размеров (1811 г.) делались кирасы, кроме того, еще и в 1818 году.

Все эти кирасы признавались неудобными главным образом потому, что были коротки и тесны в груди.

В 1828 году Сестрорецкому оружейному заводу были заказаны кирасы также 3 размеров, но по французскому образцу[177].

Следующий образец кирас был Высочайше утвержден в 1830 году 13 размеров — они были выработаны при участии командира Л.-Гв. Кавалергардского полка генерал-майора графа Апраксина

и командовавшего Сестрорецким оружейным заводом полковника Амосова[178].

9 ноября 1835 г. была утверждена вновь составленная инструкция для приема кирас, причем было Высочайше повелено руководствоваться ею «впредь до изыскания способа делать такие кирасы, которые бы могли защищать от ружейных выстрелов»[179].

Из сохранившейся переписки Артиллерийского Департамента о заказе кирас на Златоустовской оружейной фабрике усматривается, что все производившиеся опыты над выделкой кирас, непроницаемых для пуль, оказались безуспешными; ввиду этого, в 1836 году был выписан из-за границы, из Клингентальской оружейной фабрики, кирасный мастер Спренгер, обязавшийся ввести в России выделку непроницаемых кирас. Мастер этот был определен на Златоустовскую фабрику Горного ведомства, но до своей смерти, последовавшей в 1837 году, успел сделать лишь несколько кирас на образец и приготовить некоторое количество кирасного металла.

Кирасы, приготовленные Спренгером и его учениками, были испытаны в Л.-Гв. Кавалергардском полку, причем из 10 кирас только одна выдержала выстрелы с 40 шагов, другие же были пробиты насквозь и выдержали стрельбу только с 60 шагов расстояния.

Кирас по методе Спренгера было заказано у нас 1010 шт. на Златоустовской оружейной фабрике, и они по изготовлении были испытаны в Петербурге в 1842 году и выдержали установленную для них стрельбу с расстояния 60 шагов[180].

Следующий образец кирас — 14 размеров был выработан генерал-адъютантом графом Апраксиным и Начальником Златоустовских заводов генерал-майором Аносовым. Кирасы эти с незначительными изменениями, сделанными лично самим Государем, были Высочайше утверждены в 1849 году[181].

С этих пор кирасирские кирасы не изменялись и затем были совершенно выведены из употребления, так как с развитием нарезного оружия они утратили всякое значение.

При современной действительности огня прежде употреблявшиеся кирасы можно считать даже более опасными; опыты, произведенные стрельбою из 4-лин. ружей по трупам, одетым в кирасы, показали, что пули в большинстве случаев пробивают их, причем раны под ними получаются более тяжкими, нежели в открытых частях тела, так как вместе с пулей в тело входят и кирасные обломки; кроме того, пули, выстреленные даже с больших расстояний и отразившиеся от кирас, попадая рикошетом с большой силой в близстоящих людей, могут еще выводить их из строя.

Для полноты очерка мы дадим здесь описание кирасы последнего образца 1849 г.

Они были приняты двух родов: 1) с накладкой из медной латуни и 2) полированные по всей наружной поверхности. Вес их около 20 фунтов. Каждая кираса *с накладкой из медной латуни* состояла из двух половинок: передней и задней. Половинки железные, подложенные с внутренней стороны войлоком и сверх него равендуком. Снаружи кирасы медная накладка. В задней половинке на оплечьях прикреплены заклепками: пет-

ля с шарниром и медной чешуей, подложенные кожей и красным сукном; внизу пояс из красной юфты. На передней половинке была сделана пуговка для застегивания чешуи — внизу перехват. Пояс с пряжкой стягивал обе половинки.

Кирасы полированные. Те же части, но без медной накладки, железо снаружи полировано. Кожа под чешуями не обтянута красным сукном, и пояс сделан из черной глянцевой кожи[182].

Кирасы изготовлялись соразмерно росту людей 14 различных размеров.

В начале главы мы упомянули, что, кроме кирасирских полков, кирасы употреблялись и у саперных батальонов. На основании Высочайшего повеления от 10 марта 1816 года в каждой роте саперных батальонов было положено иметь по одной кирасе и каске для 1 офицера, 1 унтер-офицера и 4 нижних чинов[183] (фиг. 105).

Необходимо при этом отметить, что хотя эти кирасы и предполагались для защиты саперов на всех расстояниях от 35 шагов при производстве ими различных работ, однако, как это видно из дел Артиллерийского Департамента, выработать такие кирасы не удалось.

9 декабря 1817 года Управление Главного Штаба по инженерному корпусу сообщило Артиллерийскому Департаменту, что «вновь сделанные на Сестрорецком оружейном заводе для пробы кирасы и каски при обыкновенном ружейном заряде пробиты пулями на расстоянии 35 шагов, и потому весьма желательно, чтобы завод еще новое испытание сделал на приготовление таких, кои имели бы более твердости, но без умножения веса»[184].

Ввиду неудачных результатов испытания, было решено приготовить новые кирасы и каски по образцам, выработанным полковником Ланкри совместно с Л.-Гв. Саперного батальона полковником Деном[185].

При новых изменениях с утолщением металла вес каски дошел до 11 фн., а передней части кирасы до 13 фн.

Ввиду того, что и эти кирасы были пробиты при испытании, проектирование кирас было поручено Директору Тульского Оружейного завода генерал-майору Штадену, но также неудачно.

В 1819 году генерал-майор Штаден донес, что «при Тульском заводе производимы были разные опыты для ковки тех кирас и шишаков (касок); они ковались из плоского железа лучшей доброты, из железных листов, из мелких обрезков, сплавленных и выбитых в доски и из лучшего железа с накладкой стали, но все старания остались тщетными. После чего сделание таковых пробных кираса и шишака поручено здесь частному человеку; и последствие сего опыта еще неизвестно»[186].

В заключение в 1826 году инженер-генерал Оперман писал в Артиллерийский Департамент, что «образцовых кираса и каски, по которым бы могли были приступить к приготовлению сих вещей для саперных и пионерных батальонов, еще не имеется, да и нет почти надежды, чтобы можно было иметь такие образцовые кирас и каску, которые могли бы противустоять ружейным выстрелам согласно предположению»[187].

Таким образом, развитие и усовершенствование ручного огнестрельного оружия отняло всякое значение от пользовавшегося когда-то боль-

шим распространением предохранительного вооружения. Последние остатки этого оружия, кирасы и каски гвардейских кирасирских полков необходимо в настоящее время причислить уже к обмундированию.

Новые образцы предохранительного вооружения

Но если прежние образцы этого вооружения и потеряли теперь всякое значение, то тем не менее можно ожидать, что в недалеком будущем в несколько измененном виде они снова получат хотя некоторое распространение.

Сила современного огня настолько могущественна, что вполне естественны всякие меры, изыскания и опыты, которые принимаются теперь с целью хотя бы некоторого уменьшения тех громадных потерь, которые несут все участники боя уже с самых дальних расстояний.

Усовершенствование брони во флоте идет параллельно с увеличением калибров морских орудий. Прикрытие орудий броневыми щитами началось во флоте и перешло в крепости. Броневые щиты мало-помалу вводятся и в полевых войсках. Французская полевая артиллерия к новым скорострельным орудиям приняла такие щиты, у нас и в Германии эти вопросы, по-видимому, окончательно еще не решены, и в этом направлении произведены различные изыскания. В датской армии приняты особые переносные щиты высотой 2 метра и шириной 1 метр; один человек свободно может переносить их; эти щиты состоят из 2 стальных по-

лос толщиной 3 мм, поставленных одна от другой на расстоянии 3 сантиметров. Ружейная пуля, пробив одну полосу, совершенно теряет свою силу и уже не в состоянии преодолеть сопротивление второй.

В нашей армии щиты приняты к 3-лин. автоматическому пулемету системы Максима; для защиты стрелков на крепостных валах приняты также щиты, приготовляемые из хромистой стали 6-мм толщины. Щиты эти имеют длину 18 дм. и высоту 16 дм. и в середине отверстие для прохода ружья. Сверху приклепывается небольшая покрышка для защиты от действия шрапнельных пуль, а сзади приклепаны наклонные штанги, при помощи которых щиты ставятся под углом в 45°. Вес такого щита около пуда. Кроме защиты прислуги полевой артиллерии в стрелков на крепостных валах, броневые щиты нередко предлагались, да и теперь предлагаются для полевой пехоты.

Из таких предложений необходимо отметить щиты Людвига Нобеля, которые испытывались во время Русско-Турецкой войны.

Большие потери, понесенные русскими под Плевной при атаке укрепленных позиций, выдвинули вопрос о щитах для пехоты на первый план. Исходя из того положения, что на сто человек раненых и убитых приходится 95% от ружейных выстрелов, 4% от артиллерийских снарядов и 1% от холодного оружия, Нобель предлагал свои щиты для защиты пехоты только от ружейного огня; им был произведен целый ряд опытов изготовления щитов различной толщины как из твердой инструментальной стали, так и из самого мягкого, т.е. ли-

того железа. Предложенные им для нашей армии щиты он изготовлял из мягкого железа, которое дало наиболее благоприятные результаты, толщиной 26 точек; такие щиты не пробивались из 4-лн. ружей уже со 100 шагов. Размер щитов был следующий: высота 4,5 фута, ширина 30 дюймов — один щит закрывал до 10 человек. Способы носки их указаны на помещенных фигурах (фиг. 106, 107, 108, 109).

Относительно способа носки Нобель указывал главным образом на необходимость, чтобы при носке щитов солдат не находился бы в соприкосновении со щитом, так как удар пули, если даже она не пробьет щита, может контузить человека, и второе, чтобы щиты образовали целый фронт для прикрытия находящихся за ними войск. Способ носки предлагался или на тележке, или на шестах, причем Нобель отдавал преимущество второму способу, так как тележки могли быть употребляемы только на ровной местности, кроме того, они увеличивали тяжесть самих щитов.

Из других подобных же предложений необходимо отметить панцирный заслон штабс-капитана Зеленского. Его панцирный заслон является более усовершенствованным, так как он представлял из себя в сложенном виде обыкновенную телегу, на которой могли перевозиться различные припасы, в случае же необходимости тележка раскладывалась и обращалась в два панцирных заслона, которые должны были катить перед собою нижние чины, закрытые таким образом от выстрелов.

Заслон изготовлялся из хромистой стали толщиной 3 линии, размерами он был 4 аршина длины

и 1,5 аршина ширины, вес его 8 — 9 пудов, причем он мог представлять защиту группе стрелков от 20 до 40 человек; при переправах через рвы он мог служить временным мостом; для того же, чтобы заслон не представлял из себя хорошо заметной цели благодаря своим значительным размерам, штабс-капитан Зеленский предлагал маскировать его какими-нибудь предметами, например ветками деревьев и т.п.

Все такие переносные или подвижные заслоны не могут получить большого распространения главным образом благодаря своей тяжести, в особенности если их придется переносить на себе, как это предлагал Нобель; вторые заслоны подвижные, хотя и представляют в этом отношении некоторое преимущество, но зато всякие местные преграды, как-то: кочки, пни, кусты, деревья и т.п. представят препятствия при передвижении такого заслона, что вместе с тем неминуемо задержит движение атакующего вперед.

Придание таких заслонов стеснит части и во время походных движений, а между тем они могут защитить лишь незначительное число людей, и то не во весь рост, как, например, в одном из заслонов, предлагаемых штабс-капитаном Зеленским[188].

Далее необходимо указать на большое число различных панцирей, изобретенных в последнее время и предлагаемых Бенедетти, Аграти, Цегленом и др. изобретателями.

О панцире Бенедетти писалось очень много; в периодической печати указывалось на поистине сказочные результаты, достигаемые при применении этого панциря: лошадь, прикрытая панцирем Бенедетти, не обращала никакого внимания на це-

лые залпы; при сравнительных опытах со стальными щитами последние оказывались совершенно продырявленными, тогда как панцири Бенедетти оставались в целости. При стрельбе в стакан с водой, помещенный в мешок, изготовленный из массы Бенедетти, пуля не только не пробила мешка, но последний не получил даже никого сотрясения, так что вода не вылилась из стакана. Сообщалось о новом каком-то усовершенствовании Бенедетти, которое может противостоять даже артиллерийским снарядам и т.д.

Конечно, во всех этих описаниях весьма незначительная доля правды, так как все это пишется исключительно ради рекламы. Необходимо указать, что при всем том в печати появилось известие о том, что панцирь Бенедетти пробивается пулей из ружья Лебеля. Интересные сведения, появившиеся в различных газетах и журналах, о заказе в прошлом 1904 году панцирей Бенедетти подтвердили, что сказочные результаты эти явились совершенно вымышленными.

При оценке таких панцирей необходимо обращать внимание на следующие обстоятельства:

1) качество пробиваемости;

2) вес их;

3) стоимость, которая, хотя и является третьестепенной данной, понятно, что слишком значительная цена панцирей может явиться большим препятствием в деле их распространения.

Кроме того, необходимо отличать 2 категории щитов.

1) Для защиты от ударов холодного оружия, револьверных пуль, а также и шрапнельного огня.

Изготовление таких щитов, по-видимому, не

может доставить особых затруднений, так как, ввиду малой живой силы шрапнельных и револьверных пуль, вес таких щитов, не пробиваемых этими пулями, выходит не очень значительным.

Применение щитов для защиты от ударов холодного оружия и револьверных пуль при малом числе выбывающих из строя от этого рода оружия, конечно, не имеет никакого смысла, но необходимо иметь в виду, что щиты, защищающие от револьверных пуль, защитят и от шрапнельного огня, а следовательно, они могут, например, принести пользу в применении к материальной части артиллерии для защиты прислуги от шрапнельных пуль при состязании с батареями противника.

2) Ко второй категории необходимо отнести щиты, защищающие от винтовочных пуль.

При современном положении техники и вопроса о щитах, несмотря на различные рекламы о непробиваемых панцирях, по-видимому, все-таки наиболее предпочтительными являются щиты из хромоникелевой стали.

Вес непробиваемых (со 100 шагов и далее) щитов Цеглена (прикрывающих грудь и часть живота) доходит до 20 — 25 фун., между тем вес щитов из хромоникелевой стали, непробиваемых даже с 25 шагов расстояния, является почти таким же (20 ф.), при этом стоимость их значительно меньшая ввиду того, что при применении стали не приходится платить бешеных денег за привилегии, заявленные различными изобретателями.

Указанный выше вес является, конечно, весьма значительным и совершенно не допускает возможности применения таких панцирей для защиты всех нижних чинов, но иметь такие панцири

хотя бы в некотором количестве в каждом полку крайне желательно.

Такие панцири, приданные, например, людям охотничьих команд, а также саперных частей, принесли бы незаменимую пользу при выполнении различных опасных поручений, требующих особенной отваги и риска. Походное снаряжение при этом могло бы быть оставлено, а панцирь, хотя и весящий 20 фн., мог бы сберечь не одну жизнь и вместе с тем способствовать выполнению порученной работы.

При рассмотрении вопроса о системе щитов, т.е. следует ли иметь для указанной выше цели панцирь, надетый на нижнего чина, или переносный щит, необходимо иметь в виду, что панцирь имеет преимущество лишь в более удобном, не столь обременительном для стрелков способе его носки, но зато 1) он совершенно бесполезен при стрельбе лежа, т.е. при стрельбе наиболее частой в настоящее время, тогда как щит, поставленный спереди и имеющий вырез для винтовки, вполне закрывает стрелка; 2) щит, носимый на левой руке, легко снять и снова надеть, легко повернуть в любую сторону по направлению выстрелов; перекинутый за спину, он предохраняет при отступлении, тогда как панцирь и в этом случае совершенно бесполезен; 3) панцирь не защищает всего стрелка, тогда как щит при передвижении пригнувшись защищает почти весь рост нижнего чина; 4) панцирь передает удар непосредственно телу человека, что при значительной живой силе удара ружейной пули может произвести контузию, щит же, носимый на руке, не имеет и этого недостатка; в заключение необходимо отметить,

что большое число панцирей, предлагаемых в последнее время различными изобретателями, служит указанием, что дело разработки предохранительного оружия для полевых войск мало-помалу двигается вперед, и, может быть, кто знает, недалеко то время, когда предохранительное вооружение снова отвоюет себе прежнее давно утраченное значение.

Примечания

1. Пособиями при составлении этой главы, между прочим, служили курсы артиллерии Шкляревича, Потоцкого, Будаевского и др., «Les armes blanches», Nimer et Laval; Marey, «Белое оружие» и архивные дела, касавшиеся холодного оружия.
2. Г.-л. Потоцкий в своем курсе к рубящему оружию причисляет все образцы, которыми можно рубить, несмотря на ясно выраженные их свойства к уколу.
3. С эфесом.
4. Условиями косвенного расположения режущего лезвия относительно направления удара объясняется устройство различных инструментов — буравов, топоров, которые при известном давлении на них производят почти те же явления.
5. Кривизна наших шашек, как указано в приказе по Воен. Вед. 1881 г. № 222, принята в точности подобной кривизне волчков, известных своими прекрасными качествами на Кавказе и в Малой Азии.

   Но при этом необходимо отметить, что, строго говоря, волчок не означает собой определенную кривизну клинка, но лишь известную фабричную марку — очертание фигуры, имеющей отдаленное сходство с бегущим зверем. Известны пассауские и золингенские волчки — оружие со знаком оружейников гор. Пассау на Дунае и Золингена, — в прежние века пользовавшиеся заслуженной известностью как на Западе, так и на Востоке. Клинки этих мастеров были распространены и на Кавказе; вви-

ду большого спроса и отличных качеств этих клинков клинки с маркой волчка стали подделывать и на Востоке. Под именем волчков в настоящее время понимают клинки с малой кривизной, удобные как для рубки, так и для укола.

Желающим подробно ознакомиться с историей волчка рекомендуем статью Э. Ленца «Несколько слов о старинном холодном оружии».

6 «Замечательно, — говорит П. Н. С. в своей статье, помещенной в Военном Сборнике, — что нигде люди Запада не могли взять готовых прекрасных образцов, не испортив их, например, один из лучших способов облегчения клинка мы видим в поперечном разрезе кавказского кинжала (рис. 13). Кинжалы эти даже при очень большой величине — легки и не теряют способности легко углубляться в тело. Европейские же подражания этим кинжалам (рис. 14) толсты, неуклюжи или излишне утончены».

7 Marey в своем сочинении о белом оружии принимает, что скорость клинка в момент удара равняется 50 мер. = 164 ф. в 1", но на основании каких выводов или опытов сделано им такое положение — неизвестно, мы не нашли по этому поводу никаких указаний.

8 Значение центра удара легко можно понять из следующего примера; если тяжелый маятник подвесить на трехгранной оси *a*, упирающейся на твердую поверхность *mn*, и произвести по нижней части маятника удар так, чтобы направление удара *bo* проходило через центр удара и было перпендикулярно к оси вращения маятника и к линии *oa* (соединяющей ось вращения с центром удара), то при таком ударе ось вращения маятника не получает никакого сотрясения и весь удар расходуется на раскачивание маятника. При всяком другом направлении удара ось качания маятника и опорная поверхность *mn* получают сильные сотрясения и

повреждения. Расположение центра удара в каждом теле зависит от размеров тела и расстояния центра тяжести от оси качания (фиг. 19).

9 «Предметы вооружения, найденные в селе Демьяновке Мелитопольского уезда».

10 Отвесом называется ощущение в руке, что центр тяжести шашки лежит впереди линии, проведенной через рукоять.

11 Присутствуя при осмотре оружия в пограничной страже, нам пришлось видеть значительный процент таких клинков с протертыми наконечниками и со следами ржавчины на клинках.

12 Но и такое требование вряд ли правильно, так как в гвардейских полках конец штыка доходит только до подбородка, и это не вызывает никаких неудобств, но об этом см. далее.

13 Нами были просмотрены дела Оружейного Отделения Артиллерийского Департамента, а затем Главного Артиллерийского Управления, дела Штаба Генерал-Фельдцейхмейстера, Артиллерийского Отделения Военно-Ученого Комитета, Искусственного Отделения, а также Артиллерийского Комитета.

14 Табель мундирным, амуничным и оружейным вещам 1802 г.

15 № 1666 — Историч. Артиллер. музея.

16 № 2127 — Историч. Артиллер. музея.

17 Висковатов. Описание одежды и вооружения русских войск — часть II.

18 № 1079. — Историч. Артиллер. музея.

19 № 1842 — Историч. Артиллер. музея.

20 Вопрос об учреждении в России специальной фабрики для выделки холодного оружия был поднят еще с 1811 г., когда начались сношения с некоторыми оружейными мастерами Золингенской фабрики Германии — об условиях, на которых они были бы согласны поступать на службу русского правительства. «Но происшествия незабвенного 1812 года

(выписка из доклада Министра финансов от 30 мая 1819 г.) и начавшиеся в самой Германии военные действия — остановили ход сего предприятия, но вскоре оный был возобновлен? и в 1814 году были заключены новые условия с мастеровыми...
На сих условиях золингенские оружейники прибыли в Россию и были поселены на Златоустовском оружейном заводе Оренбургской губернии. Точность, с какой правительство исполнило обязательства с сими первыми выходцами, возбудила доверие и желание единоземцев их к переселению, и они постоянно приезжали сюда в течение 1814, 1815 и 1816 гг., а также 1817 г., как из Золингена, так и из соседственных оружейных заводов».
Первое время назначением Златоустовской оружейной фабрики было лишь обучение кадра русских мастеровых, и только с 1817 года последовало Высочайшее повеление о прекращении заказов холодного оружия нашим оружейным заводfм и о сосредоточениb изготовления этого оружия на одной Златоустовской фабрике (Дело 1 стола Оруж. Отдел. 1817 г. № 112).

21 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1 стола 1818 г. № 209.

22 Там же.

23 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1827 г. № 97.

24 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1 стола 1817 г. № 126.

25 Там же.

26 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1 стола 1817 г. № 126.

27 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба Генер.-фельдц. св. 493 № 3126 1826 г.

28 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба Генер.-фельдц. №№ 3126 — 1326.

29 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба Генер.-фельдц. 1826 г. № 3126.

30 Зубарев... «Должна ли быть в нашей кавалерии пика».

31 В настоящее время возбужден вопрос о снабжении ножен азиатских шашек нижними наконечниками.

32 Памятная книжка для офицеров русской армии 1841 года.

33 Образцы офицерской драгунской шашки были утверждены в 1841 году.

34 О затруднениях и недоразумениях, которые встречались при приеме оружия, наглядно свидетельствует следующее отношение Департамента Горных и Соляных дел от 25 апреля 46 года.

«Хотя и найдены нашим Департаментом в некоторых частях оружия, доставленного с Златоустовской фабрики, несходства с образцами, но 1) оружие это приготовлено не по образцам, а по чертежам — согласно требованиям Артиллерийского Департамента; сами же чертежи эти с образцами несогласны; между тем как в Московском Арсенале по ним и принимается оружие; 2) что хотя образцы оружию и были сверены с чертежами, но не в подробности и поправки сделаны неполные, 3) что по настоянию Артиллерийского Департамента о приготовлении на Златоустовской фабрике оружия — по чертежам с тем, чтобы образцы должно иметь только для вида и преимущественно для показания чистоты и прочности в отделке, сам же этот Департамент дал знать, что если приготовленные на фабрике тесаки имеют толщину 0,275 (т.е. согласно образца), то они к приему могут быть допущены, и что относительно тесака, приготовленного по чертежу, то *он* найден несоответствующим ни чертежу, ни образцу, и что из свидетельства оружию в Московском Арсенале видно, что там руководствуются при приеме оружия образцами, да и в Своде Воен. постанов. тома 9-го в ст. 836-й сказано, что оружие принимать по образцам; вероятно, и приемщики,

присланные из полков в Арсенал, руководствуются тою же статьей: ибо в законе о приеме оружия по чертежу нигде не упомянуто; почему и Арсенал более держится образцов, а не чертежей, которые и поныне не совершенно сходны с образцами, а потому фабрика должна находиться в беспрестанном опасении, что оружие ее будет забраковано — или потому что оное не сходно с образцами, или потому что вес его не сходит с назначенным в законе».
Оруж. Отдел. 2 ст. 46 года № 43.

35 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба Генер.-фельдц. 45 г. № 8521.

36 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба Генер.-фельдц. 45 г. № 8521.

37 Высочайше конформованная табель 1802 г. — мундирным, амуничным и оружейным вещам кирасирских полков.

38 № 1666 — Историч. Артиллер. музея.

39 Висковатов — часть 11-я.

40 № 172 — Историч. Артиллер. музея.

41 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 113.

42 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1823 г. № 6.

43 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 126.

44 В эфесе убавлено из 1 ф. 57 зол. .... 36 зол.
В ножне .... 3 ф. 56 зол. .... 1 ф. 40,5 зол.
Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба Генер.-фельдц. № 3126 — 1826 г.

45 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1831 г. № 68.

46 Там же.

47 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1831 г. № 68.

48 Памятная книжка для офицеров русской армии, изд. 1841 г.

49 В ноябре 66-го г. Приказом по Военному Ведомству были объявлены некоторые детальные изменения ножны, касавшиеся перемещения гаек в палашных ножнах, — верхняя гайка была оставлена на прежнем месте — нижняя же гайка была поднята на рас-

стоянии 1,5 вершка от верхней. Это было сделано с той целью, чтобы в случае, если бы оборвался верхний носик портупеи, палаш мог бы висеть в прежнем отвесном положении на заднем носике, не переворачиваясь эфесом вниз. В сабельных ножнах для той же цели верхняя гайка была помещена на расстоянии одного вершка от верхнего обреза ножны, а нижняя — на два вершка от верхней.

50 № 1843 — Историч. Артиллер. музея.

51 Висковатов — часть 11-я.

52 Интересно описание пики, помещенное у Гогеля: «Пика есть железное копьецо, насаженное на длинном древке, на котором оно удерживается посредством двух железных полосок, идущих от кольца по обеим сторонам древка, к коему они привинчиваются винтиками... Дело пики столь просто, что нечего об оном здесь и говорить...»

53 Гогель, стр. 572.

54 Висковатов — часть 11-я.

55 В 1846 году были объявлены новые чертежи этой сабли — одновременно с чертежами и другим образцом нашего холодного оружия.

56 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 2 стола 1843 г. № 65.

57 Там же.

58 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 2 ст. 1840 г. № 105.

59 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1843 г. № 65.

60 Зубарев. Нужна ли нашей кавалерии пика?

61 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1855 г. № 82.

62 Циркуляр Интендантского Департамента от 12 августа 1855 г. № 49.

63 Прибор косаря состоит из железной косы, деревянных грабель с отверстием в середине для надевания на тупой конец пики, деревянной лопатки в кожаном чехле, молотка с деревянной ручкой и железной наковальни. Все эти вещи, исключая молотка и наковальни, связываются туго вместе и кладутся в чехол черной юфтовой кожи. Чехол затягивается

ремнями и приторачивается сверх чемодана. Молоток вкладывается в левый, а наковальня в правый мешки переднего вьюка.

64 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1856 г. № 168.

65 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1856 г. № 168.

66 Арх. Гл. Арт. Упр. Военно-Ученого Комитета № 51 — 1846 г.

67 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1856 г. № 168.

68 Экземпляр палаша находится в Историч. Артиллер. музее.

69 Висковатов — часть 12-я.

70 Почти одинакового устройства с нашими драгунскими, ножна кожаная, эфес с одной дужкой, отличия были лишь в деталях устройства.

71 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба генер.-фельдц. 1844 г. № 1583.

72 Почти одновременно был затронут вопрос об упрочнении ножен и во всех других образцах холодного оружия. В 51-м году Петербургскому фабриканту Рикерту было заказано по несколько экземпляров различных ножен: штыковых, тесачных, драгунских и казачьих, приготовленных из гуттаперчи. По заявлению Риккерта, такие ножны имели бы следующие выгоды:

1) Как изготовляемые без шва — они лучше будут предохранять клинок.

2) Перемена погоды, сырость и жар не имеют вредного влияния на ножну.

3) От употребления не теряют своего цвета. (Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 2 стола № 46 — 1850 г.). При испытании, однако, выяснилось, что такие ножны вовсе негодны к употреблению, так как в зимнее время от мороза они трескались, и гуттаперча отваливалась кусками, при сильном же жаре они размягчались и делались липкими, приставая к одежде и совершенно не предохраняя ножну.

73 Арх. Гл. Арт. Упр. — образцовые чертежи шашки.

74 Арх. Гл. Арт. Управ. — образцовые чертежи пики.

75 Полк. Сурин — о казачьей пике.

76 Приказ по В. В. 1891 г. №23; однако они не были введены на вооружение ввиду дальнейших испытаний.

77 Дела Гл. Арт. Упр. 1881 г. № 32 — часть IV.

78 До этого образца в Кавказском казачьем войске, между прочим, были кинжалы и образцов, установленных для офицеров и для нижних чинов Черноморского войска 1 ноября 1840 г. и 1 февраля 1841 г. (фиг. 79 и 80).

79 Отличие от офицерской кавалерийской шпаги состояло в том, что пехотная не имела выступающего ободка по бортику чашек. № 2127 — Историч. Артиллер. музея.

80 Висковатов — часть 10-я.

81 № 1953 — Историч. Артиллер. музея.

82 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1814 г. № 66.

83 Высочайший приказ 24 января 1816 г.

84 № 1954. — Историч. Артиллер. музея.

85 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 113.

86 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1 стола 1826 г. № 55.

87 Памятная книжка для офицеров русской армии. 1841 г., стр. 23.

88 Шварц и Крыжановский. Справочная книга для офицеров артиллерии, изд. 1861 г.

89 Приказы по Военному Ведомству 63 г. № 191 и 302.

90 Арх. Гл. Арт. Упр. — образцовый чертеж штыка.

91 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1870 г. № 49.

92 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1870 г. № 36.

93 В настоящее время опыты, произведенные в Офицерской Стрелковой Школе, показали, что пороховые газы здесь не играют никакой роли. Стрельба, произведенная в Школе из винтовок со штыками, имевшими лезвия, отогнутыми на 10, 45, 90 и 133°, показала, что чем более отогнут штык, тем пуля получает большее отклонение, т.е. выразилось влия-

ние расположения центра тяжести (см. Теорию Стрельбы. Курс полковника Филатова, стр. 149).

94 Интересно отметить способ носки штыка в пехотных войсках Отдельного Кавказского корпуса (1848) — фиг. 92.

95 Экземпляр тесака находится в коллекции оружия Главного Артиллерийского Управления.

96 Высочайше конфирмованная в 1803 г. табель мундирным и амуничным вещам саперных батальонов.

97 Высочайший приказ 24 января 1816 г.

98 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 113.

99 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 125 и 1823 г. № 6.

100 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 126.

101 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1834 г. № 38.

102 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба генер.-фельдц. 33 г. № 3132.

103 Там же.

104 Справочная книжка для офицеров русской армии, изд. 1841 г., стр. 23.

105 Висковатов — часть 12-я.

106 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1817 г. № 113.

107 Арх. Гл. Арт. Упр. Штаба генер.-фельдц. 1833 г. № 3132.

108 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1 стола 1865 г. № 76.

109 Все донесения свидетельствовали о преимуществах шашки перед тесаком.

Так, например, 1-я гренадерская артиллерийская бригада (Московский округ) донесла, что «как в пешем, так и в конном строю неудобств при носке нового оружия никаких не оказалось, в пользу же нового оружия следует сказать:

1) по прямому назначению своему — как единственное оружие личной обороны — шашка, без сомнения, лучше тесака;

2) при посадке прислуги на орудия новая шашка

оказывается тоже удобнее тесака, так как ее легко помещать между колен, особенно если на портупее опускать ее несколько ниже, нежели это положено для обыкновенных шашек».

Оренбургский и Виленский военные округа донесли, что шашки оказались вполне удобными.

При испытании в Рижском военном округе оказалось, что «шашки нисколько не обременяют нижних чинов при носке, равно не затрудняют их при действии из орудий, а также и ездовых при управлении лошадьми; кроме того, эта шашка, как оружие оборонительное, без всякого сомнения, значительно превосходит нынешний образец вооружения».

Киевский округ донес, что «употребление шашек этих в строю оказалось далеко удобнее, чем существующих ныне тесаков, а так как они представляют собою оружие много более существенное, чем тесаки, ни на что не годные, то поэтому вооружение ими всей пешей артиллерии следует признать полезным».

11-я артиллерийская бригада высказала, что «тесак не есть оружие — потому что им нельзя ни обороняться, ни нападать — и солдат, стоя на часах, не может защищать свой пост ни от людей, ни от зверей; напротив того, при шашке в мирное время солдат самоуверенно стоит на часах, и в военное время она послужит действительным оружием при нечаянных нападениях, фуражировках и других случаях, чего нельзя сказать о тесаках».

По донесению 12-й арт. бригады, «шашка как оружие для защиты — хотя слабое, но все же удобнее и полезнее тесака, который ни к чему не служит».

Точно так же о преимуществах шашки перед тесаком свидетельствовали донесения и других округов: Московского, Кавказского, Одесского и Финляндского.

О некоторых неудобствах шашки заявили лишь Казанский и Варшавский военные округа: первый донес, что «при обращении с орудиями и при посажении прислуги на лафет укороченные драгунские шашки менее удобны, чем тесаки». По донесению Варшавского военного округа, «в конном строю при посажении прислуги на орудия шашки более мешают, чем тесаки, и часто попадают под садящихся; вообще вся прислуга садится медленнее прежнего, особенно в движении и при слезании должна быть более осмотрительна, чтобы не зацепиться за что-нибудь шашкою... Упомянутые, однако, неудобства обуславливаются недавним употреблением шашек, причем люди не успели еще приобрести должных сноровок, которые сделают употребление шашек вполне удобным, а потому и не должно останавливаться заменою бесполезных тесаков означенными шашками».

Мы нарочно остановились несколько подробно на донесениях артиллерийских частей по поводу замены тесаков, которые считались тогда ни к чему не годными и за принятие которых на вооружение в настоящее время вновь раздаются голоса.

110 Арх. Гл. Арт. Упр. Военно-Ученого Комитета № 51 — 1856 г.

111 Журнал Комитета, от 5-го июля 59 г. за № 94. — Арх. Гл. Арт. Упр. Военно-Ученого Комитета 46 г. № 51.

112 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1 стола 67 г. № 28.

113 Там же.

114 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 80 г. № 9. Доклад Гл. Арт. Упр. от 1 апреля 1880 г. № 10601.

115 Доклад Гл. Арт. Упр. от 1 апреля 1880 г.

116 Там же.

117 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9.

118 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9.

119 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9.

120 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9.

121 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9.

122 Одновременно в Златоустовской фабрике велись опыты по изготовлению клинков катаных вместо кованых, причем результаты показали, что оба сорта клинков обладают одинаковыми достоинствами и в одинаковой степени удовлетворяют инструкции. Запрошенный по этому поводу г. Горлов высказался решительно против введения прокатки. «Избирая новый способ фабрикации, — писал г. Горлов, — завод должен стараться поднять качество изделий до возможно высшей степени и наглядно доказать преимущества нового способа. Между тем помянутые опыты показали, что по качеству катаные клинки лишь не уступают кованым и даже не превосходят их однообразием качеств; но так как процесс прокатки гораздо однообразнее ковки, то на основании этих результатов необходимо заключить, что он не в состоянии уничтожить того разнообразия качеств, которое лежит в самой сущности изготовления клинков и, следовательно, не представляет даже этой технической выгоды. Что касается до влияния продолжительной ковки клинков перед закалкой, то убеждение в несомненной ее пользе не составляет личного моего мнения, а признается вполне справедливым, как литературой этого дела, так и опытною техникою других стран. В Англии при заказах клинков ставится прямо условием, чтобы клинки были не катаные, а непременно кованые и в нынешнем собрании техников железного и стального дела, в так называемом Iron and Stal Institute, известный металлург доктор Перси высказывал, что как по замечательным опытам Caron в 1863 г. во Франции, так и по данным, собранным в Англии, прокатка стали не может улучшить качеств в такой степени, как проковка. Эти данные, полученные новейшей техникой и под-

тверждающие общее мнение о необходимости хорошей проковки клинков, а также вышеприведенные соображения относительно результатов испытаний кованых и катаных клинков, по моему мнению, представляют вполне достаточные основания для того, чтобы дальнейшее ведение опытов по предмету прокатки клинков окончательно прекратить и самый вопрос считать законченным».

123 Арх. Гл. Ар. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9, а также 1881 г. № 92.

124 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 80-го года № 9, а также 66-го года № 32.

125 Начальник 11-й кавалерийской дивизии командиру 11-го армейского корпуса — 5 мая 88-го года:
«С введением на вооружение драгунских частей шашек обр. 1881 г. в полках вверенной мне дивизии было обращено внимание на то, что нижние кольца этих шашек весьма скоро перетираются, требуя частой (до 3 раз в год) починки, и в значительном числе замены новыми, особенно после лагерных сборов. Имея в виду, что в шашках прежнего образца, имевших круглые кольца, сказанного недостатка не замечается, и принимая во внимание, что сравнительно быстрое перетирание колец треугольной формы в военное время может поставить кавалерийские части в затруднение по своевременной починке и замене новыми, казалось бы практичнее применить круглую форму нижнего кольца».

126 Было замечено, что отдувы кожи являлись преимущественно в верхней части ножны между гайками. По тщательном исследовании и испытании разных средств к уничтожению отдувов ножны, что главной причиной вообще была ширина выкройки для чехла; отдувы близ швов являлись отчасти и потому, что швы не выровнялись тщательно в желобки; кроме того, недостаточная сушка дерева также

должна была быть принята за одну из причин образования отдувов. Принятые заводоуправлением меры, а именно уменьшение выкройки, имели следствием, что у некоторых ножен кожу стало растягивать; такие ножны плохо прогрунтовывались, почему легче пропускали воду. Результаты испытаний вместе с тем показали, что вполне избежать появления отдувов почти невозможно.

127 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 80 г. № 9.

128 Там же.

129 Производство обрезиненных ножен заключалось в следующем. При помощи вальков наносили на холст определенной толщины слои резиновой массы. Из полученной материи вырезали выкройки, а из выкроек изготовлялись чехлы, которые подвергались вулканизации; они поступали в особые котлы, где подвергались действию температуры свыше 130° и определенному давлению, при которых каучук химически соединялся с серой, находящейся в составе массы, т. е. вулканизовался. В зависимости от количества соединившейся серы каучук приобретал большую или меньшую жесткость ра счет потери эластичности.

130 Военный Сборник 1903 г., № 2, статья Пономаревского-Свидерского.

131 Приказ по Военному Ведомству 91 г. № 238 и Циркуляр Главного Штаба 97 г. № 24.

132 Необходимо отметить, что г. Горловым возбужден был также вопрос и о необходимости открыть особый склад, в котором офицеры могли бы приобретать действительно хорошее оружие по более дешевой цене.

«Офицеры как гвардии, так и армии, — писал г. Горлов 25 мая 1883 г., — весьма нуждаются в приобретении шашек хорошего качества, ищут таковые повсюду в Петербурге, но в большей части оружейных магазинов находят или шашки кустарного

производства с дурными клинками, худо присаженными и притом еще довольно высокой цены, или немецкие золингенские клинки положительно дурной стали и плохого чертежа и тоже дурно присаженные. Число золингенских клинков, идущих в нашу армию, чрезвычайно значительно, и они извлекают из России много денег за границу, вредя достоинству вооружения наших офицеров».
(Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1880 г. № 9).

133 Драгомиров. Сборник статей, том I, стр. 508.

134 Кроме того, о штыке см.: Юганов. Военный Сборник № 5 1895 года и Май-Майевский — 1898 г. № 7 и 8.

135 Драгомиров. 14 лет.

136 Между солдатами, не говоря уже об офицерах. Дуэли на пистолетах воспрещены, ибо на пистолетах и трус может драться, а на дистанцию шпаги не очень-то выйдет. Так что у них дуэли — воспитательный прием. (Примечание г. Драгомирова).

137 Конечно, говоря, что рубить и хорошо рубить умеет каждый русский мужик, г. Драгомиров лишь указывал на нашу национальную привычку к рубке, но не на то, что это уменье должно исключить необходимость основательного обучения его той же рубке в войсках.
Насколько трудно достигнуть ловкого владения шашкой, видно из следующих слов Драгомирова: «Так как холодное оружие употребляется на расстоянии грудь с грудью, то само собою понимается, что опоздали вы нанести удар на неизмеримую долю секунды, неприятель нанесет его вам — и дело кончено, зачастую навсегда; дали вы промах, то есть заехали по воздуху или хоть и не по воздуху, но дали фухтель; получится то же самое, — в следующее мгновение, пожалуй, лишитесь возможности исправить свою ошибку. Ясно, что при употреблении холодного оружия всяческий глазомер приоб-

ретает значение настолько громадное, настолько жизненное, о каком при стрельбе даже и понятия не возникает».

138 Драгомиров. 14 лет.

139 Зубарев. Опыт исторического исследования законов колющего оружия.

140 Полковник Де-Витт.

141 Сухотин.

142 С доливкой свинца — 7 фн.

143 Рассматривая в этой статье вопрос о холодном оружии прислуги пешей артиллерии, мы коснемся также и вопроса о вооружении ее револьвером.

144 От 7 августа 1898 года за № 23822.

145 Русский Инвалид — статья полковника Деревицкого, 1902 г.

146 № 417 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

147 № 418 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

148 № 420 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

149 № 424 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

150 № 425 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

151 № 427 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

152 № 426 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

153 № 429 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

154 № 438 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

155 № 439 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

156 № 440 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

157 № 441 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

158 № 443 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

159 № 445 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

160 № 446 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

161 № 447 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

162 № 456 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

163 № 458 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

164 № 460 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

165 № 466 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

166 № 468 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

167 № 476 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

168 № 480 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

169 № 487 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

170 № 488 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

171 № 490 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

172 № 494 — коллекции Главного Артиллерийского Управления.

173 См. табл. на с. 227.

174 Высочайше конфирмованная табель мундирным, амуничным и оружейным вещам кирасирских полков 30 апреля 1802 года.

175 Висковатов — часть II.

176 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1839 года № 40 — 2 стола.

177 Интересно при этом отметить, что новых кирас было заказано 2 тыс. по 34 р. 79 к., причем в то время, когда изготовление их на Сестрорецком оружейном заводе подходило уже к концу, Государю Императору угодно было переменить образец, по которому они выделывались (новые образцы были 4 размеров). Командующий Сестрорецким заводом донес, что переделка почти уже готовых кирас по новым образцам будет стоить дороже, чем выделка совершенно новых. Ввиду этого, Государь Император Николай Павлович приказал заказать еще 2 тыс., причем необходимую сумму в размере 85 185 р. повелел уплатить из личных его средств (Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1827 года № 27).

178 В 1833 году приказом Военного Министра от 27 февраля за № 33 было Высочайше повелено прикрепить на имевшихся в Л.-Гв. Кирасирском Его Величества полку черных кирасах медные двуглавые орлы по образцу, Высочайше утвержденному для киверных гербов в пеших гвардейских полках.

179 Свод Военных постановлений часть IV — книга 2-я — ст. 859 — 832.

180 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел 1839 года № 40.

181 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел 1844 года № 18.

182 Шварц и Крыжановский. Памятная книжка для офицеров русской артиллерии, изд. 1862 года.

183 Высочайше конфирмованная табель 9 марта 1816 года.

184 Интересно привести следующий рапорт Директора Сестрорецкого оружейного завода полковника

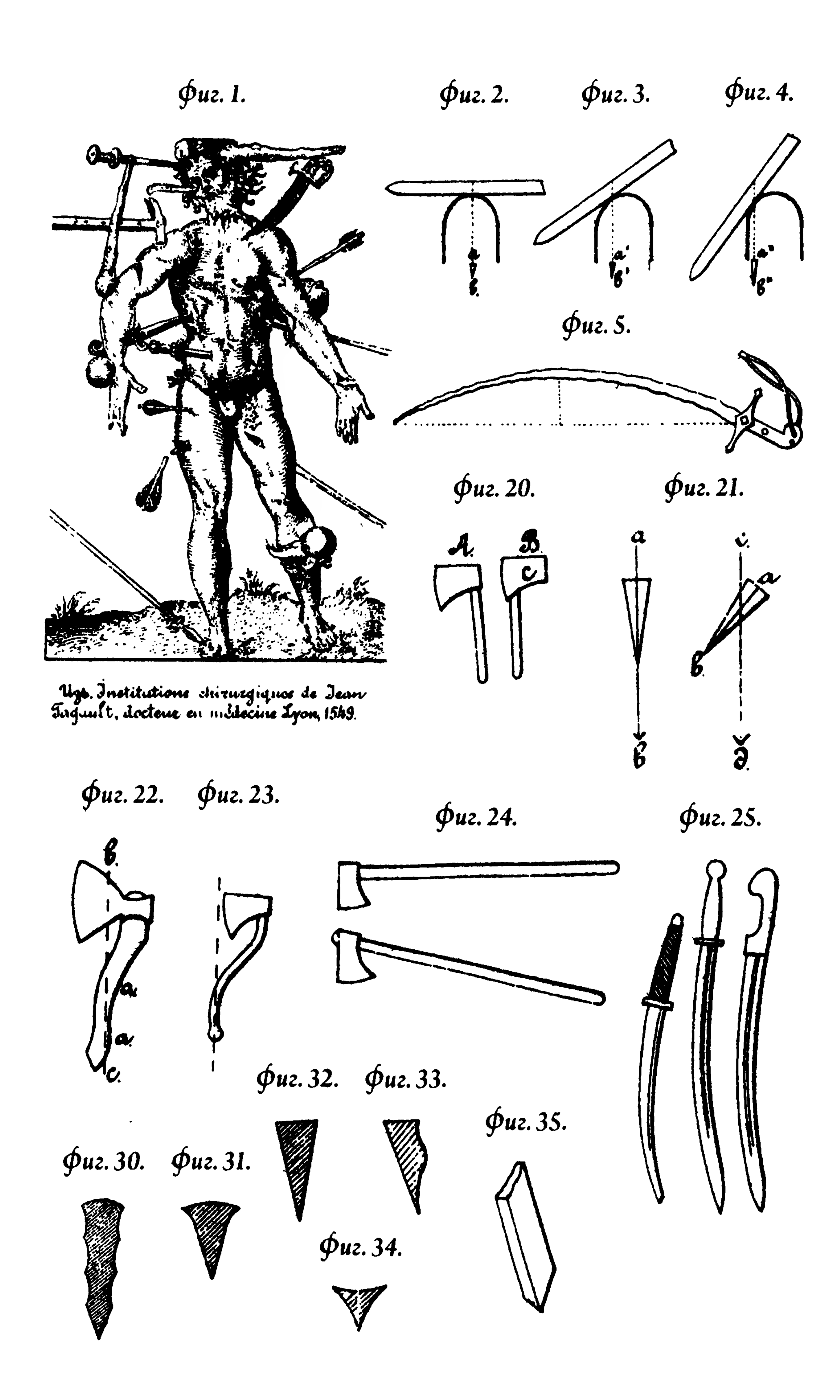
Ланкри, которому Артиллерийским Департаментом было сообщено указанное выше отношение генер.-лейт. Опермана: «Если бы имел средства, — писал он, — к выполнению желания Господина Инженер-Генерал-Лейтенанта и Кавалера Опермана относительно до приготовления требующихся для пионеров достальных 30 пар кирас — и столь же числом касок, напротив прежних превосходнее в твердости, без отлагательства бы выполнил, но не предвидя к сему никакого искусства — не только без умножения в весе, но даже и с прибавлением оного какого ни на есть числа при 35 шагах выстрела выдержать не могут, ибо и первые делающиеся выдерживали пробу от 25 до 30 сажен, что есть тройное расстояние, и буде иметь Инженер-Генерал-Лейтенант и Кавалер Оперман какой к усильнейшему изготовлению кирас и касок способ, прошу всепокорнейше Артиллерийский Департамент от него испросить, по получении какового сведения немедленно выполню волю, предписанную от начальства».

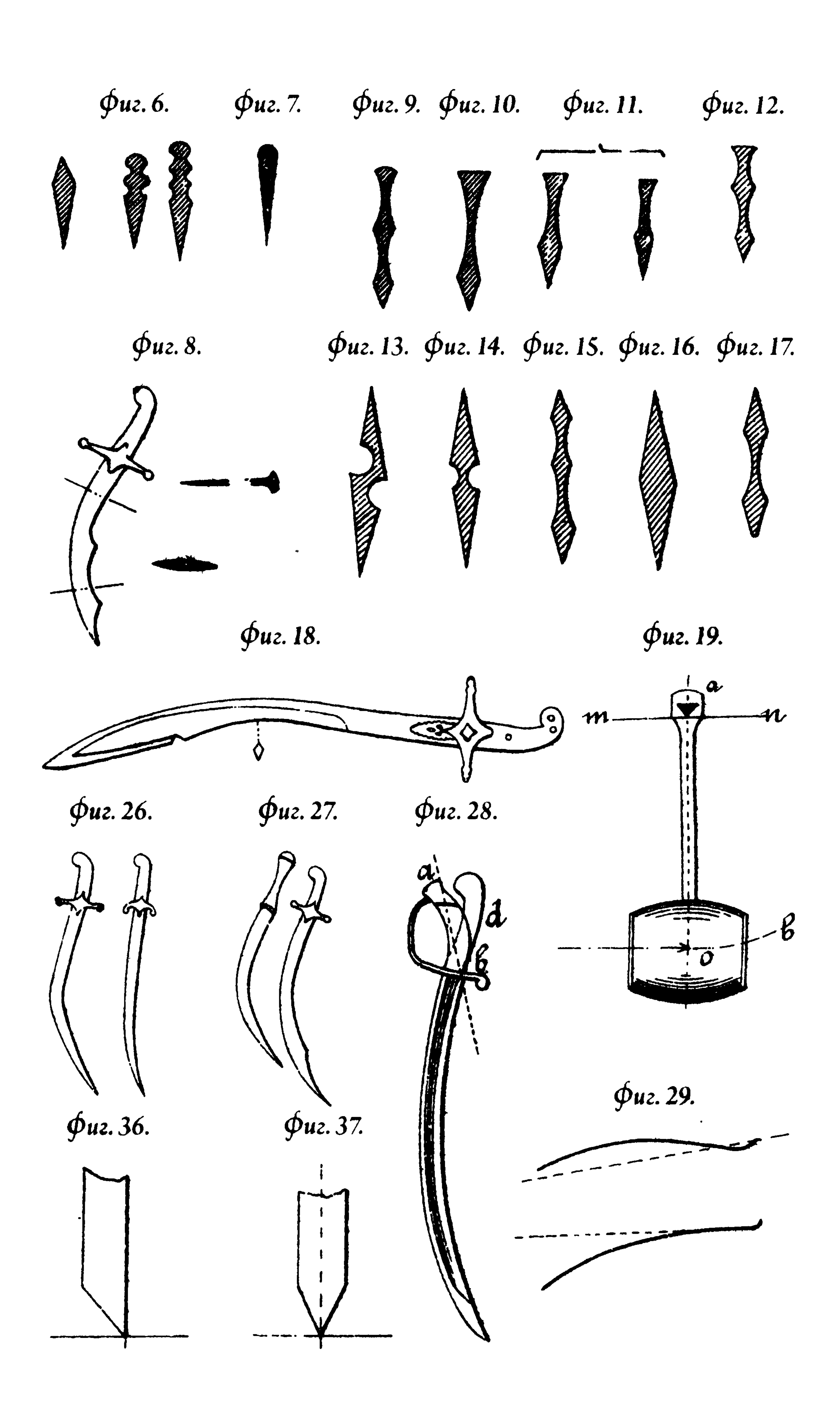
185 Арх. Гл. Арт. Упр. Оруж. Отдел. 1806 года № 66.

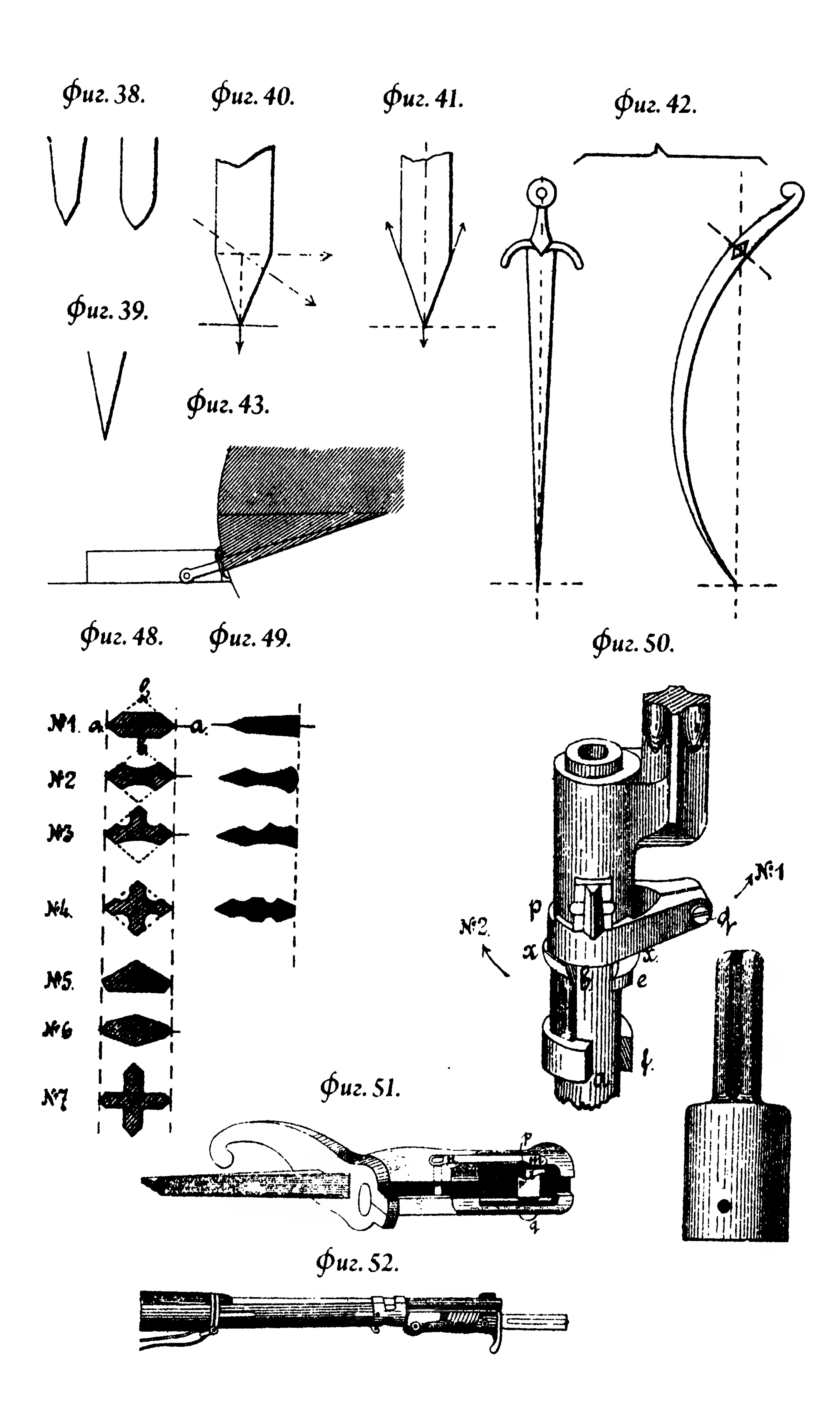
186 Там же.

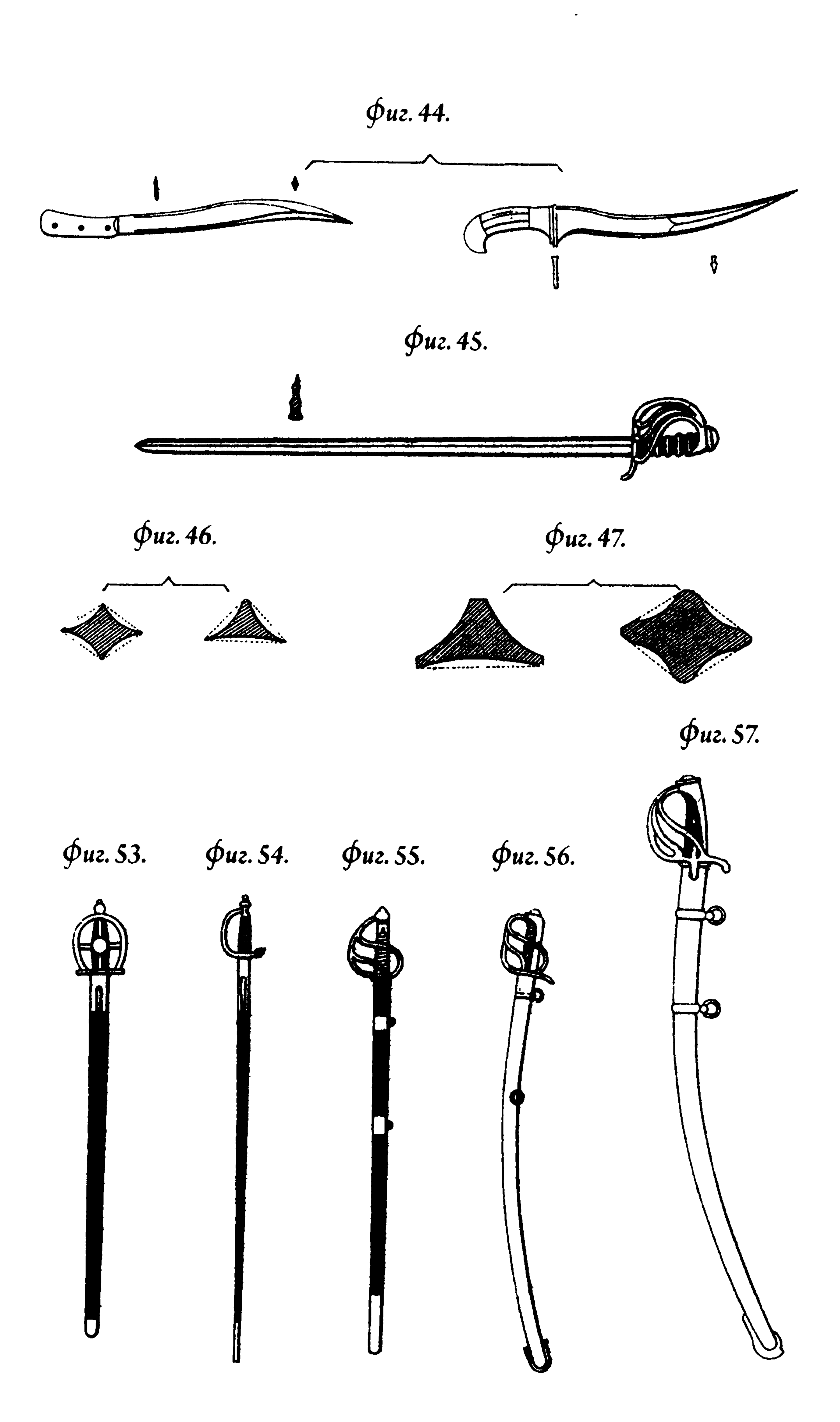
187 Там же.

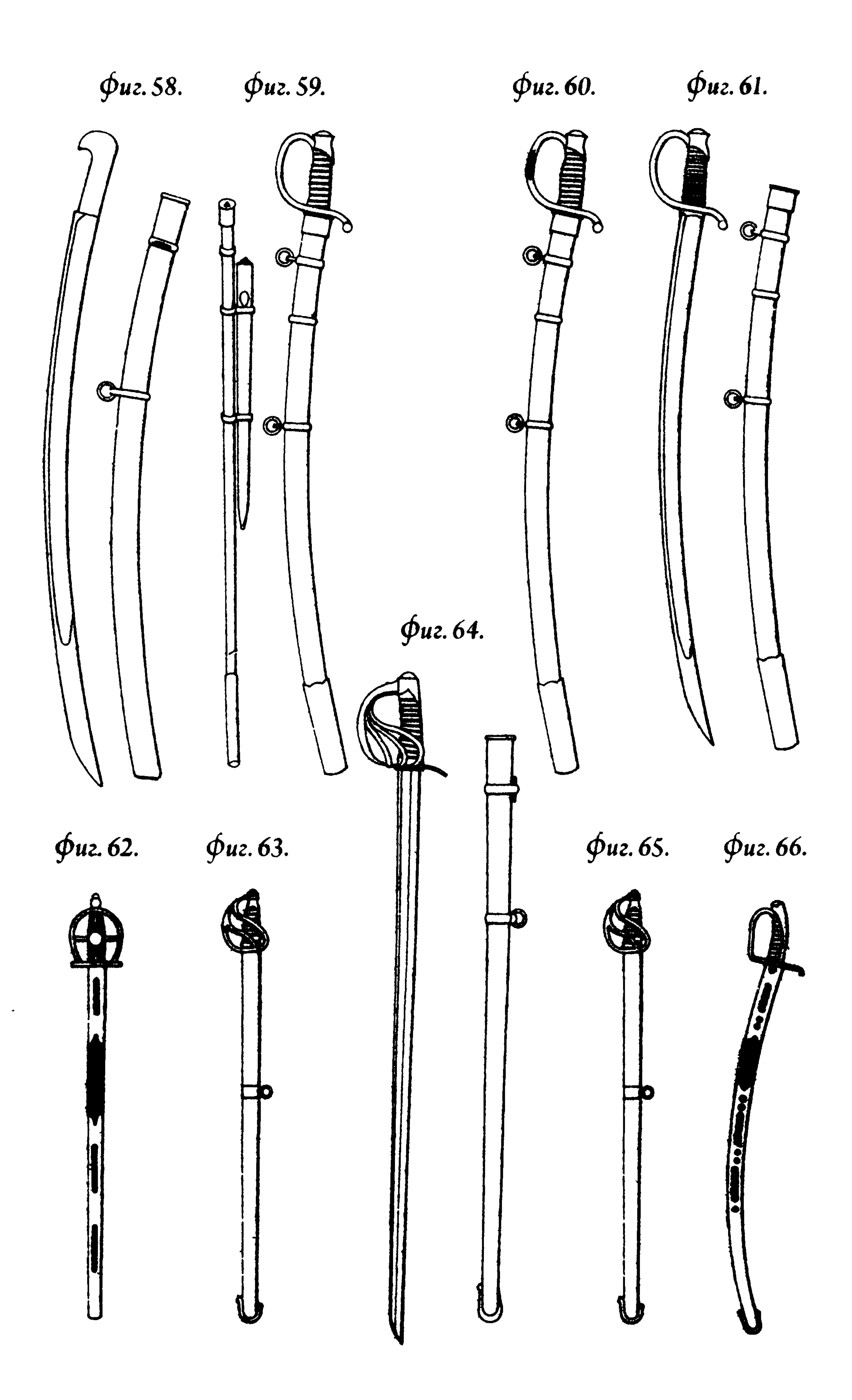
188 Таким образом, до сих пор не признается возможным придавать их полевым войскам. Опыт настоящей кампании, в которой в полевых боях подвозятся даже осадные орудия, возбудил вопрос о введении щитов в имущество инженерных или осадных парков для подвоза их войскам в случае необходимости.

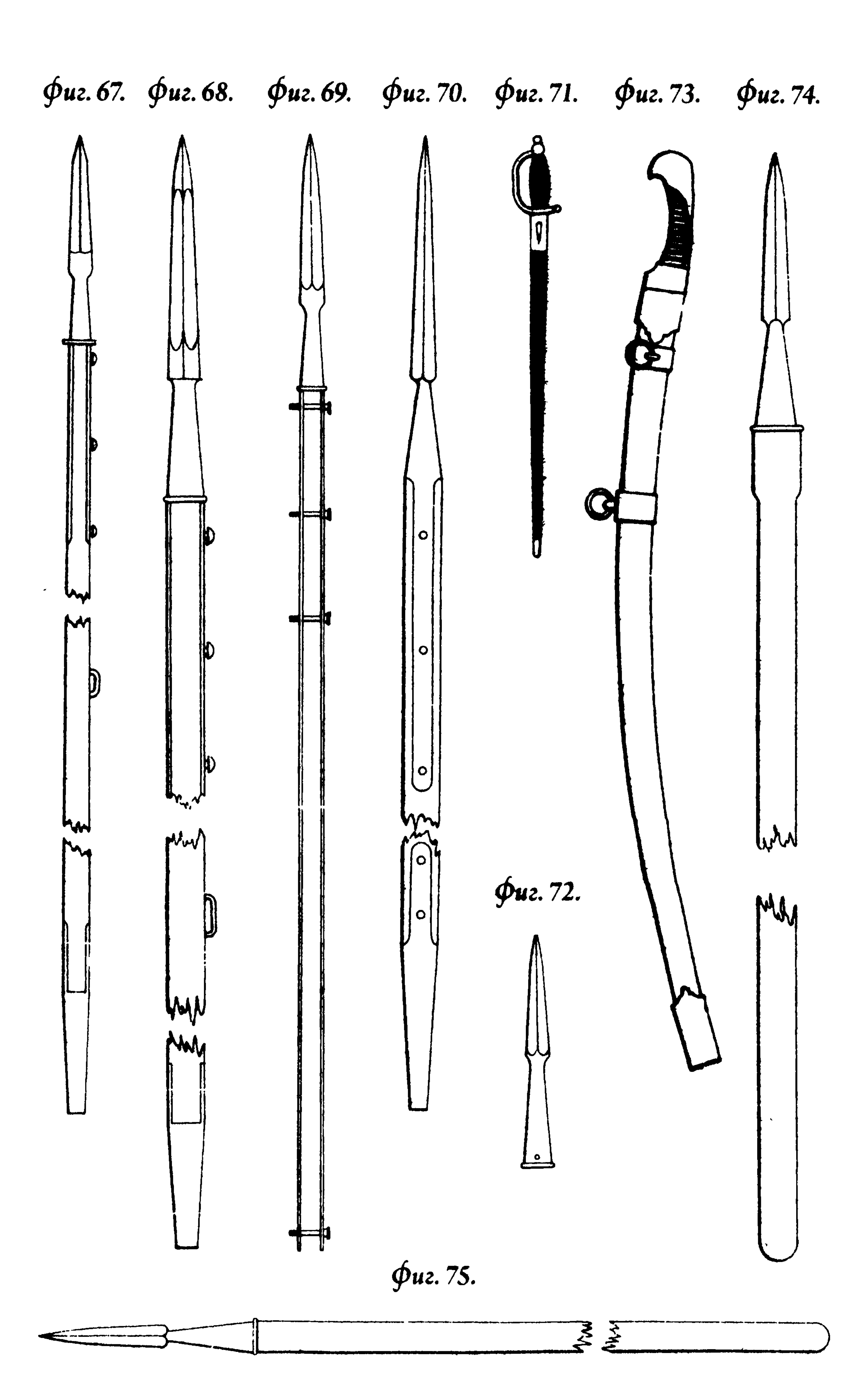

Фиг. 1.
Фиг. 2.
Фиг. 3.
Фиг. 4.
Фиг. 5.
Фиг. 20.
Фиг. 21.
Фиг. 22.
Фиг. 23.
Фиг. 24.
Фиг. 25.
Фиг. 30.
Фиг. 31.
Фиг. 32.
Фиг. 33.
Фиг. 34.
Фиг. 35.

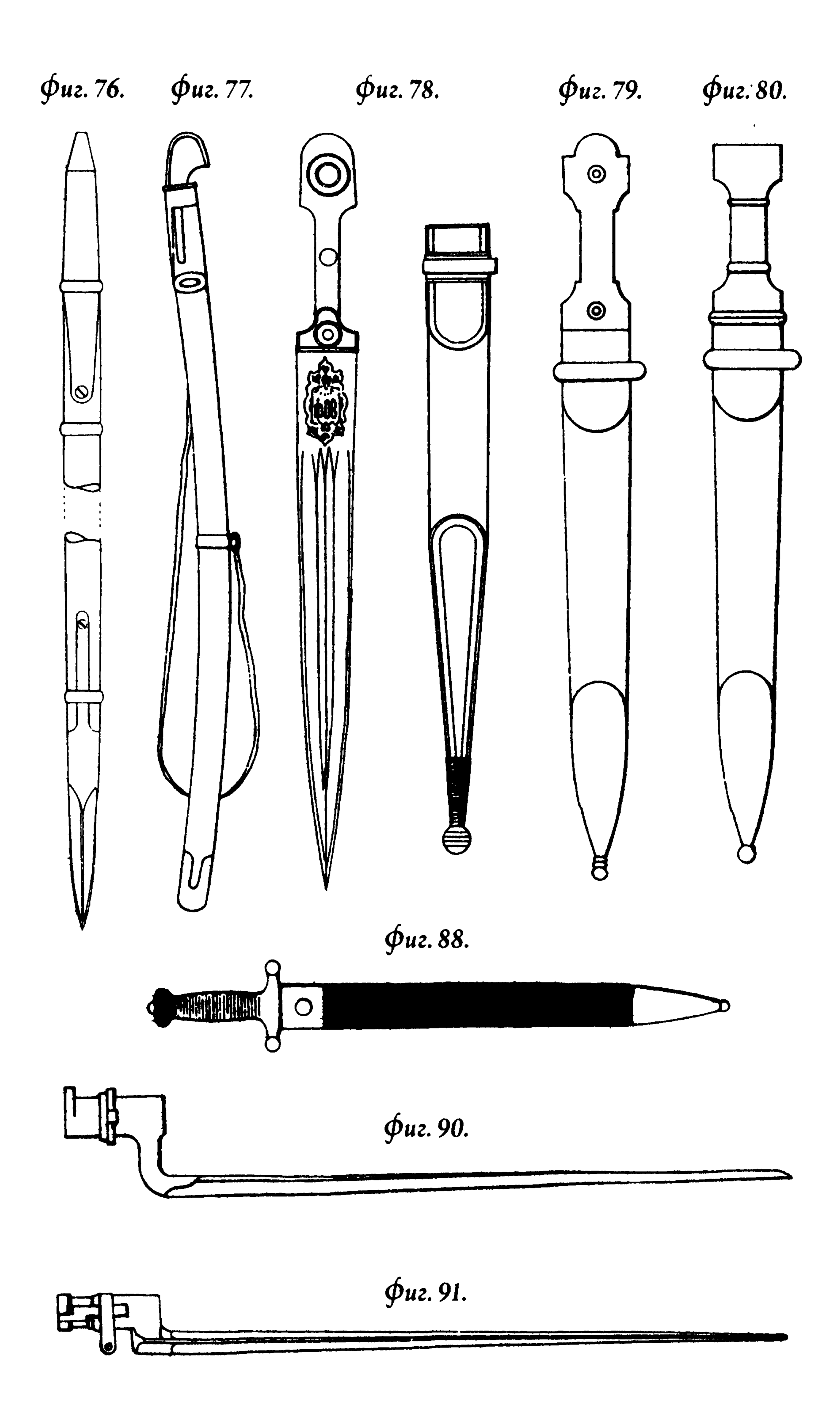

Фиг. 6.
Фиг. 7.
Фиг. 9.
Фиг. 10.
Фиг. 11.
Фиг. 12.
Фиг. 8.
Фиг. 13.
Фиг. 14.
Фиг. 15.
Фиг. 16.
Фиг. 17.
Фиг. 18.
Фиг. 19.
a
m
n
в
o
Фиг. 26.
Фиг. 27.
Фиг. 28.
a
d
b
Фиг. 29.
Фиг. 36.
Фиг. 37.

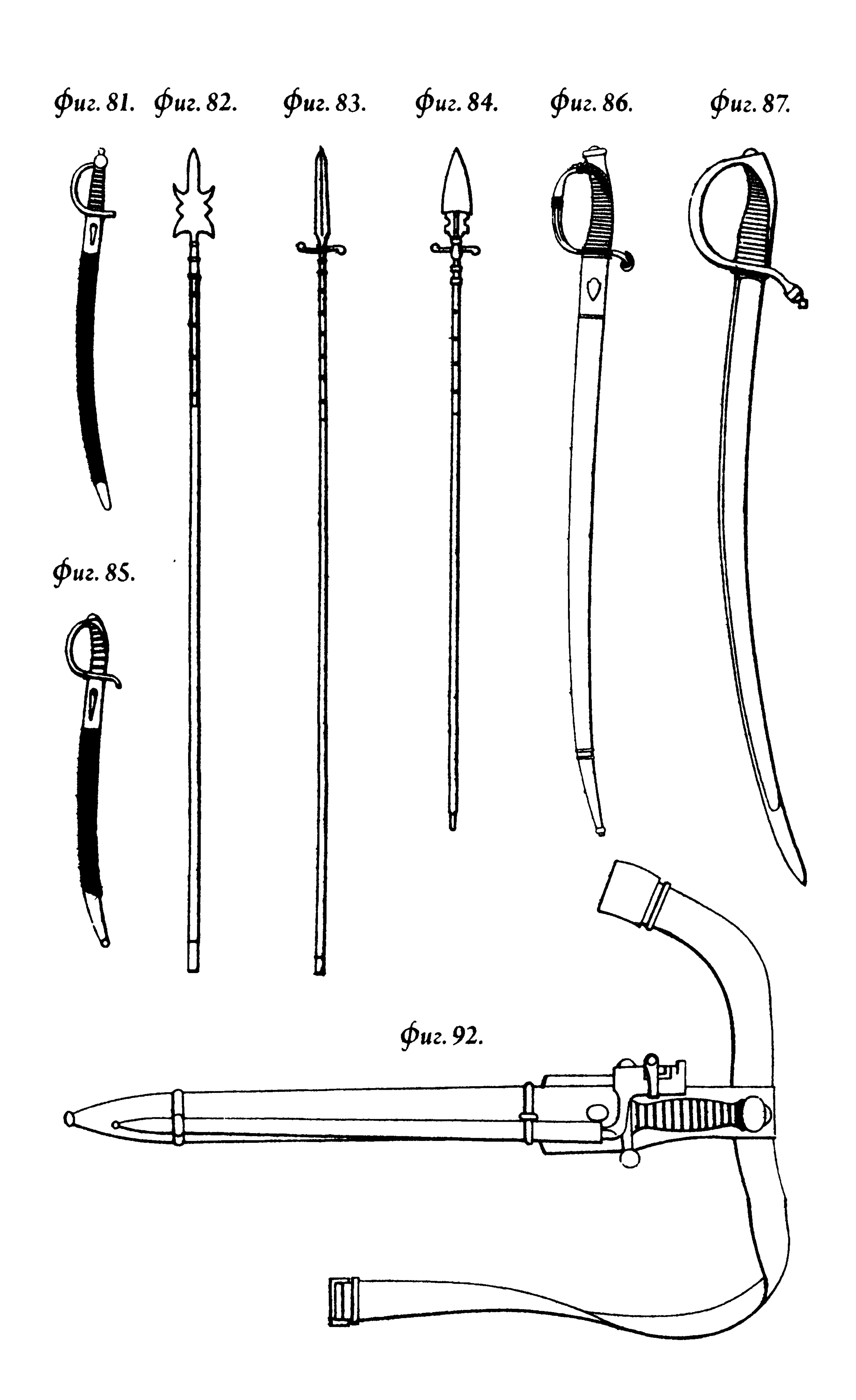

Фиг. 38.
Фиг. 39.
Фиг. 40.
Фиг. 41.
Фиг. 42.
Фиг. 43.
Фиг. 48.
Фиг. 49.
Фиг. 50.
Фиг. 51.
Фиг. 52.
№1
№2
№3
№4
№5
№6
№7
a
b
p
q
x
e
f

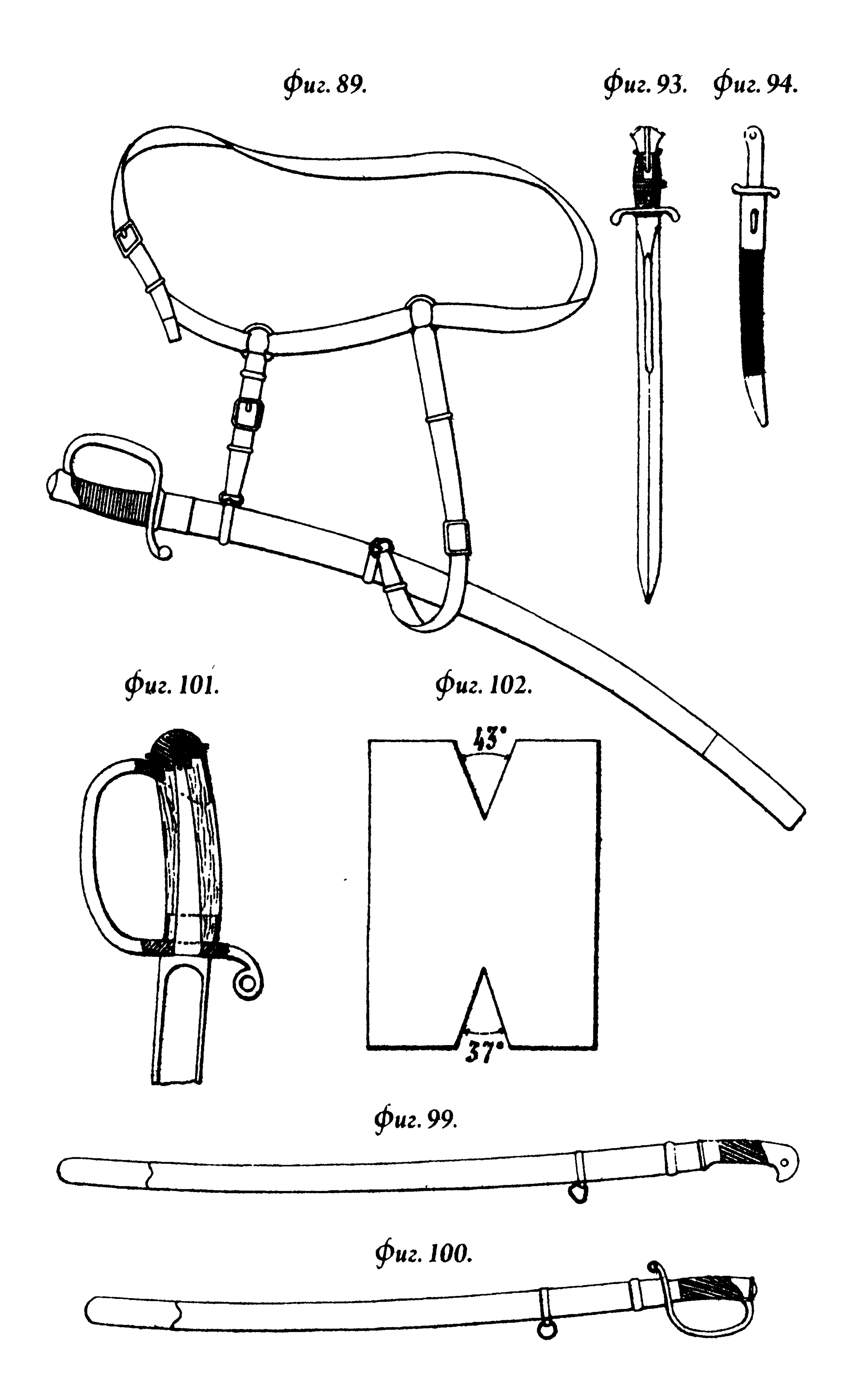

Фиг. 44.
Фиг. 45.
Фиг. 46.
Фиг. 47.
Фиг. 57.
Фиг. 53.
Фиг. 54.
Фиг. 55.
Фиг. 56.

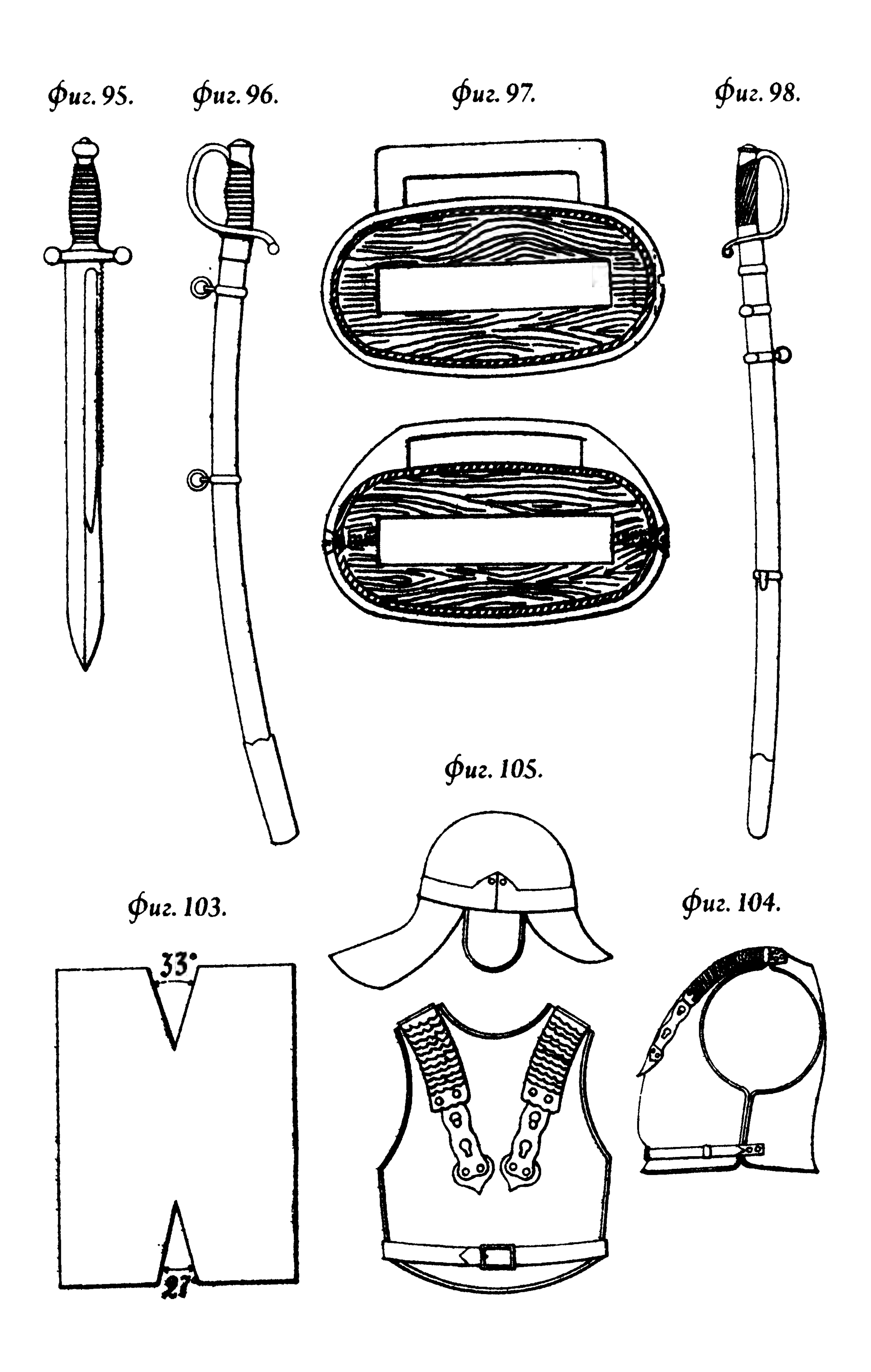

Фиг. 58.
Фиг. 59.
Фиг. 60.
Фиг. 61.
Фиг. 64.
Фиг. 62.
Фиг. 63.
Фиг. 65.
Фиг. 66.

Фиг. 67.
Фиг. 68.
Фиг. 69.
Фиг. 70.
Фиг. 71.
Фиг. 73.
Фиг. 74.
Фиг. 72.
Фиг. 75.

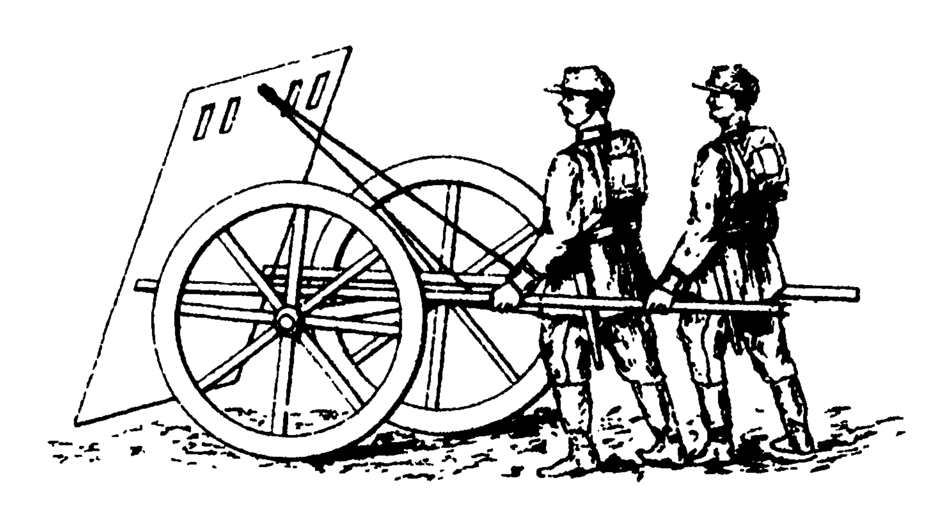

Фиг. 76.
Фиг. 77.
Фиг. 78.
Фиг. 79.
Фиг. 80.
Фиг. 88.
Фиг. 90.
Фиг. 91.

Фиг. 81.
Фиг. 82.
Фиг. 83.
Фиг. 84.
Фиг. 86.
Фиг. 87.
Фиг. 85.
Фиг. 92.

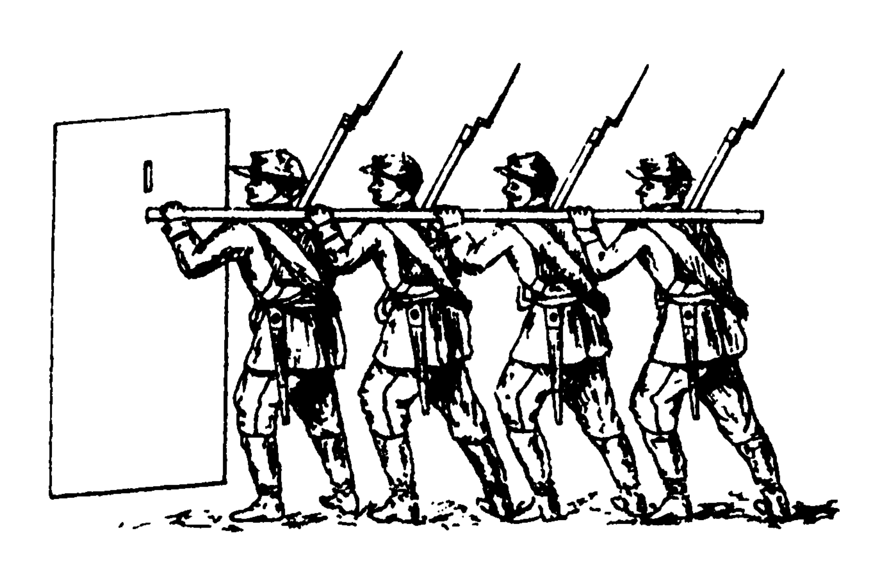

Фиг. 89.
Фиг. 93.
Фиг. 94.
Фиг. 101.
Фиг. 102.
43°
37°
Фиг. 99.
Фиг. 100.

Фиг. 95.
Фиг. 96.
Фиг. 97.
Фиг. 98.
Фиг. 105.
Фиг. 103.
33°
27
Фиг. 104.

Фиг. 106.

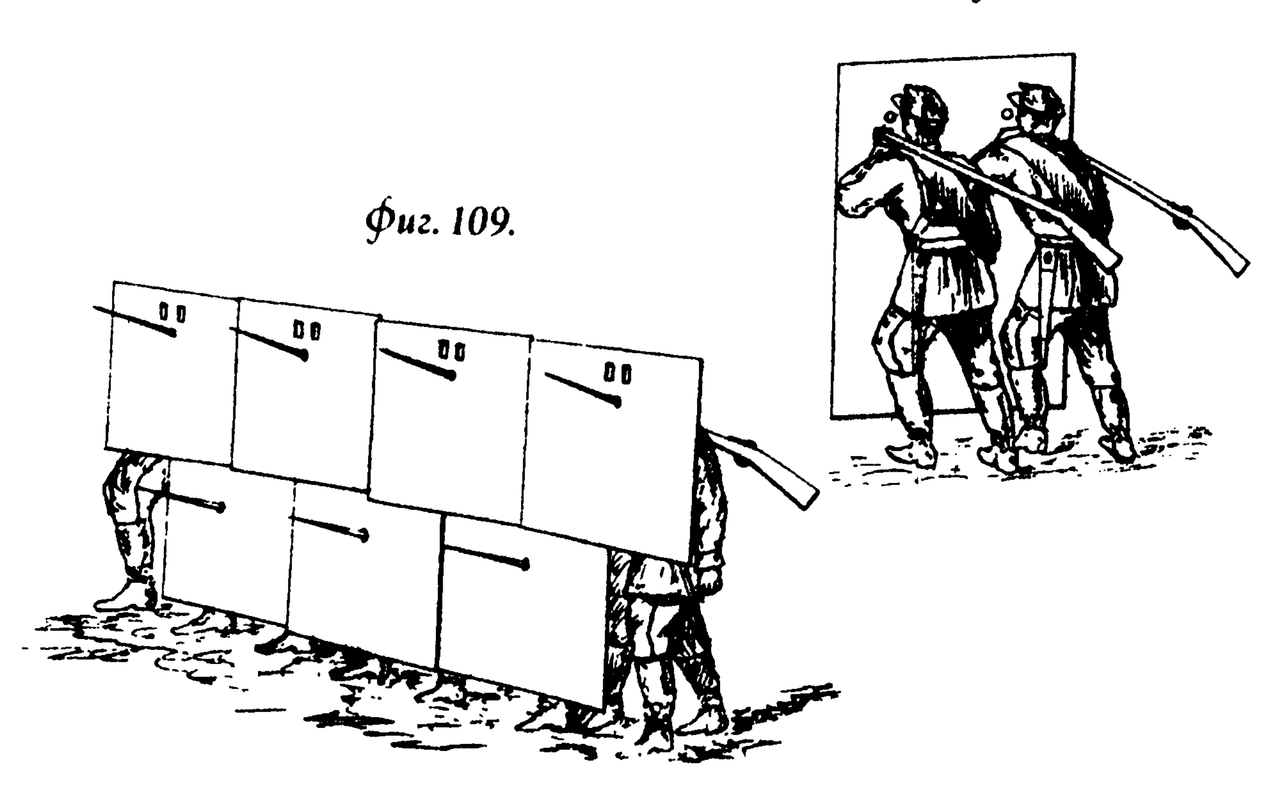

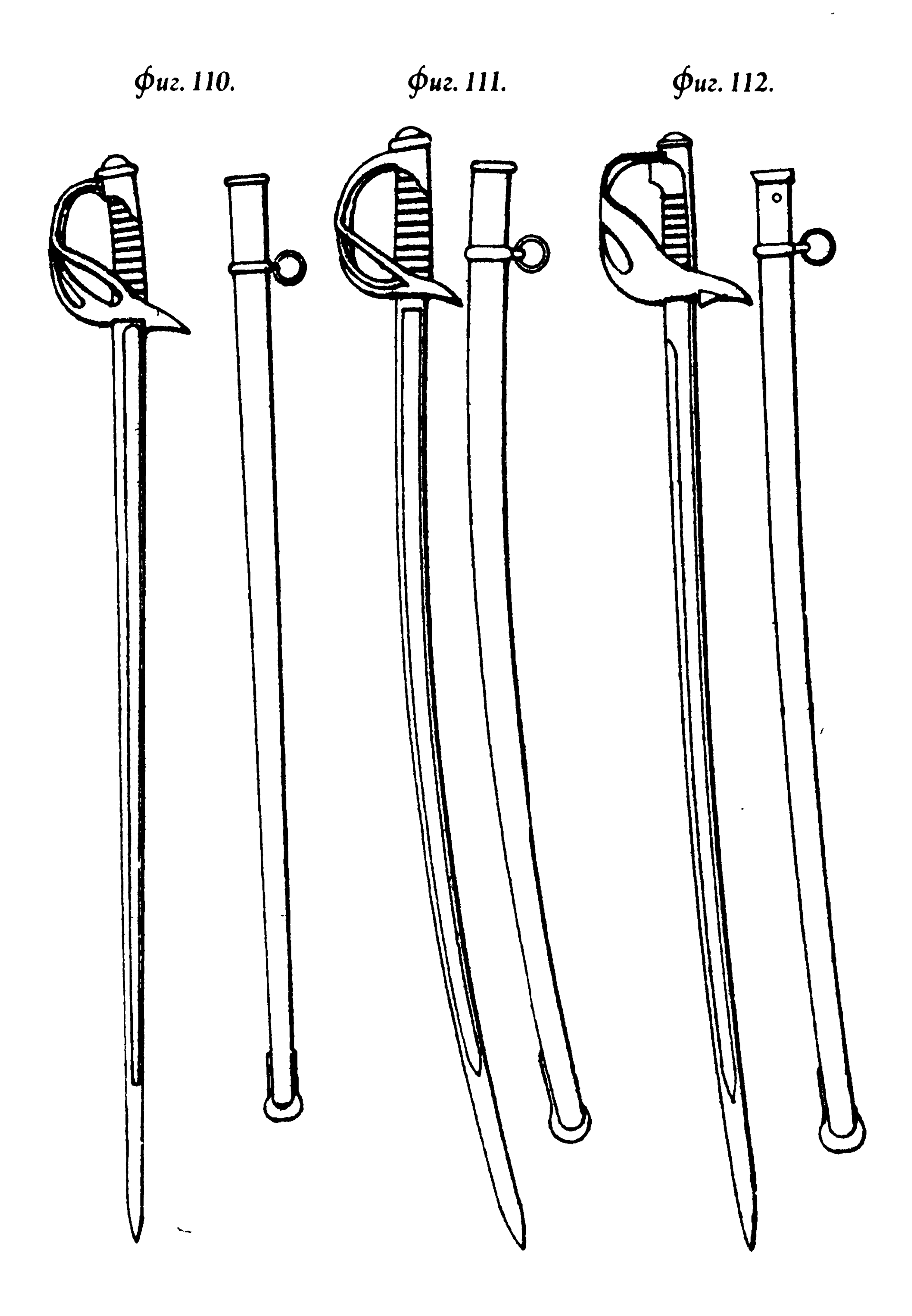
Фиг. 107.

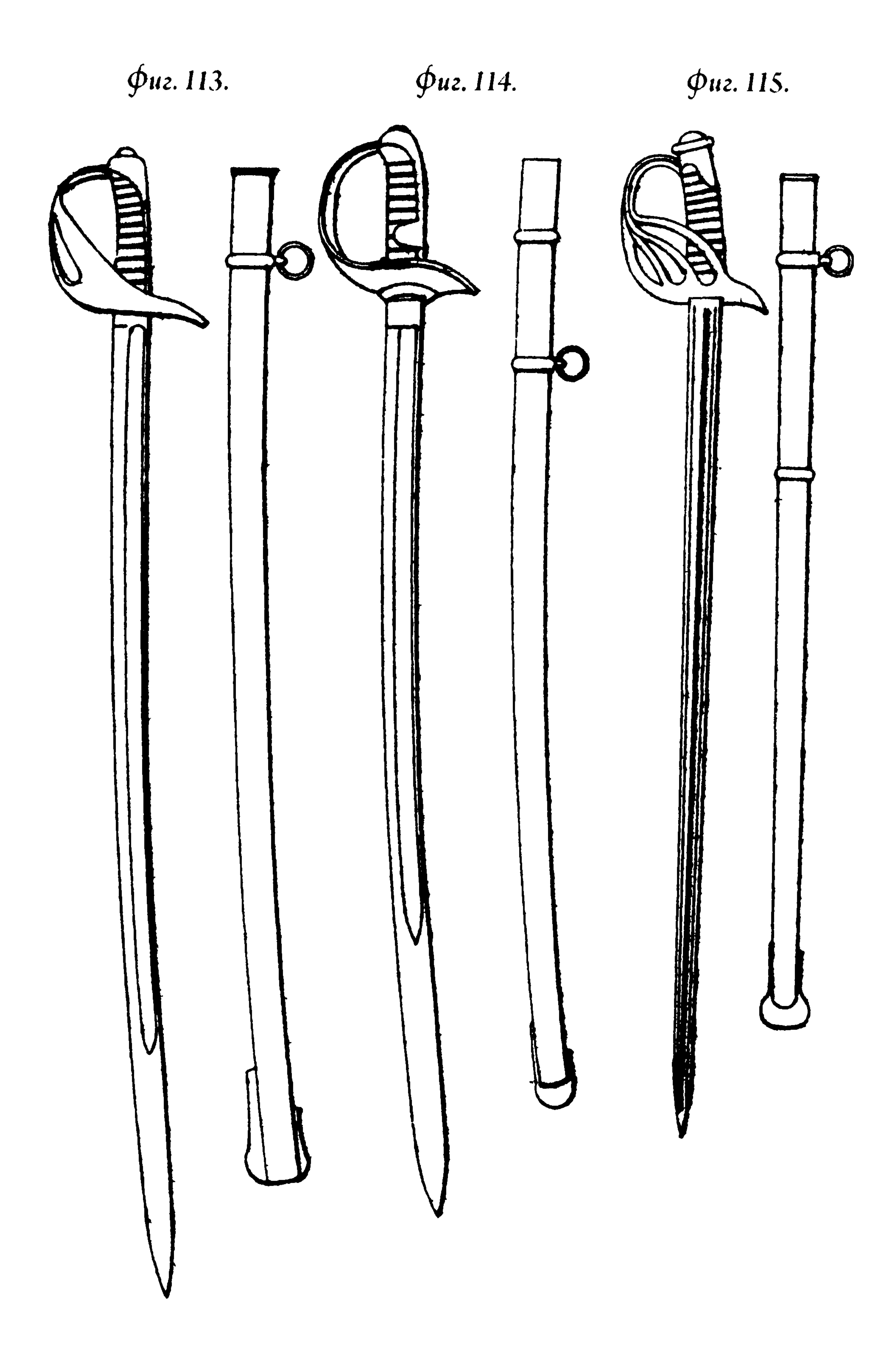

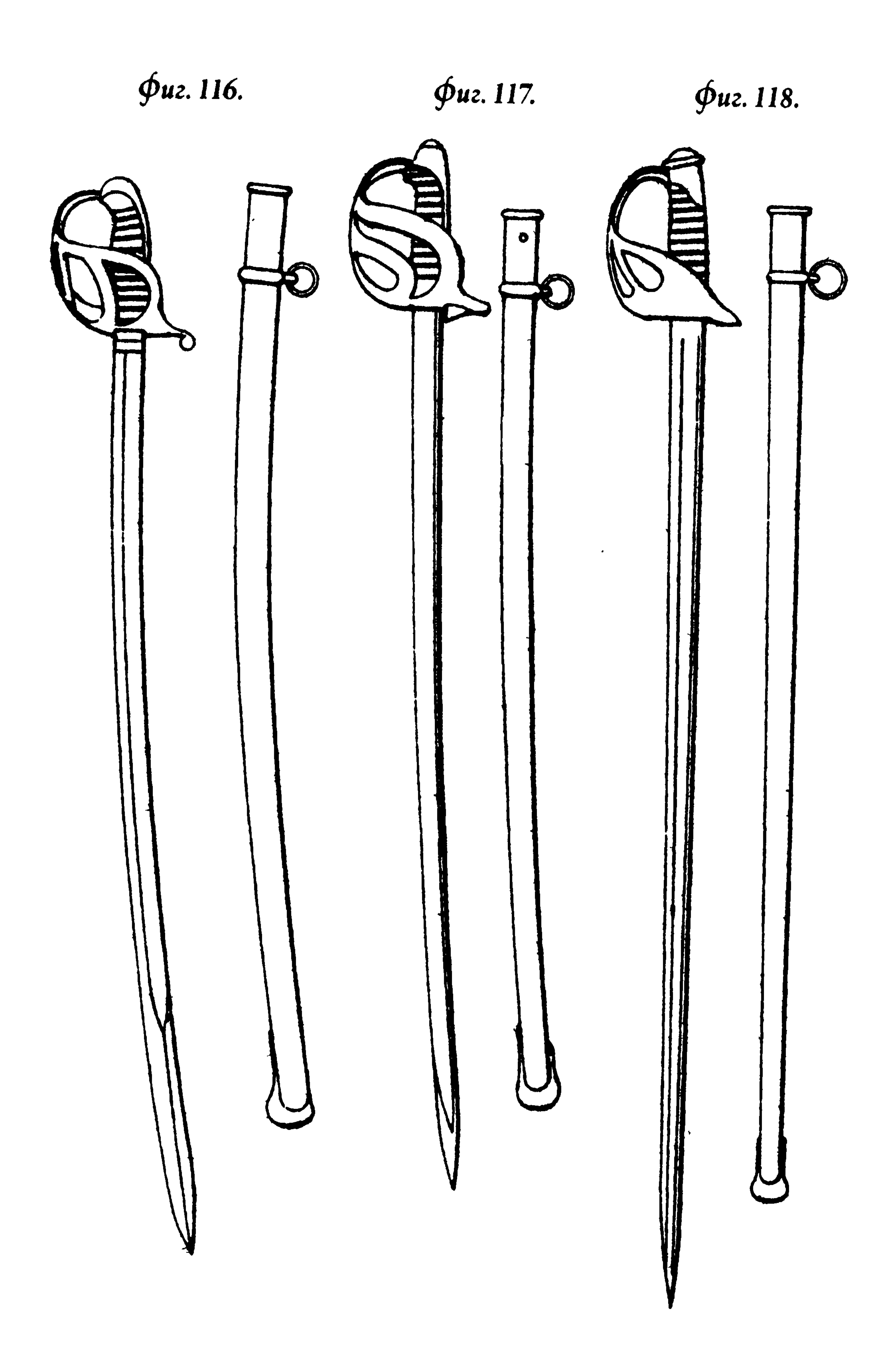
Фиг. 108.

Фиг. 109.

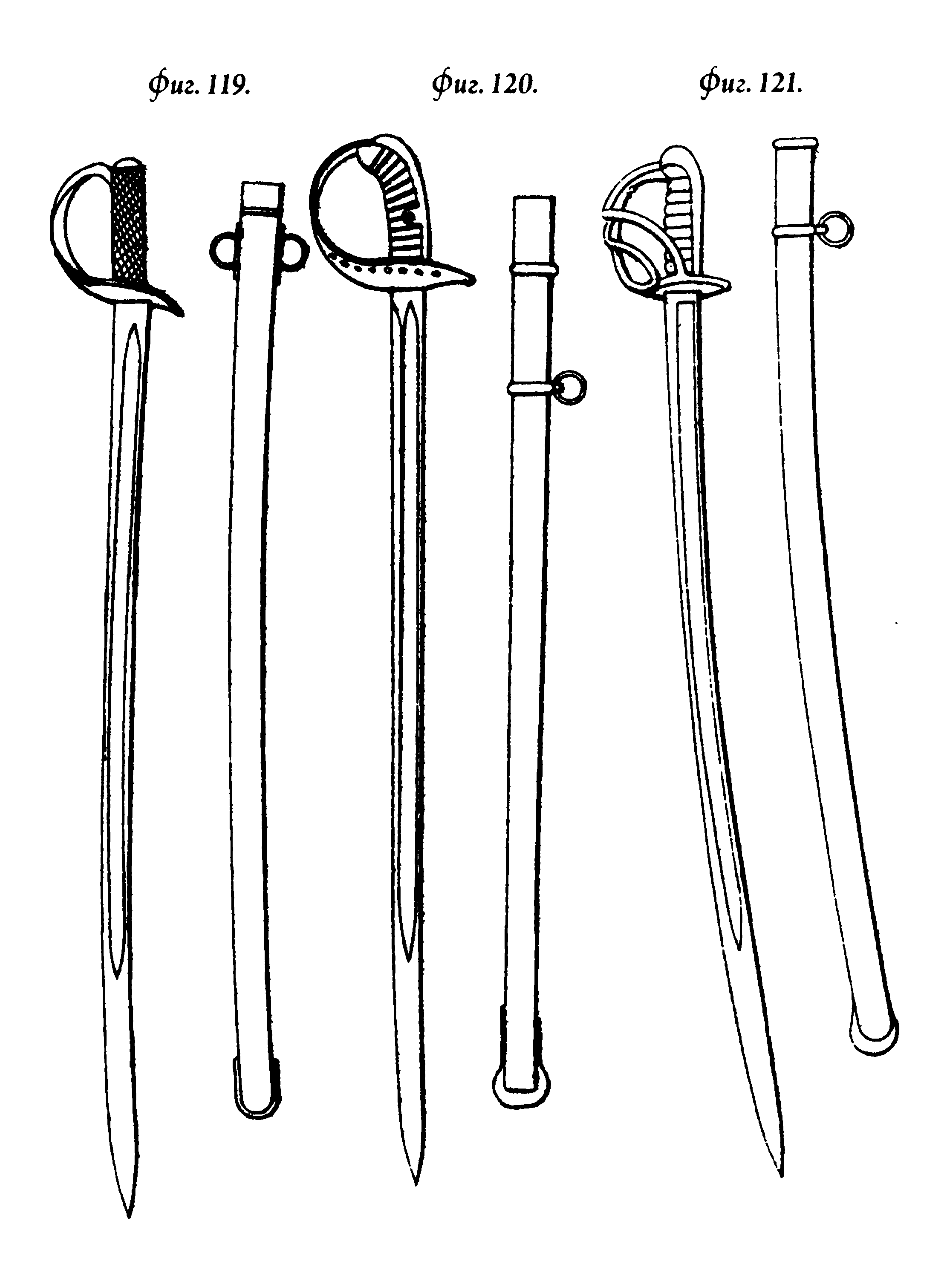

Фиг. 110.
Фиг. 111.
Фиг. 112.

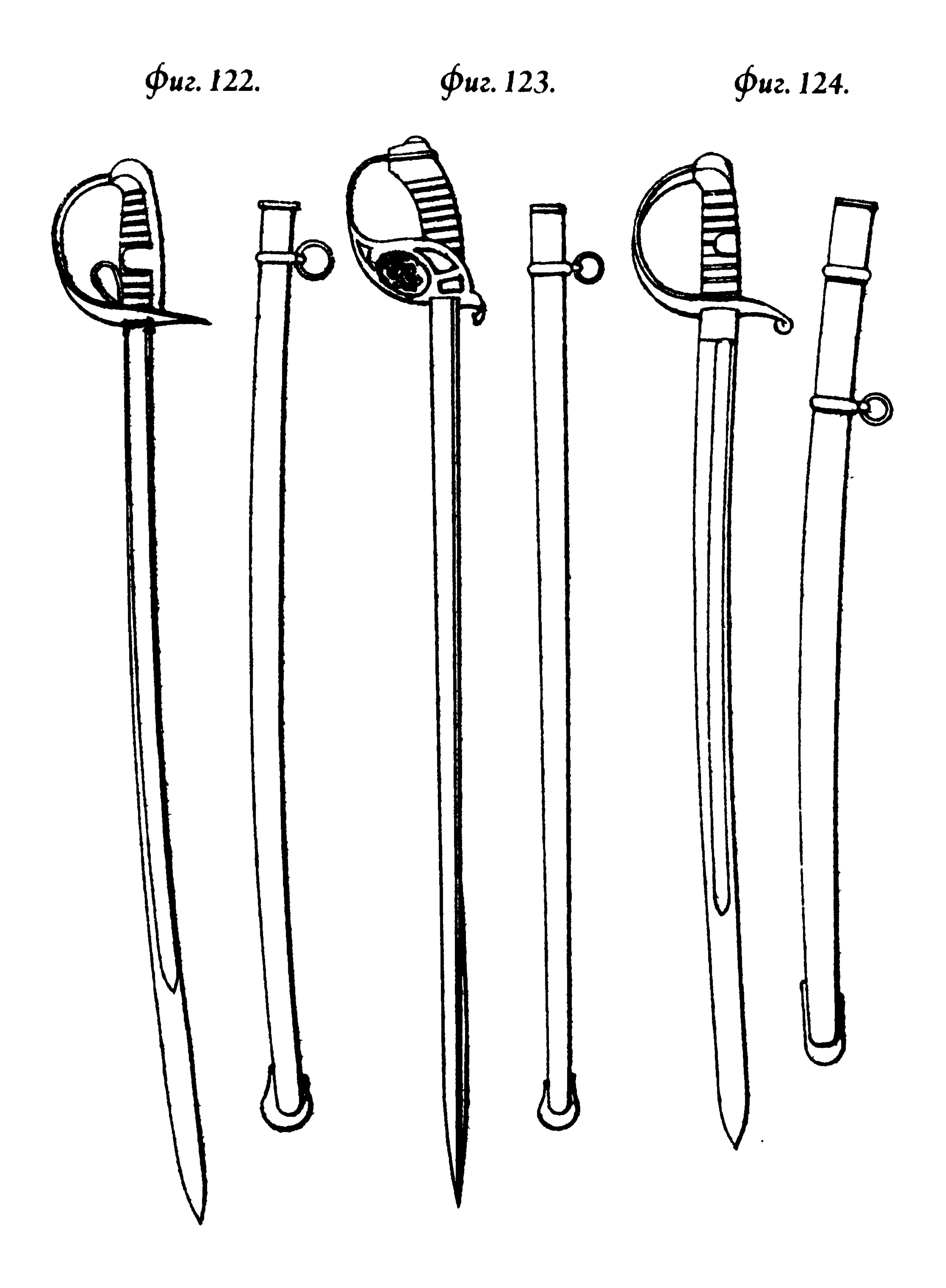

Фиг. 113.
Фиг. 114.
Фиг. 115.

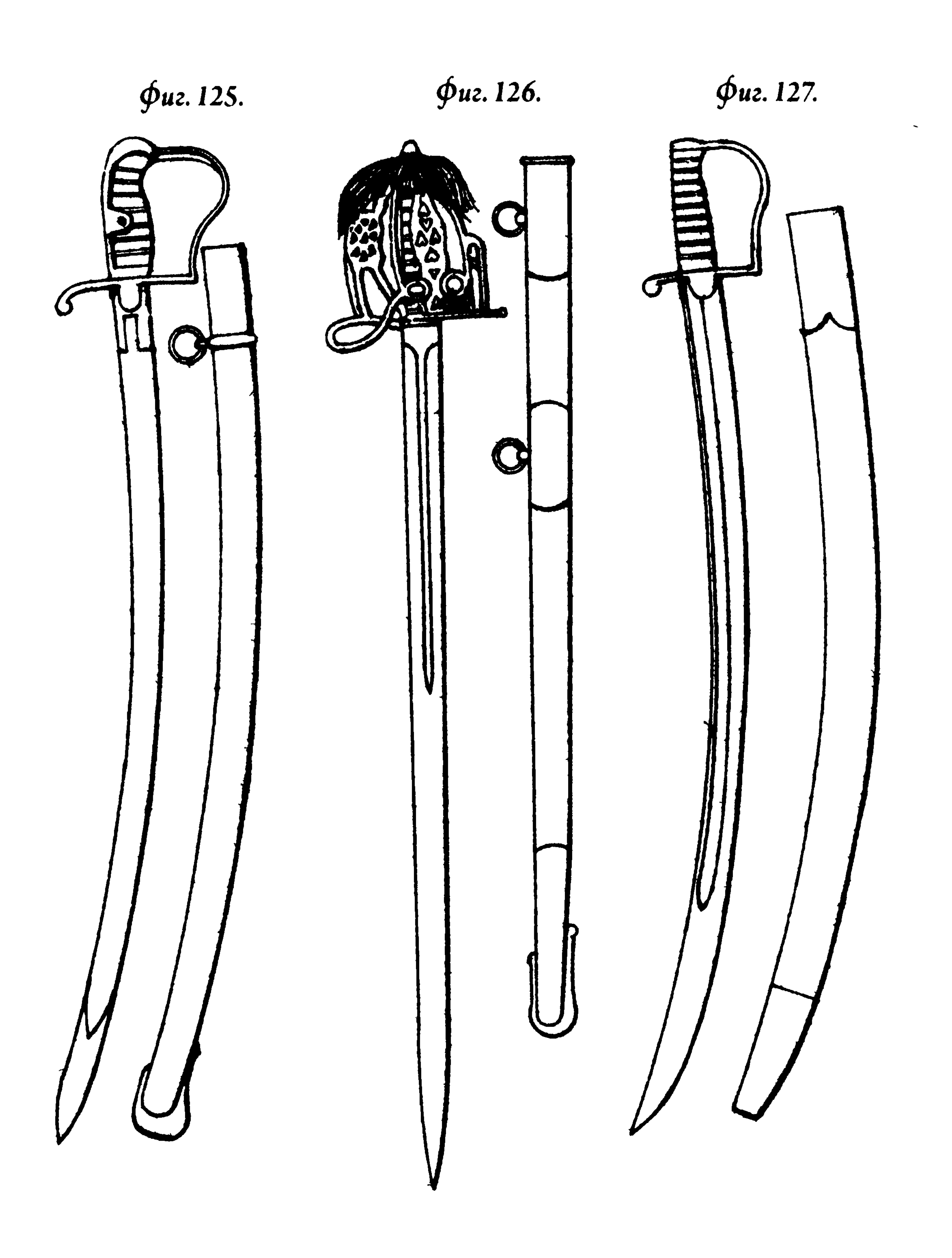

Фиг. 116. Фиг. 117. Фиг. 118.

Фиг. 119. *Фиг. 120.* *Фиг. 121.*

Фиг. 122.
Фиг. 123.
Фиг. 124.

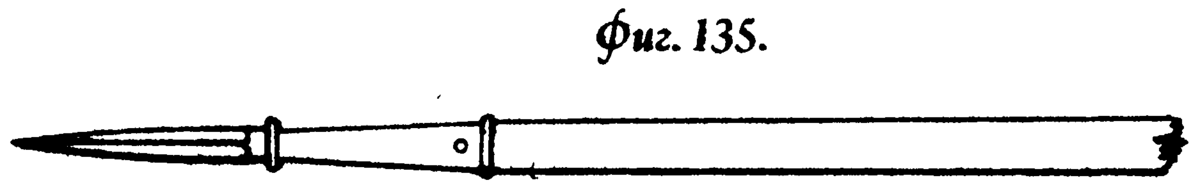

Фиг. 125. *Фиг. 126.* *Фиг. 127.*

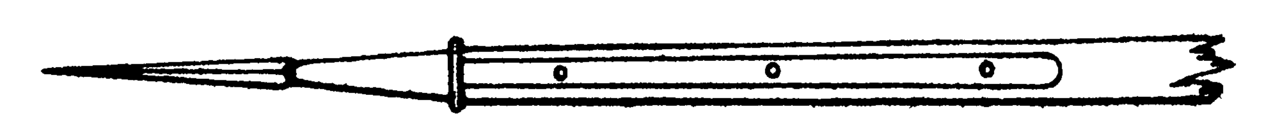
Фиг. 128. Фиг. 129. Фиг. 130. Фиг. 131. Фиг. 132. Фиг. 133.

Фиг. 134.

Фиг. 135.

Фиг. 136.

Оглавление

Введение 7

Глава I. ОСНОВАНИЯ УСТРОЙСТВА ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ 19

Колющее оружие 40

Пика 47

Штык 50

Глава II. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПЕРЕВОРУЖЕНИЙ НАШЕЙ АРМИИ ХОЛОДНЫМ ОРУЖИЕМ ЗА XIX ВЕК (до 1881 г.) . . 59

Оружие кавалерии 61

Драгуны 61

Кирасиры 74

Гусары 78

Уланы 79

Жандармы 90

Конноегеря 90

Коннопионеры 90

Конная артиллерия 90

Казаки 92

Пехота 103

Саперные войска 114

Прислуга пешей артиллерии 117

Глава III. ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ СИСТЕМЫ 1881 ГОДА 120

Описание образцов холодного оружия 81-го года . . . 147

Клинок с эфесом 147

О ножнах 151

Отточка клинков 152

Артиллерийская шашка (фиг. № 100) 153

Офицерское оружие 155

Глава IV. СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ 156

Штык или тесак должен быть принят к нашей винтовке? 157

Кавалерия 169

Какое оружие нужно нашей кавалерии: колющее, рубящее или колющее и рубящее вместе? 169

По вопросу о пике в нашей кавалерии 182

О вооружении прислуги полевой артиллерии 194

Офицерское оружие 212

Глава V. ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ ОБРАЗЦОВ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ, ПРИНЯТЫХ В ИНОСТРАННЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ АРМИЯХ 219

Глава VI. ОРУЖИЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЕ 231

I. Прежние образцы предохранительного вооружения 232

II. Новые образцы предохранительного вооружения 238

Примечания 246

Научно-популярное издание

ОРУЖЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Федоров Владимир Григорьевич

ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Н. Аничкин*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *И. Демина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, г. Москва, Самаркандский б-р, д. 15
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 26.01.2010.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 4002099.
Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-40380-6

